

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

На правах рукописи

КУШХОВ Борис Хабижевич

**СУБРЕГИОНАЛЬНАЯ ТРЁХСТОРОННЯЯ СИСТЕМА РОССИЯ-
МОНГОЛИЯ-КИТАЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (1990е-2024).
СТАНОВЛЕНИЕ, ЭВОЛЮЦИЯ, ПРИНЦИПЫ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РОЛЬ В
СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ**

Специальность 5.6.2. — Всеобщая история

**Диссертация на соискание учёной степени
кандидата исторических наук**

**Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Лузянин Сергей Геннадьевич**

Москва — 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. Отношения России, Китая и Монголии на современном этапе как субрегиональная система.....	34
1.1. Определение понятия система. От общей теории систем к международно-политической специфике	34
1.2. Наличие признаков системы в современных субрегиональных отношениях России, Монголии и Китая	38
1.3. Определение основных параметров современной субрегиональной системы Россия – Монголия – Китай	45
1.4. Базовые принципы функционирования системы Россия-Монголия-Китай. Выведение, сопоставление и анализ основных исторических моделей	57
1.5. Функциональные уровни субрегиональной системы	69
1.6. Выводы	73
ГЛАВА 2. Становление и эволюция современной трёхсторонней системы. Основные этапы развития трёхсторонних связей и проявления механизмов системы	76
2.2. Приоритет внутрисистемных факторов образования системы над внешними	89
2.3. Периодизация становления и развития современной трёхсторонней системы.....	91
2.4. Система Россия-Монголия-Китай в 1994-2013 годы	92
2.5. Система Россия-Монголия-Китай в 2014-2024 годы	97
2.6. Выводы	115

ГЛАВА 3. Функциональная роль трёхсторонней системы в отношениях России и Китая	118
3.1. Трёхсторонняя система как важный компонент национальной безопасности России и Китая.....	119
3.2. Роль трёхсторонней системы в развитии российско-китайского торгово-экономического сотрудничества.....	126
3.3. Выводы	153
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	156
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	163

ВВЕДЕНИЕ

Особенности нынешней международно-политической обстановки на всех уровнях заставляют отечественные научные, экспертные и политические круги обращать пристальное внимание на отношения Российской Федерации с её восточными партнёрами, значение которых в последние годы возрастает стремительными темпами. В связи с этим особенно значимым представляется фундаментальное и междисциплинарное исследование взаимоотношений России с Китаем – её крупнейшим политическим и торгово-экономическим партнёром. Данное исследование предлагает новый концептуальный взгляд на характеристики, особенности и специфику отношений двух стран – значимых друг для друга партнёров в контексте международно-политических и экономических процессов в субрегионе их непосредственного географического соприкосновения, значимым актором в пределах которого также является и государство Монголия. Таким образом, данное исследование посвящено анализу временных и постоянных характеристик взаимоотношений трёх стран в субрегионе на современном этапе их развития, который ограничен началом 1990х-2024 годами, а также определению механизмов влияния внешних и внутренних (субрегиональных) факторов на их развитие и эволюцию.

Актуальность исследования. В первую очередь актуальность данной темы следует объяснять объявленным в 2014 году и успешно развивающимся «Поворотом России на Восток», вызванным обострением отношений страны с коллективным Западом, экономическими санкциями и политическим давлением стран Европы и Северной Америки. Так как крупнейшим, равно как и наиболее перспективным партнёром России в рамках нового внешнеполитического курса является Китай, любая тема, разработка которой способна обогатить научным пониманием динамично развивающиеся отношения России с ним, представляется весьма актуальной. В это же время Монголия, несмотря на свой незначительный экономический, политический

и демографический потенциалы, является давним партнёром России с вот уже вековой традицией добрососедских отношений. Не менее значимым сотрудничество с Монголией представляется в связи с упомянутым выше расширением российско-китайских взаимодействий – в силу того, что эта страна находится в регионе соприкосновения границ России и Китая, и является ключевым звеном ряда перспективных проектов, призванных обеспечить успешное развитие связей нашей страны с её основным внешнеполитическим партнёром. Несмотря на то, что чрезмерная переориентация внешней торговли России на китайское направление также может привести к росту зависимости страны от внешних факторов, гармоничное политическое и торгово-экономическое сближение с крупнейшим соседом и другими динамично развивающимися государствами так называемого «глобального большинства» представляется одной из ключевых гарантий национальной безопасности Российской Федерации. В это же время развитие комплексного научного понимания «Поворота на Восток»¹ позволит значительно улучшить качество российского внешнеполитического планирования.

Тем не менее, тема исследования имеет высокую актуальность не только для выстраивания корректного внешнеполитического курса. Методологическая база подобных исследований современной внешнеполитической окружающей среды России также нуждается в значительном обновлении. В частности, представляется весьма актуальной необходимость обогащения методологического аппарата подобных исследований инструментами, позволяющими инкорпорировать опыт многовековых взаимодействий России с государствами изучаемого региона в анализ вероятных сценариев развития этих взаимодействий на новейшем этапе. Помимо этого, специфика современных многофакторных и многополюсных международных отношений не позволяет изучать те или иные аспекты отношений России с её

¹ Лузянин С. Г. Российско-китайский диалог: модель 2015. Москва, Российский совет по международным делам (РСМД). №18, 2015. С. 9.

партнёрами, ограничиваясь при этом исключительно анализом двусторонних процессов, в связи с чем современные исследования нуждаются в масштабном внедрении системного подхода², позволяющего оценить влияние на двусторонние отношения глобальных, многосторонних, трансграничных, субрегиональных условий и факторов.

Объектом исследования является взаимодействие трёх стран – России, Монголии и Китая, в двух и трёхсторонних форматах и в пределах определённого в исследовании субрегиона, на современном этапе (начало 1990х-середина 2020х годов).

Предметом исследования, в свою очередь, является структура и характер этих взаимодействий, существующие в рамках субрегиональных международных отношений паттерны, механизмы и принципы функционирования, развития и трансформации данных взаимодействий.

Хронологические рамки. В силу комплексного и системного характера исследования актуальным представляется выделение трёх категорий хронологических рамок. В непосредственном исследовательском фокусе работы находятся происходящие в отношениях трёх стран процессы последних трёх десятилетий – начала 1990х-середины 2020х годов. Именно осмыслению и концептуализации новейшего этапа отношений в субрегионе посвящено данное исследование. Тем не менее отдельные исследовательские задачи, решение которых необходимо для полного понимания происходящих в этих хронологических рамках событий и процессов, требует привлечения и анализа фактов из более ранних периодов: если для изучения процесса оформления современной субрегиональной системы потребуются анализ событий, происходящих в 1980е -1994 годы, то выведение устойчивых механизмов и принципов функционирования трёхсторонней системы объек-

² Кушхов Б.Х. Перспективы применения системного подхода в исследованиях внешней политики РФ: пример переоценки внешнеполитической ситуации. XI Международная Научно - Практическая Конференция «Развитие науки и практики в глобально меняющемся мире в условиях рисков». Материалы конференции. С. 101-106.

тивно нуждается в осмыслении и концептуализации исторического материала XVII-XX веков. Именно поэтому исследование, имея чёткие хронологические рамки, прибегает к их расширению для решения отдельных задач.

Географические рамки. Аналогичный подход применяется в исследовании и к территориальным рамкам. В процессе анализа границ системы и её паттернов взаимодействия с окружающей средой автор приходит к выводу о наличии следующих географических пределов системы, которые можно считать совпадающими с территориальными рамками исследования: непосредственно территория современного государства Монголия, а также районы Китая и России, примыкающие или к границе этих стран с Монголией, или к пограничным стыкам. Таковыми являются основные территориальные рамки, и именно те процессы, которые имеют территориальное и практическое воплощение в упомянутых пределах, будут находиться в фокусе данного исследования. Тем не менее для понимания характера взаимодействия системы с внешней средой (а без подобных взаимодействий ни одна организация не может в полной мере считаться системой) и механизмов их взаимного влияния, предполагается учитывать как те процессы, которые происходят на всей территории трёх стран, так и те, которые разворачиваются в глобальном пространстве в целом или в двухсторонних и трёхсторонних форматах отношений России, Китая и Монголии. Таким образом, несмотря на наличие относительно чётких территориальных рамок исследования, в силу применения в нём системного подхода представляется необходимым расширять их для решения ряда значимых задач – за счёт процессов, происходящих в других регионах или не имеющих территориальной привязки.

Источниковая база исследования. В исследовании задействованы следующие категории источников:

1 – Международные договоры 20-21 веков между СССР и КНР, МНР и СССР, Россией и КНР, КНР и Монголией, Россией и Монголией, а также коммюнике по итогам двусторонних встреч.

2 – Внутренние документы трёх стран: Конституции, концепции внешней политики, стратегии национальной безопасности, официальные доклады, национальные программы.

3 – Материалы двусторонних и трёхсторонних встреч на высшем уровне: совместные заявления лидеров, вице-премьеров и министров иностранных дел, выступления высокопоставленных представителей трёх стран на многосторонних встречах и заседаниях.

4 – Статистические данные по торгово-экономическим аспектам и показателям, предоставленные национальными статистическими агентствами трёх стран, а также независимыми аналитическими центрами.

5 – Новостные статьи, отчёты и доклады министерств трёх стран по реализации внутренних или международных проектов, а также материалы правительственных порталов трёх стран.

6 – Материалы, размещённые на сайтах частных и государственных компаний, имеющих отношение к реализации отдельных проектов в рамках субрегиона.

7 – Материалы СМИ внерегиональных государств.

8 – Исторические документы по более ранним периодам взаимодействия стран из сборников архивных документов.

9 – Интервью и выступления политических деятелей, участвовавших или участвующих в реализации тех или иных проектов в рамках трёхстороннего сотрудничества.

10 – Данные опросов общественного мнения в Монголии.

Библиография исследования. Литература, посвящённая методологическим и теоретическим аспектам исследования, представлена работами отечественных специалистов А. Л. Лукина «Региональные комплексы безопасности и Восточная Азия», М. А. Соколова «Системный подход как исследовательская программа в творчестве Л. Берталанфи», Ю. С. Васильева «Теории систем и системный анализ: истоки и перспективы», П. А. Цыганкова «Системный подход в теории международных отношений», А. Л. Ду-

наева «Система международных отношений: ответы прошлого на вопросы будущего», К. М. Ефремовой «Малые государства в международных отношениях»³, Б. Х. Кушхова и А. В. Тютина «Балансирующее поведение малых государств Востока: взгляд вне рамок неореализма».

Опыт теоретиков западных школ международно-политических наук, отражённый в работах западных специалистов – Б. Бузана и О. Вэвера «Регионы и державы: структура международной безопасности»⁴, Дж. Кея «Малые государства в мировой политике: объяснение внешнеполитического поведения»⁵, Л. Олсуорта «Международно-политическая мысль Дервента Уиттлеси»⁶, М. Ганделя «Слабые государства в международной системе»⁷, Р. Швеллера «Примыкание ради выгоды: возвращая ревизионистское государство»⁸, М. Элмана «Внешняя политика малых государств: бросить вызов неореализму»⁹, Э. Карша «Нейтралитет и малые государства»¹⁰, С. Уолта «Формирование альянсов и баланс сил в мире»¹¹, также был задействован при анализе теоретической составляющей субрегиональной системы.

В исследовании были использованы регионоведческие наработки по взаимоотношениям трёх стран специалистов из России, Монголии, а также из стран Запада (США, Великобритания, Германия). В частности, к крупным российским работам по трёхсторонней, а также российско-монгольской проблематике, задействованных в исследовании, можно отнести работы С.

³ Efremova K. Small States in Great Power Politics: Understanding the «Buffer Effect». *Central European Journal of International and Security Studies* 13(1). 2019. P. 100–121

⁴ Buzan B., Wæver O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge University Press. 2009. – 593 p.

⁵ Key J.A.K. Small States in World Politics: Explaining foreign policy Behavior. *International politics* 41(2). 2004. P. 67–85

⁶ Ashworth L.M. A Forgotten Environmental International Relations: Derwent Whittlesey's International Thought. *Global Studies Quarterly*. Vol. 1. 2021. P. 1–10

⁷ Handel M. Weak States in the International System. *International journal (Toronto, Ont.)* 37(2). 2006. P. 149–192

⁸ Schweller R. Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back. *International Security* Vol. 19:1. 1994. P. 72–107

⁹ Elman M.F. The Foreign Policies of Small States: Challenging Neorealism in Its Own Backyard. *British Journal of Political Science*, Vol. 25, No. 2 (Apr. 1995), P. 171–217

¹⁰ Karsh E. *Neutrality and Small States*. London: King's College, 2012. – 225 p.

¹¹ Walt S. Alliance Formation and the Balance of World Power. // *International Security*, Vol. 9, No. 4. 1985. P. 3–43

Г. Лузянина «Треугольник Россия – Монголия – Китай в 1911-1945 гг. – долговременный исторический фактор современного климата в восточной Азии» 1999 года, «Из истории взаимоотношений России, Монголии и Китая в 20-30-е годы XX века» 1998 года, «Возрождение треугольника Россия – Монголия – Китай. Возможности и проблемы», «Россия – Монголия – Китай: исторические и современные трансформации», «Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг.», «Шанхайская Организация Сотрудничества: модель 2014-2015». работы В. А. Родионова «Третий сосед Монголии как идейно-политический концепт», «Меж трёх соседей – внешние факторы политического процесса в постсоциалистической Монголии», «Политический процесс в Монголии сквозь призму электоральных циклов», «Мягкая сила малых стран: опыт Монголии», А.П.Суходолова и Ю.В. Кузьмина «Взаимодействие интересов сторон в треугольнике отношений "Россия-Монголия-Китай" в ходе создания и использования международных транспортных коридоров», «Структура и динамика торгово-экономического сотрудничества в треугольнике Россия - Монголия — Китай», «Россия, Монголия и Китай: сотрудничество, вызовы, противоречия», В. Б. Базарова «Россия, Монголия, Китай: восточно-азиатский треугольник», В. В. Грайворонского «Китайский мега-проект «Экономический пояс Шелкового пути»: место и роль Монголии», «Россия и Монголия: 100 лет вместе по пути дружбы и сотрудничества», «Транспорт Монголии» и «Модернизация железнодорожного транспорта в Монголии и роль российско-монгольского сотрудничества», М. С. Романовой «Буряты России, Китая и Монголии: проблема идентичности и ее интерпретации», С. К. Рощина «Политическая история Монголии», Г. С. Яскиной «Монголия и внешний мир», М. И. Гольмана «По пути демократических реформ» и «Президентские выборы в Монголии», А. А. Зыкова «Этнокультурный фактор трансграничного сотрудничества Дальнего Востока России», А. В. Воронцова «Российско-монгольское сотрудничество в многосторонних инфраструктурных форматах», З. Б-Д. Дондокова и В. О. Намжиловой

«Экономический коридор Китай – Монголия – Россия: выстраивание инфраструктурной связанности в условиях глобальных вызовов», А. В. Макарова, Е. В. Макаровой и А. Б. Андреева «Монгольский коридор: проблемы и перспективы развития транзитно-транспортной сети Монголии», В. О. Намжиловой, В. С. Батомункуева «Монголо-китайская граница: преобразования приграничной инфраструктуры и влияние ЭПШП», Д. А. Ператинской, А. С. Харланова и А. А. Бобошко «Трёхстороннее сотрудничество «Китай-Россия-Монголия»: развитие транспортного коридора», Э. В. Батунаева «Российско-монгольские отношения: от спада до всеобъемлющего стратегического партнёрства», М. Н. Мироновой «Современные тенденции экономического сотрудничества Монголии с Китаем и Россией».

В исследовании задействованы работы по проблематике двусторонних российско-китайских отношений таких авторов, как уже упомянутый С. Г. Лузянин «Российско-китайский диалог: модель 2015», «Россия – Китай: модель 2016–2017 гг. Глобальные, региональные и приграничные измерения», а также Г. Н. Романова «Значение Советского Союза в индустриализации Северо-Восточного Китая», А. В. Бояркина «Внешнеполитическая стратегия Дэн Сяопина в период экономических реформ и открытости», М. С. Капица «Советско-китайские отношения», О. Б. Борисов и Колосов Б. Т. «Советско-китайские отношения» и многих других.

Интересы и мотивации Китая в рамках субрегиональной системы рассмотрены с опорой на исследования И. В. Ставрова «Экономический коридор Китай – Монголия – Россия в стратегии социально-экономического развития провинции Хэйлунцзян», С. К. Песцова «Стратегия «оживления» северо-востока Китая: опыт управления развитием периферийных территорий», России – в работе С. В. Мясникова и В. Н. Федорина «Экономический коридор «Монголия – Россия – Китай»: перспективы участия России», Монголии – в статье Т. Е. Бейдиной, А. П. Литовченко и А. В. Новиковой «Транспортные коммуникации как инструмент реализации внутренней и внешней политики Монголии».

Монгольская библиография исследования представлена работами таких специалистов, как Л. Хангай (Экономический коридор – это современный «Чайный путь»)¹², Б. Хогжилт (Исследование геополитического и геоэкономического положения Монголии)¹³, Ж. Баясах (Внешнеполитический курс Монголии между первой и второй концепцией внешней политики)¹⁴, Революция внешней политики Китая¹⁵, Анализ визитов лидеров двух соседних стран в Монголию)¹⁶, К. Дэмбэрэл (Факторы «монгольского мира» в монголо-советских отношениях)¹⁷, Ц. Алтай (Перестройка Горбачёва и смена интересов СССР в Монголии)¹⁸, В. Ариунчимэг (Перспективы сотрудничества Монголии и ШОС)¹⁹, Ц. Батбаяр (Богдыханская Монголия в поисках третьего соседа)²⁰, Международные отношения Монгольского государства периода Многими Возведенного)²¹, А. Тувшинтогс (Внешняя среда национальной безопасности Монголии после Холодной Войны)²², Б. Лхамсурэн

¹² Хангай Л. Эдийн засгийн коридор бол орчин цагийн цайны зам. Улан-Батор, 2019, – 284 х.

¹³ Хогжилт Б. Монгол Улсын геополитик, геоэдийн засгийн байр суурийн тухай шинжилгээ. Олон Улсын харилцаа. Улан-Батор, №1/32 (458). 2016. Х. 42–53

¹⁴ Bayasakh J. Mongolian foreign policy from the 1st to the 2nd foreign policy. Ulaanbaatar, MAS, 2015. P. 15–29

¹⁵ Баясах Ж. БНХАУ-ын гадаад бодлогын хувьсал. Монгол улс ба хорш орны гадаад бодлого (эмхэтгэл) Улаанбаатар, Академия Наук Монголии, 2015. – 530 х.

¹⁶ Bayasakh J. Analysis on the two neighbors presidents visit to Mongolia. Collection of Scientific works written in English by scholars of the ИА. Mongolian Academy of Sciences, Institute of International Affairs. 2015. P. 143–154

¹⁷ Дэмбэрэл К. Факторы «монгольского мира» в монголо-советских отношениях. 100 лет дипломатических отношений между Россией и Монголией: от дружественных отношений к всеобъемлющему стратегическому партнёрству. М.: ИВ РАН. 2022. – 218 с.

¹⁸ Алтай Д. Горбачёвын «перестройка»: Монголын талаархи ЗХУ-ын ашиг сонирхолын өөрчлөлт. Монгол улсын гадаад харилцаа: Түүх, орчин үе. Улаанбаатар, Академия Наук Монголии, 2018. – 520 х.

¹⁹ Ариунчимэг В. Монгол ШХАБ-ын хамтарсан ажиллагааны хэтийн толов. Олон Улсын Харилцаа. Улан-Батор, №1/32 (458), 2016

²⁰ Батбаяр Ц. Богд Хаант Монгол Улс гуравдахь хөршийн эрэлд. Улан-Батор, 2011. – 138 х.

²¹ Батбаяр Ц. Олноо Өргөгдсөн Монгол улсын гадаад харилцаа. Улаанбаатар: Монгол улсын Шинжлэх ухааны академи Түүхийн хүрээлэн, 2008. – 177 х

²² Тувшинтогс А. Хуйтэн дайны дараах монголын аюулгүй байдлын гадаад орчин (судалгааны бүтээлийн туувэр). Улан-Батор, Национальная академия разведки Монголии, 2012. – 436 х.

(Исследование отношений России и Монголии в 1990е годы)²³, Н. Алтанцэцэг (Китайско-монгольские отношения в рамках всеобъемлющего стратегического сотрудничества: желания и реальность). А. Даваасурэн и Ч. Ариунжаргал (О проблемах формирования экономического коридора Россия — Монголия — Китай)²⁴, О. Очирмаа (Основные тенденции в торгово-экономическом сотрудничестве России, Монголии и Китая)²⁵, Б. Балдоо (Монголия и Северо-восточная Азия)²⁶, Т. Сувданцэцэг (Изменяя динамику мягкой силы в Монголии)²⁷. Внешний фактор в образовании современной модификации системы рассматривается в исследовании с опорой на монографию Р. Болда «Независимость и признание»²⁸.

В историографию исследования включены работы таких западных исследователей субрегиональной проблематики, как Оуэн Латтимор (Исторические условия национализма в Монголии)²⁹, Политика сателлитов: монгольский прототип)³⁰, Дж. Мёрфи (Советская Монголия. Исследование старейшего политического сателлита)³¹, О. Клабб (Россия и Китай)³², Т. Северин

²³ Лхамсурэн Б. Монгол ба ОХУ-ын 1990-ээд оны харилцааг уечлэн авч узэх нь. Монгол улсын гадаад харилцаа: Туух, орчин Үе. Улан-Батор, Академия Наук Монголии 2018. — 520 х.

²⁴ Даваасурэн А., Ариунжаргал Ч. О проблемах формирования экономического коридора Россия — Монголия — Китай // Регион: экономика и социология. 2021, №3 (111). С. 184–202

²⁵ Очирмаа О. Основные тенденции в торгово-экономическом сотрудничестве России, Монголии и Китая // Финансы и кредит. 2009, №4 (340). С. 67–72

²⁶ Балдоо Б. Монгол улс, Зүүн хойт Ази: улс төр-аюулгүй байдал, эдийн засаг, соёлын хамтын ажиллагаа. Монгол улсын гадаад харилцаа: Түүх, орчин үе. Улан-Батор, Академия Наук Монголии. 2018. — 520 х.

²⁷ Suvdantsetseg Ts., Mendee J. Changing soft power dynamics in Mongolia. Mongolian Geopolitics. Friedrich-Ebert-Stiftung Mongolia & Mongolian Institute for Innovative Policies. 2022. — 430 p

²⁸ Болд Р. Независимость и признание. Монголия в треугольнике интересов: США-Россия-Китай, 1910-1973. М.: Весь мир, 2015. — 400 с.

²⁹ Lattimore O. The Historical Setting of Inner Mongolia Nationalism. Pacific Affairs. 1936, vol.9, № 3

³⁰ Lattimore O. Satellite's Politics: Mongolian Prototype. Western Political Quarterly. 1956. Vol. 9. № 11

³¹ Murphy J. Soviet Mongolia. A Study of the Oldest Political Satellite. Berkeley and Los Angeles, 1968. — 231 p

³² Clubb O. China and Russia. The Great Game.

(В поисках Чингисхана)³³, У. Брюнн и У. Одгарт (Монголия в процессе перехода)³⁴, Т. Гинсбург (Политическая реформа в Монголии. Между Россией и Китаем)³⁵, Э. Хайэр (Большая игра)³⁶, Ц. Лакс (Монголия на стратегическом поле Евразии)³⁷, а также Удо Баркманн (К отношениям между Монголией и СССР. Россия между 1989 и 1993 годами)³⁸ и К. Цайглер (Россия в Тихоокеанском регионе: Первостепенный игрок или второплановый участник)³⁹.

Китайская библиография представлена по большей части работами, написанными на русском, английском, монгольском и китайском языках, призванными осмыслить настоящее и будущее трёхсторонних взаимодействий в рамках китайского проекта «Пояса и пути» и «Экономического коридора Китай – Россия – Монголия» – в частности, аналитическим докладом Рэнъ Вэйминя «Китайско-российско-монгольский коридор – вклад аналитического центра», работами К. Вэна и С. Чжана «Анализ торгового потенциала китайско-российско-монгольского коридора»⁴⁰, Ю. Яна «Прогресс, движущие силы и вызовы в китайско-российском взаимодействии в области энергетики в контексте трёхстороннего коридора»⁴¹, В. Чжэна «Выбор пути экономического коридора Россия-Монголия-Китай с основой на инициативу

³³ Severin T. In Search of Chinghis Khan. London, 1991

³⁴ Mongolia in Transition. By Ole Brunn Ole Odgaard. Richmond, 1966;

³⁵ Ginsburg T. Political Reform in Mongolia. Between Russia and China. Asian Survey. 1995. May. Vol. 35, № 5

³⁶ Hyer E. «The Great Game». Mongolia between Russia and China

³⁷ Lax C. Die Mongolei im Strategischen Kraftfeld Asien. Baden-Baden, 1995

³⁸ Barkmann U. Zu Den Beziehungen zwischen der Mongolei und der UdSSR. Russland in den Jahren 1989 bis 1993. Asien Deutsche Zeitschrift fur Politik, Wirtschaft und Kultur. 1995, Oktober, №57

³⁹ Zeigler Ch. Russia and the Asia-Pacific. A Mayor Power of A Minor Participant // Asian Survey. 1994. June, Vol. 34, № 6

⁴⁰ Wen, K.; Zhang, X.M. Analysis of “China, Mongolia and Russia economic corridor”’s trade potential // J. Ind. Technol. Econ. 2017, 36, P. 111–118

⁴¹ Yang, Y.; Dong, S.C.; Li, Z.H. Progress, driving forces and challenges of Sino-Russian energy cooperation under the ChinaMongolia-Russia economic corridor // Resour. Sci. 2018, 40, P. 237–249.

«Пояса и Пути»⁴², Д. Шивэя «Монгольский степной путь и экономический коридор Россия-Китай-Монголия»⁴³, С. Чжана «Беспрепятственная торговля и строительство трёхстороннего экономического коридора: проблемы и перспективы»⁴⁴, Д. Сина «Межличностный обмен в рамках трёхстороннего коридора»⁴⁵, М. Дзао «Паттерны развития и пути сотрудничества в области туризма в рамках российско-китайско-монгольского экономического коридора»⁴⁶, а также Вана Цзюньтао «Развитие экономического коридора Китай-Монголия-Россия: приграничное измерение»⁴⁷.

Помимо работ, призванных изложить основные результаты научного поиска в рамках кандидатского исследования, в диссертации использованы материалы аналитических публикаций автора в сетевом издании Института Востоковедения Российской Академии Наук «Новое Восточное Обозрение»: «Монголия против членства в ШОС – Сказать «Нет» России и Китаю – не значит сказать «Да» Западу»⁴⁸, «Официальная позиция Монголии по украинскому кризису: приоритет национальных интересов и тонкости формулировок»⁴⁹; «Россия и Монголия: потенциальные экономические

⁴² Zheng, W. Path Choice of China-Mongolia-Russia economic corridor based on “Belt and Road” initiative. J. Beijing Technol. Bus. Univ. (Soc. Sci.) 2016, 31, P. 31–38

⁴³ Шивэй Д. Монгол улсын “Талын зам” ба “Хятад-Монгол-Орос гурван улсын эдийн засгийн коридор”. Олон Улс Судлал. 2022. Vol. 45. № 114. Х. 64–89

⁴⁴ Zhang X. Unimpeded trade and the construction of the China-Mongolia-Russia economic corridor: problems and prospects // R-Economy. 2020

⁴⁵ Xing, J. People-to-People Exchange of China-Mongolia-Russia Economic Corridor: A Media Globalization Perspective. SHS Web of Conferences. 2022. 148(6)

⁴⁶ Zhao M. Development patterns and cooperation paths of tourism industry within the China–Mongolia–Russia Economic Corridor. // IOP Conference Series Earth and Environmental Science. 2018. 190(1) P. 12–67

⁴⁷ Ван Цзюньтао, Вовенда А.В., Любина Д.Е., Мушенко Е.В. Развитие экономического коридора Россия-Китай-Монголия: приграничное измерение // Социально-политические науки. 2021, №5

⁴⁸ Монголия против членства в ШОС – Сказать «Нет» России и Китаю – не значит сказать «Да» Западу. – URL: <https://journal-neo.su/ru/2023/02/16/mongoliya-protiv-chlenstva-v-shos-skazat-net-rossii-i-kitayu-ne-znachit-skazat-da-zapadu/> (дата обращения: 02.06.2024).

⁴⁹ Официальная позиция Монголии по украинскому кризису: приоритет национальных интересов и тонкости формулировок. – URL: <https://journal-neo.su/ru/2023/02/02/ofitsialnaya-pozitsiya-mongolii-po-ukrainskomu-krizisu-prioritet-natsionalnyh-interesov-i-tonkosti-formulirovok/> (дата обращения: 02.06.2023).

проекты⁵⁰», «Участие наблюдателя? Премьер-министр Монголии на встрече глав правительств стран ШОС», «Россия-Монголия в 2023 году: 25—е заседание Межправительственной комиссии», «Транспорт Монголии: три транзитных ж/д коридора», «Транспорт Монголии: недавние успехи в строительстве железных дорог», «Азия-Европа и магистраль АН-4: выгоды для России, Монголии и Китая», «Отношения России и Китая глазами Монголии: угроза или возможность?», «Монголия и Индия – неочевидное, но широкое партнёрство», «2023 год и восприятие «третьего соседа» в Монголии: настроения граждан меняются», «Япония и Монголия: как экономические гиганты укрепляются в малых государствах», «2014 и 2022 гг. – дискредитация образа России в Монголии?», «Монголия, Южная Корея, редкоземельные металлы: «наведение мостов» или «открытие ящика Пандоры»?», «Монголия против членства в ШОС – Сказать «Нет» России и Китаю – не значит сказать «Да» Западу», «Западные миссионеры в Монголии: сегодня – вера, а завтра – социально-политическая повестка», «Официальная позиция Монголии по украинскому кризису: приоритет национальных интересов и тонкости формулировок».

В исследовании задействована литература и источники на русском, монгольском и английском и немецком языках, в ограниченном объёме также привлечены источники и литература на китайском языке.

Степень изученности темы. Так как исследование представляет собой синтез историко-востоковедного познания с международно-политическим, представляется закономерным отдельно оценить степень разработанности этих двух аспектов темы.

Так, её теоретические и международно-политические аспекты в достаточной степени разработаны теоретиками международных отношений второй половины 20 – первой четверти 21 века. В частности, Д. Хэем, А. Ван-

⁵⁰ Россия и Монголия: потенциальные экономические проекты. – URL: <https://journal-neo.su/ru/2023/03/20/rossiya-i-mongoliya-potenczialnye-ekonomicheskie-proekty/> (дата обращения: 02.06.2023).

денбошем, М. Ганделем и К. Ефремовой были рассмотрены теоретические аспекты поведения малых государств на международной арене, Дж. Миершаймером, Г. Моргентау и С. Уолтом был с разными акцентами изучен общий характер взаимодействия двух держав международных отношениях. В это же время в формирование общей теории систем, а также в апробации системного подхода в международно-политической проблематике внесли значительный вклад такие специалисты, как К. фон Берталанфи и К. Булл. Таким образом, степень разработанности международно-политических и концептуально-теоретических аспектов темы исследования представляется достаточной за исключением нескольких пунктов. Так, взаимодействия между державами разработаны в теории международных отношений преимущественно в глобальном, а не региональном и субрегиональном контексте, в то время как теоретические аспекты поведения малых государств, полностью «зажатых» в границах своего субрегиона двумя державами, в силу их малочисленности, практически не подвергались целенаправленному изучению.

Практические аспекты темы, связанные с историей, экономикой и политикой стран – участниц международных процессов в изучаемом субрегионе, а также их взаимодействий, также разработаны в достаточном объеме такими отечественными специалистами-страноведами, как С. Лузяниным, В. Родионовым, А. Железняковым, В. Грайворонским, Б. Базаровым и В. Базаровым, Ю. Кузьминым, А. Суходоловым, монгольскими специалистами Н. Батнасан, Р. Болд, Ж. Баясах, Д. Баярхуу, К. Дэмбэрэл, Ц. Алтай, Л. Хангай, китайскими специалистами⁵¹ Рэй Вэньминь, Ван Хайян, Гао Гуоцин, Цай Чжэнвэй, Вэн К., Ян Ю., Жэнг В., Дэ Шивэй, Син Д., Ли Т., Цай Лингли, представителями западных научных школ востоковедения Оуэном Латти-

⁵¹ Cao M. Intellectual Structure of the Belt and Road Initiative Research: A Scientometric Analysis and Suggestions for a Future Research Agenda // Sustainability. 2020, №12(17). P. 69–101.

мором, Дж. Мёрфи, О. Клаббом, Т. Севериным, У. Брюнном, Т. Гинсбургом, Э. Гаером, Ц. Лаксом, Удо Баркманном, а также К. Цайглером⁵².

Несмотря на достаточную разработанность двух отдельных «плоскостей», на которые можно подразделить тематику данного исследования, в научном опыте по-прежнему незначительна доля комплексных междисциплинарных исследований, направленных на синтез этих измерений. В исследовании упомянутой проблематики сложилась ситуация, при которой абсолютное большинство научных работ являются или концептуальными, абстрагированными от конкретного изучаемого региона, международно-политическими исследованиями, или же фокусированными исследованиями региональной (субрегиональной) обстановки, опирающимися по большей части на традиционные историко-описательные, хронологические и историко-сравнительные методы, пренебрегая формированием теоретических конструкций, равно как и системным осмыслением «треугольника». Так, на основе анализа историографии современного этапа отношений трёх стран на примере отечественной историографии автор исследования выдвигает гипотезу, согласно которой в изучении современного треугольника Россия-Монголия-Китай (с начала 1990х годов) существует три основных этапа и два оформленных «сдвига» в методологии познания данного субрегиона, из которых лишь наименее продолжительный и содержательный по количеству публикаций третий этап содержит в себе признаки перехода исследователей субрегиональной проблематики к фокусированному изучению «треугольника» как системы. Каждый из трёх упомянутых этапов рассмотрен ниже.

1-Этап изучения политико-экономической ситуации в субрегионе путём раздельного изучения двусторонних отношений, а также рассмотрения Монголии и Китая в контексте изучения восточных рубежей страны (1990е-2009).

⁵² Гольман М. И. Западные авторы об отношениях России и Монголии. Россия и Монголия. Новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. М.: 2001, с. 248–260.

Данный этап изучения «треугольника» можно считать периодом доминирования двух категорий работ: исследований внешней и внутренней политики Монголии и Китая и работ, посвященных проблематике современных отношений этих стран с Россией. К числу работ данного периода можно отнести некоторые статьи и монографии В.В. Грайворонского – Россия и Монголия: современные отношения и перспективы взаимоотношений (1995)⁵³, О.А. Джагаевой – Развитие российско-монгольских отношений 1921-2005 гг. (2005), В. А. Родионова – Россия и Монголия: новая модель отношений в начале XXI века (2009)⁵⁴, Б. В. Базарова – Монголо-российские отношения на современном этапе (2005). В формулировке названия работы В. Ц. Ганжурова «Российско-монгольские отношения в 1980-1995 гг.», написанной автором в 1997 году, а также в её содержании, прослеживается сохранение тех подходов и той методологии изучения субрегиона, которая применялась ещё в советский период. Исследования российско-китайских отношений, принадлежащих к этому же хронологическому и логическому этапу, в целом являются выражением тех же тенденций: так, они прослеживаются в работах В. С. Мясникова «Россия и Китай: конструктивное партнерство, обращенное в XXI век» (1996)⁵⁵, Л. П. Делюсина «Российско-китайские отношения на рубеже веков» (2002)⁵⁶, В. А. Совастеева «Фундаментальное исследование по истории российско-китайских отношений» (2006)⁵⁷.

2-Этап перемещения акцентов на отраслевое сотрудничество и начала восприятия субрегиона как единого политико-экономического про-

⁵³ Грайворонский В.В. Россия и Монголия: современные отношения и перспективы взаимоотношений. Россия и Азия: состояние и перспективы сотрудничества. Институт востоковедения РАН, международная ассоциация "За диалог и сотрудничество в АТР", Российский гуманитарный научный фонд. Москва, 1995. С. 130-134.

⁵⁴ Родионов В. А. Россия и Монголия: новая модель отношений в начале XXI века. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 2009. 226 с.

⁵⁵ Мясников В. С. Россия и Китай: конструктивное партнерство, обращенное в XXI век. Известия Восточного института. 1996. №3.

⁵⁶ Делюсин Л. П. Российско-китайские отношения на рубеже веков. РСМ. 2002. №1.

⁵⁷ Совастеев В. А. Фундаментальное исследование по истории российско-китайских отношений. Россия и АТР. 2006. №3.

странства, в ходе которого происходит появление «Треугольника» как самостоятельного предмета исследования и наблюдается растущее внимание к двустороннему отраслевому сотрудничеству (2009-2014).

Этот этап в историографии «треугольника» можно считать промежуточным и самым краткосрочным: он отделяет классические исследования в формате «отношения страны А со страной Б вне субрегионального и регионального контекста» от более поздних работ, нацеленных на изучение принципов и механизмов субрегиональной системы международных отношений. На этом этапе у исследователей появляется расширенное понимание внешнего контекста двусторонних связей и процессов, а отношения трёх стран, пока не теоретизируемые в качестве некоторой системы, уже выделяются в качестве полноценного предмета исследования, хотя и являются, по своей сути, анализом совокупности двусторонних связей. Ярким примером выхода историографии вопроса на новый этап является работа Бойковой Е. В., Воронцова А. В., Грайворонского В. В. «Россия, Китай, Монголия: вместе навстречу вызовам современности» (2012)⁵⁸. В этой работе три страны, их внешняя политика в условиях многополярного миропорядка по отношению друг к другу, уже рассматривается в качестве некоего единого аналитического и смыслового пространства.

Тем не менее, на данном этапе «треугольник», хотя и начал осознаваться и рассматриваться в качестве единого пространства, по-прежнему представляет собой совокупность связей по линиям Россия-Монголия, Китай-Монголия и Россия-Китай, происходящим в общем внешнем контексте, оговорённом во вступлении и выводах статьи. Похожей по своим основным характеристикам является статья В. Б. Базарова «Россия-Монголия-Китай: восточноазиатский треугольник» 2012 года⁵⁹, работа В. В. Грайворонского

⁵⁸ Бойкова Е. В., Воронцов А. В., Грайворонский В.В. Россия, Китай, Монголия: вместе навстречу вызовам современности. Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2012, №3, С. 144-152.

⁵⁹ Базаров В. Б. Россия, Монголия, Китай: восточноазиатский треугольник. Власть. 2012. №8.

«Стратегическое партнёрство России, Монголии и Китая и безопасность в Северо-Восточной Азии»⁶⁰ а также статья М. И. Гольмана «Треугольник Россия-Монголия-Китай» 2014 года и статья С. Г. Лузянина «Возрождение треугольника Россия-Монголия-Китай. Возможности и проблемы» (2014)⁶¹. Также, в это время предпринимались попытки осмысления системности региональной проблематики (без выделения субрегиона Россия-Китай-Монголия) путём переложения на его политико-экономические реалии теоретических построений западных исследователей – примером этому является статья А. Л. Лукина «Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия» (2011)⁶², в которой была задействована теория Региональных комплексов безопасности Бузана-Вевера.

Ещё одним, не менее важным, сдвигом в рамках выхода историографии «треугольника» на новый этап является увеличение внимания исследователей к отдельным отраслям отношений между странами субрегиона. В этой связи весьма показательными являются такие работы, как «Российский транзитный потенциал: Восточно-Азиатский вектор» С. Г. Лузянина (2004)⁶³. «Модернизация железнодорожного транспорта в Монголии и роль российско-монгольского сотрудничества» В. В. Грайворонского (2011)⁶⁴, «Состояние и перспективы российско-монгольского делового сотрудничества в инновационной сфере» Параскевой С.Б. и Филина С.А. (2011)⁶⁵, «Развитие российско-монгольских торговых отношений: от системы жестких запретов к свободной торговле» Ж. З. Тагарова (2013).

⁶⁰ Graivoronskiy V.V. Russia-Mongolia-China Strategic Partnership and Security in Northeast Asia. Ulaanbaatar Dialogue on Northeast Asian Security. 2014. P.14-19.

⁶¹ Лузянин С. Г. Возрождение треугольника Россия-Монголия-Китай. Возможности и проблемы. 2014. URL: <https://asiarussia.ru/news/4190/> [дата обращения: 16.12.2023]

⁶² Лукин А.Л. Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия. Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. №2 (17). С. 3-26.

⁶³ Лузянин С. Г. Российский транзитный потенциал: Восточно-Азиатский вектор. Вестник транспорта. 2004. №3. С. 16-18.

⁶⁴ Грайворонский В.В. Модернизация железнодорожного транспорта в Монголии и роль российско-монгольского сотрудничества. Восточная аналитика. 2011, №2, С. 123-130.

⁶⁵ Параскева С.Б., Филин С.А. Состояние и перспективы российско-монгольского делового сотрудничества в инновационной сфере. Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. Т. 7. № 3 (96). С. 41-49.

Синтез рассмотренных выше тенденций прослеживается в работе «Трёхстороннее торгово-экономическое сотрудничество: Россия-Китай-Монголия» Е. В. Рассоловой и Т. Л. Гурулевой 2013 года⁶⁶. Позднее эти тенденции были совмещены и в статье С. Г. Лузянина «Россия-Китай-Монголия: экономика и геополитика» 2017 года, в которой определённые в качестве единого предмета исследования трёхсторонние отношения были рассмотрены в контексте отдельных отраслей взаимодействий трёх стран.

3-Этап комплексной проработки треугольника в качестве интегрированной субрегиональной трёхсторонней системы международных отношений. (2015- н.в.), на котором субрегиональный «Треугольник» окончательно утверждается в качестве субрегиональной системы, которая становится предметом исследования всё более широкого круга исследователей.

Основоположником нового этапа в изучении проблематики субрегиональных взаимоотношений России, Китая и Монголии, по мнению автора, стал профессор С. Г. Лузянин. Ещё в советские годы проблематикой его исследований были трёхсторонние политические процессы в первой половине 20го века⁶⁷. В частности, ещё на рубеже 1980-1990х годов именно этот автор впервые выделил в трёхсторонних отношениях (хотя и на более раннем этапе их развития) субрегиональную систему – так называемую «Кяхтинскую систему 1912-1918 годов»⁶⁸. Именно эту, трёхстороннюю, концепцию исследования он распространил и на исследование современных международных отношений в субрегионе. В истории «третьего этапа» роль предвестника играет статья С. Г. Лузянина «Монголия между Россией и КНР: истори-

⁶⁶ Рассолова Е.В., Гурулева Т.Л. Трёхстороннее торгово-экономическое сотрудничество: Россия-Китай-Монголия. Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 4. С. 146.

⁶⁷ Лузянин С. Г. Из истории взаимоотношений России, Монголии и Китая в 20-30-е годы XX века. 1998.

⁶⁸ Лузянин С. Г. Треугольник Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - долговременный исторический фактор современного климата в восточной Азии. 1999.

ческий опыт и современные реалии» ещё 1996 года⁶⁹. В ней изучается ещё не сам «треугольник», а внешнеполитическое окружение Монголии: однако было рассмотрено в качестве комбинации системы отношений России и Китая, Монголии и России и Монголии и Китая, а также вне региональных держав. Несмотря на обзорный характер данной статьи, именно в ней впервые прослеживаются отдельные признаки перехода к третьему этапу развития отечественной научной мысли по российско-монгольско-китайским отношениям. Идеи, выдвинутые в данной статье, с учётом уже более богатого опыта трёхсторонних отношений были обобщены в статье автора «Россия-Монголия-Китай: исторические и современные трансформации» 2021 года⁷⁰. Также, в рамках данной статьи впервые в истории изучения «треугольника» была предпринята попытка спрогнозировать развитие трёхсторонней системы – с учётом её внутренних механизмов и характеристик окружающей среды.

Весьма комплексно характеристики «треугольника» в качестве субрегиональной международно-политической системы были изложены в монографии «Национальные интересы России в треугольнике отношений Россия-Монголия-Китай» 2018 года за коллективным авторством А. П. Суходолова, В. А. Василенко, Ю. В. Кузьмина⁷¹. Показательной попыткой комплексно осмыслить субрегиональную международно-политическую среду является монография В. А. Родионова «Меж трёх соседей» 2018 года⁷². Несмотря на то, что в ней изучается не сам «треугольник», а геополитическое окружение Монголии, при его рассмотрении в первую очередь учитывается среда трёх-

⁶⁹ Лузянин С. Г. Монголия между Россией и КНР: исторический опыт и современные реалии Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1996, №6. С. 110-113.

⁷⁰ Лузянин С. Г. Россия-Монголия-Китай: исторические и современные трансформации. Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2021. №5. С. 141-152.

⁷¹ Суходолов А.П., Василенко В.А., Кузьмин Ю.В. Национальные интересы России в треугольнике Россия-Монголия-Китай. В сборнике: Туухийн Судлал. Сер. "Studia Historica. Instituti Historiae et Archaeologyci Academiae Scientiarum Mongoli" Улаанбаатар, 2018. С. 268-282.

⁷² Родионов В. А. «Меж трёх соседей» - внешние факторы политического процесса в постсоциалистической Монголии. Улан-Удэ, Издательство БГУ. 2018. 142 с. С. 32.

сторонних отношений, а также выстраивается чёткое разграничение внешних и внутренних факторов – с объяснением их взаимовлияния на обстановку в субрегионе. Можно считать эту работу глубоким развитием статьи концепта, предложенного в общих чертах С. Г. Лузяниным в его упомянутой выше статье 1996 года. Схожей по тематике и характеристикам является монография В. В. Грайворонского «Национальные интересы России и Монголии в треугольнике Россия-Монголия-Китай: проблемы, противоречия и сценарии» (2021)⁷³.

Весьма зрелое восприятие субрегиона в качестве целостной политико-экономической системы прослеживается и в обзорной статье В. А. Бережных «Евразийское обозрение: Треугольник Россия-Монголия-Китай» 2019 года, в статье Суходолова А. П., Кузьмина Ю. В. и Суходолова Я. А. «Структура и динамика торгово-экономического сотрудничества в треугольнике Россия-Монголия-Китай» 2021 года⁷⁴, а также в работе «Взаимодействие интересов сторон в треугольнике отношений "Россия-Монголия-Китай" в ходе создания и использования международных транспортных коридоров» 2019 года от этих же авторов⁷⁵. В последних двух исследованиях субрегиональное сотрудничество анализируется в качестве процессов, происходящих в рамках трёхсторонней системы, и подчиняется её общим закономерностям.

Тем не менее, «системность» не является единственной новой тенденцией данного этапа исследования трёхсторонних отношений. С середины 2010х годов, в силу продвижения ряда транспортно-инфраструктурных проектов с участием трёх стран (большая часть данных проектов отражена в

⁷³ Национальные интересы России и Монголии в треугольнике Россия-Монголия-Китай: проблемы, противоречия и сценарии. Коллективная монография. Сибирский федеральный университет. Иркутск, Развитие. 2021. 486 с.

⁷⁴ Суходолов А. П., Кузьмин Ю. В. Структура и динамика торгово-экономического сотрудничества в треугольнике Россия - Монголия — Китай. Московский экономический журнал. 2021. №8.

⁷⁵ Суходолов А.П., Кузьмин Ю.В., Манжигеев А.Ф. Взаимодействие интересов сторон в треугольнике отношений "Россия-Монголия-Китай" в ходе создания и использования международных транспортных коридоров. Восточная аналитика. 2019. №2.

«Программе создания Экономического коридора Россия-Китай-Монголия», подписанной лидерами трёх государств в 2016, начало набирать обороты и их изучение. В результате, в списке новых исследований по «треугольнику» важное место начинают занимать экономические, а не исторические или политологические работы: стоит привести в пример исследования З. Б.-Д. Дондокова и В. О. Намжиловой «Экономический коридор Китай – Монголия – Россия: выстраивание инфраструктурной связанности в условиях глобальных вызовов»⁷⁶, А. В. Макарова, Е. В. Макаровой и А. Б. Андреева «Монгольский коридор: проблемы и перспективы развития транзитно-транспортной сети Монголии», Д. А. Ператинской, А. С. Харланова и А. А. Бобошко «Трёхстороннее сотрудничество «Китай-Россия-Монголия»: развитие транспортного коридора», С. В. Мясникова и В. Н. Федорина «Экономический коридор «Монголия – Россия – Китай»: перспективы участия России», А. П. Литовченко и А. В. Новиковой «Транспортные коммуникации как инструмент реализации внутренней и внешней политики Монголии», В. Ш. Батомункуева и Т. Ш. Рыгзынова «Совершенствование приграничной инфраструктуры России и Монголии как фактор развития экономического коридора Китай-Монголия-Россия»⁷⁷, Н. Н. Булатовой Развитие транспортной инфраструктуры в рамках экономического коридора Россия-Монголия-Китай»⁷⁸. В результате данной тенденции в исследовании трёхсторонних отношений, помимо представителей классических школ востоковедения, появились и экономисты, и представители точных наук, обогатившие исследовательское поле новыми методами, выводами и построениями.

⁷⁶ Дондоков З.Б.-Д., Намжилова В.О. Экономический коридор Китай – Монголия – Россия: выстраивание инфраструктурной связанности в условиях глобальных вызовов. ЭКО. 2022. №12 (582).

⁷⁷ Батомункуев В.С., Рыгзынов Т.Ш. Совершенствование приграничной инфраструктуры России и Монголии как ффактор развития экономического коридора Китай-Монголия-Россия. Региональные исследования. 2018. № 3 (61). С. 126-132.

⁷⁸ Булатова Н.Н. Развитие транспортной инфраструктуры в рамках экономического коридора «Россия-Монголия-Китай». В сборнике: Управление экономикой: методы, модели, технологии. Материалы XVII Международной научной конференции, посвященной 85-летию Уфимского государственного авиационного технического университета . 2017. С. 21-25.

Также, в силу вовлечения территорий районов России, приграничных с Монголией и Китаем, в проекты новых транзитных магистралей, активнее стали себя проявлять в изучении тематики трёхсторонних отношений представители данных регионов и их научных школ, зачастую не имеющих прямые «духовные» связи с классическими центрами изучения данной проблематики.

Таким образом, создание научных работ, являющихся гармоничным синтезом двух уже отчетливо обозначенных в историографии проблематики направлений представляется автору вопросом выхода на новый этап в изучении процессов в субрегионе, одним из шагов к наступлению которого должно стать данное исследование.

Научная новизна работы. Научная новизна исследования заключается как во внедрении новых для данной проблематики методов и подходов, так и в их организации в рамках единого аналитического процесса. В частности, представляется новаторским внедрение метода исторического моделирования в его комбинации с хронологическим анализом для определения принципов функционирования, возможностей трансформации, а также пределов прочности современной субрегиональной системы Россия – Монголия – Китай, а также синтез классических подходов, существующих в истории и востоковедении, с системным подходом и теоретическими наработками международно-политической науки. Прогрессивным и оригинальным представляется и постановка цели и задач исследования, которые заключаются в том числе и в попытке выведения универсальных вневременных принципов и механизмов, оказывающих влияние на развитие международных отношений в изучаемом субрегионе. Концепция исследования также представляется новаторской, так как она предполагает анализ событий и процессов в российско-монгольских взаимодействиях в контексте отношений сторон с Китаем, равно как и вводит в анализ российско-китайских контактов факторы из взаимодействий Монголии с двумя державами. При этом все эти проблемы рассматриваются не как совокупность наложенных друг на друга двух-

сторонних взаимодействий, а как универсальная и неделимая трёхсторонняя субрегиональная система.

Цели и задачи. Целью данного исследования является достижение комплексного и системного понимания специфики международных отношений в изучаемом субрегионе, наряду с получением понимания того, как она влияет на самый широкий спектр российско-китайских отношений.

Для достижения цели, поставленной перед данным исследованием, предполагается необходимым выдвинуть и последовательно решить следующие задачи:

- 1 – Определить современные отношения России, Китая и Монголии как субрегиональную систему международных отношений, доказав системный характер связей и взаимодействий сторон в регионе; определить основные характеристики и параметры данной системы, выделить её основные функциональные уровни и вывести базовые принципы её функционирования из наблюдаемых в истории международных отношений в субрегионе устойчивых закономерностей.
- 2 – Определить ключевые этапы эволюции современных международных отношений в субрегионе, проследив в их развитии влияние механизмов и принципов субрегиональной системы международных отношений.
- 3 – Определить характер взаимного влияния субрегиональной системы международных отношений и современных отношений России и Китая, проследив паттерны и механизмы их воздействия друг на друга.

Методы исследования. Ключевой характеристикой методологической основы данного исследования является его междисциплинарность и мультидисциплинарность. Для решения поставленных в нём задач привлекаются как те подходы и методы, которые были выработаны в ходе изучения находящихся на стыке нескольких дисциплин феноменов, так и комбинации методов, имеющих разное дисциплинарное происхождение. Таким образом, методологическая основа исследования состоит из целого ряда подходов и методов, объединяя в рамках одного исследовательского про-

цесса общую и международно-политическую теорию систем и системный подход в целом, структурный метод, метод исторического моделирования, комбинируемый с хронологическим сравнением, методы периодизации и типологизации, метод контент-анализа и кросс-регионального анализа – наряду с более традиционными историко-аналитическим и историко-описательным подходами.

Структура диссертации обусловлена решением поставленной цели и задач. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, а также списка литературы и источников.

Во введении раскрывается актуальность темы исследования, характеризуются его объект, предмет, хронологические и географические рамки, цель, задачи, методы и новизна. Равным образом в нём представлен анализ источниковой базы и степени изученности темы, сформулированы положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость, апробация диссертации.

Глава 1 посвящена рассмотрению современных отношений в треугольнике «Россия – Монголия – Китай» в качестве трёхсторонней субрегиональной системы международных отношений: производится выделение актуальных признаков международно-политической системы, сопоставление с ними объективных реалий и процессов в «треугольнике», выводятся основные параметры данной системы, изучаются её механизмы и принципы функционирования, выделяются основные типы связей внутри неё и исследуется их взаимное влияние.

В Главе 2 производится комплексный анализ становления современной модификации данной системы: исследуются основные факторы, обусловившие её трансформацию на рубеже XX и XXI веков, стадии её формирования, а также прослеживаются дальнейшие этапы развития отношений трёх стран в рамках данной системы – с созданием модели периодизации данных отношений, в которой этапы выделяются по качественному характеру связей.

Глава 3 рассматривает роль субрегиональной системы и, в частности, «монгольского фактора» как её неотъемлемой части, в развитии отношений Российской Федерации с Китайской Народной Республикой. На примере конкретных проектов и процессов прослеживаются позитивные и деструктивные аспекты влияния на самые разные отрасли российско-китайского сотрудничества.

Практическая значимость и востребованность исследования определяются его актуальностью в контексте современных международно-политических процессов – в особенности, участия в них России. Современное внешнеполитическое планирование по-прежнему осуществляется по модели «отношения России с конкретным государством» и зачастую не учитывает в этих отношениях фактор третьих стран. Данное исследование призвано обогатить аналитическую базу исследований российского внешнеполитического окружения новыми подходами и новаторским синтезом привлекаемых методов и теорий. Помимо этого, извлечённый из изучения субрегиональной трёхсторонней системы международных отношений Россия – Монголия – Китай обладает потенциалом обогащения теоретических и практических представлений о проблематике исследования разных аспектов теории и истории международных отношений, истории Востока и отдельных стран мира.

Достоверность научных положений основывается на целом комплексе факторов: начиная от всеобъемлющего характера базы литературы и источников, привлекаемых к исследованию, от выведения основных принципов, механизмов и закономерностей системы из анализа богатого исторического опыта взаимоотношений трёх государств – с опорой на доминирующие в международно-политической науке концепции и теории, до рассмотрения трёхсторонних отношений в различных контекстуальных рамках и с разными акцентами: как в качестве самого «треугольника» Россия – Монголия – Китай, так и субрегионального элемента глобальных междуна-

родных отношений, а также составной части российско-китайских отношений и конфронтации этих стран со странами Запада и Японией.

На защиту выносятся следующие положения:

- 1) На основании сопоставления общенаучных и международно-политических признаков системы с современными взаимодействиями трёх стран делается вывод о том, что субрегиональные отношения между Россией, Монголией и Китаем представляют собой не просто совокупность двусторонних связей, а упорядоченную субрегиональную систему международных отношений, в которой двусторонние связи и контакты происходят в единой среде и подчиняются логике данной системы;
- 2) Данная система обладает следующими базовыми параметрами: она состоит из двух паритетных держав (Россия и Китай), способных вместе или в одностороннем порядке изменять внутрисистемный статус-кво, и малой державы – Монголии, не обладающей такой способностью. Полицентричная глобальная система международных отношений с противоречиями по осям «Россия – страны Запада» и «Китай – США», отсутствие непосредственных угроз безопасности России и Китая в субрегионе, а также перспективность международных транспортных маршрутов «Китай – Европа» и «Китай – Россия» являются основными условиями «внешней среды» системы. Влияние внешних факторов на систему реализуется в основном через их воздействие на одну или две державы, в то время как возможности изменения системы внешними факторами через Монголию ограничены;
- 3) Взаимоотношения России и Китая в рамках системы определяются сочетанием «баланса угроз» и «баланса интересов», Монголии к России и Китаю – модификацией «буферного балансирования», в которой Монголия балансирует влияние одной державы влиянием другой, а для дополнительного уравновешивания позиций прибегает к развитию ограниченных, но широких связей с внерегиональными державами. Отношения держав к Монголии в

системе отличаются условиями ограниченной способности одной державы (или двух одновременно) оказывать давление на малое государство;

- 4) В рамках системы существуют следующие механизмы и принципы её функционирования:

А – Приоритет отношений между державами над любым односторонним укреплением позиций в Монголии.

Б – В современной модификации системы существуют следующие условия максимизации суверенитета Монголии: наличие партнёрских (не враждебных, но и не союзнических) отношений между державами, политическая стабильность обеих держав, отсутствие широкой международной изоляции каждой из держав, отсутствие внутрирегиональных угроз для любой из держав, равно как и их статусу паритетных держав в системе, отвлечённость держав от Монголии в силу вызовов на других направлениях. При этом наличие глобальных угроз одной или обеим державам, а также поляризация системы международных отношений, прослеживаемые в последние годы, способны в перспективе спровоцировать усиление обоюдного давления держав на Монголию.

В – Внутриполитическая стабильность в Монголии, её буферное балансирование и приоритет отношений с державами над этнорелигиозными амбициями является важным фактором содействия стабильности в системе.

Г – Одностороннее изменение статус-кво в регионе Монголией невозможно.

- 5) В системе есть экзистенциальный (отношения в области политики и безопасности) и отраслевой (отраслевое сотрудничество и проекты) уровни или типы связей. Развитие связей первого уровня обеспечивает, но не гарантирует развитие второго. При этом стагнация отношений на отраслевом уровне не переходит на экзистенциальный уровень;

- 6) В процессе образования современной модификации системы прослеживается доминирование внутрирегиональных импульсов над внерегиональными, а

также первопричинный характер эволюции отношений между державами по отношению к трансформации их отношений с Монголией;

- 7) Предлагается следующая периодизация развития отношений в рамках системы:

Этап 1 – Формирование основных внутрирегиональных предпосылок к образованию современной модификации системы (1980е-1991);

Этап 2 – Образование современной модификации системы и начало действия её ключевых механизмов (1991-1994);

Этап 3 – Система Россия – Монголия – Китай в 1994-2013 годы:

–подэтап пассивного функционирования системы (1994-2000)

–подэтап активизации двусторонних политических взаимодействий (2000-2013);

Этап 4 – Система Россия – Монголия – Китай в 2014-2024 годы:

–подэтап активизации трёхстороннего политического и транспортно-инфраструктурного взаимодействия (2014-2020)

–перспективный подэтап новых тенденций в рамках системы (с 2020 г.);

- 8) Трёхсторонняя система играет важную роль в ряде отраслей российско-китайских отношений, оказывая на них как конструктивное, так и деструктивное влияние. Подобное влияние механизмов системы на отношения КНР и РФ содействует реализации политических аспектов сотрудничества, но зачастую негативно влияет на развитие трёхсторонних, но имеющих значение для отношений двух держав, проекты в области логистики, транспорта и энергетики.

Апробация результатов. Основные положения диссертационного исследования отражены в ряде научных статей в журналах, входящих в перечень ВАК (Вестник Бурятского Научного Центра СО РАН), а также в других изданиях (Вестник ИВ РАН, Восточная Аналитика, Международный Научно-Исследовательский Журнал). Также, наработки по данной теме пред-

ставлены в ряде статей автора в интернет-издании «Новое Восточное Обозрение», посвящённом международно-политическим процессам в современной Азии.

В это же время основные результаты исследования были представлены на таких всероссийских и международных научных конференциях, как V Международная конференция «Мировое большинство в новых реалиях: региональное измерение» (30 ноября - 1 декабря 2023 г.), «Первые Скородумовские чтения» (17 февраля 2023 г.), «Владимирцовские чтения – VII. Монголия: трансформации общества и государства в XX–XXI веках» (19 октября 2023 г.), Международный круглый стол «Современный треугольник Россия – Монголия – Китай: международно-политические, транспортные и углеводородные измерения» (12 декабря 2023 года), а также в ходе XI Всероссийской конференции «История востоковедения: традиции и современность» (18-28 декабря 2023 года)

ГЛАВА 1. Отношения России, Китая и Монголии на современном этапе как субрегиональная система

1.1. Определение понятия система. От общей теории систем к международно-политической специфике

Так как в первой главе диссертации ставится задача осмысления отношений России, Китая и Монголии в качестве трёхсторонней системы международных отношений, представляется необходимым определить само научное понятие системы. При этом, в силу его междисциплинарной природы, следует также проследить его выражение и в максимально близких к тематике исследования научных дисциплинах – в частности, в теории международных отношений.

Теория систем, привнёсшая в научный оборот понятие «системы», впервые получила применение в биологии – именно в процессе изучения живых организмов и их строения были определены и выведены ключевые признаки системы, актуальные для более широкого спектра наук. Создателем первой общей теории систем принято считать австрийского биолога начала XX века Карла Людвиг фон Бераланфи⁷⁹. Позднее теория была позаимствована представителями других наук – лингвистами, социологами, кибернетиками. Активным образом данное понятие было задействовано и на рубеже XX-XXI веков – в эпоху формирования междисциплинарных и мультидисциплинарных наук⁸⁰.

В трудах основоположника «теории систем» К. фон Бераланфи «система» определялась как «комплекс взаимодействующих элементов, обладающий такими признаками, как иерархичность составных частей, «синер-

⁷⁹ Соколов М. А. Системный подход как исследовательская программа в творчестве Л. Бераланфи // Вестник ПГПУ. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2022, №2. С. 6.

⁸⁰ Васильев Ю.С., Волкова В.Н., Козлов В.Н. Теории систем и системный анализ: истоки и перспективы // SAEC. 2021, №1. С. 8.

гичность» – наличие у комплекса таких характеристик и функций, которые отсутствуют у его элементов, наличие внешних пределов, внутренней системы сигналов и коммуникации⁸¹». Именно в таком концептуальном виде понятие «система» было введено в методологический аппарат других научных дисциплин – в том числе наиболее близких к тематике исследования истории и международно-политической науки.

Так, уже в рамках международно-политической теории появилось предложенное австралийским исследователем Х. Буллом определение «международной системы» как «Совокупности политических акторов, взаимодействие которых является достаточно регулярным для того, чтобы поведение каждого было необходимым фактором в расчетах всех других»⁸². Уже на этом этапе прослеживается специфика «международных систем», отличающая их от оригинальных систем из общей теории Берталанфи – в международных отношениях система не является целостным организмом, а представляет собой интенсивное взаимодействие организационно автономных элементов, способное оказывать влияние на эти элементы⁸³. Зависимость элементов друг от друга в «международной системе» является относительной, а не абсолютной, и далеко не вся их деятельность оказывает на неё непосредственное влияние. Такой же относительной является иерархия элементов международных систем: государства отличающихся размеров и потенциалов, хотя и имеют разные способности влияния на систему международных отношений⁸⁴, всё-таки являются суверенными – то есть политически и функционально автономными друг от друга образованиями. Для наиболее чёткого разграничения между странами, способными на оказание

⁸¹ Исследования по общей теории систем: Сборник переводов / Общ. ред. и вст. ст. В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. – М.: Прогресс, 1969. С. 35.

⁸² Цыганков П. А. Системный подход в теории международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2013. №5. С. 4.

⁸³ Buzan B., Wæver O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge University Press. 2009. P. 63.

⁸⁴ Key J.A.K. *Small States in World Politics: Explaining foreign policy Behavior*. International politics 41(2). 2004, P. 82.

прямого влияния на систему, и не обладающими ею, в международно-политической науке используется ряд классификаций, разделяющих страны на «державы-гегемоны», «сверхдержавы», «великие державы», «региональные державы» и «малые государства (малые державы)»⁸⁵. В силу специфики круга стран-участниц, взаимодействия которых подлежат анализу в данном исследовании, предполагается возможным использовать только два понятия из классификации – «великие державы» и «малые государства».

Дальнейшее развитие теории систем в рамках международно-политической науки заставило исследователей конкретизировать специфику систем международных отношений. Так, если в определении Х. Булла речь шла о системе международных отношений как глобальной и неделимой общности, то в более поздних работах теоретиков международных отношений прослеживается опыт применения теории систем во взаимодействиях государств, имеющих привязку к определённому региону мира – как в «подсистемах международных отношений», так и в «региональных и субрегиональных системах», а позже – и в «региональных комплексах безопасности»⁸⁶. Эта тенденция является результатом осознания того, что несколько ранее также было прослежено в биологических системах: в частности, разные организмы могут быть частью единой саморегулируемой экосистемы, а мигрирующие виды – элементами нескольких одновременно.

Такое применение системной теории максимально близко к методологии данного исследования, призванного осмыслить региональные взаимодействия России, Китая и Монголии в качестве «субрегиональной системы международных отношений». Поэтому к специфическим чертам общих систем международных отношений необходимо добавить и отличительные черты таковых с конкретной географической привязкой и пространственными ограничениями. В частности, стоит обратить внимание и на специфику их

⁸⁵ Ashworth L. A Forgotten Environmental International Relations: Derwent Whittlesey's International Thought. *Global Studies Quarterly* 1(2). P. 3.

⁸⁶ Buzan B., Wæver, O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*, Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 269–274.

внешних границ: если биологические организмы чётко ограничены в пространстве, а глобальные системы международных отношений ограничены земным шаром и человеческой цивилизацией в целом⁸⁷, то в региональных (субрегиональных) системах те или иные суверенные государства могут быть элементами сразу нескольких международно-политических систем, и ряд внутрисистемных процессов может оказывать влияние только на отдельные аспекты функционирования этих государств. В это же время, для региональных (субрегиональных) систем международных отношений, существует два принципиально разных уровня «внешней среды» – помимо наличия внешней среды, заключающейся в совокупности факторов, имеющих привязку к примыкающему к границам системы географическому региону, существует и экстерриториальный глобальный уровень, представляющий собой глобальную систему международных отношений. Из этого следует, что в одну международную региональную (или субрегиональную) систему входит не весь спектр взаимоотношений стран – её участниц, а только те из их числа, имеющие актуальность для определённого трансграничного региона. В свою очередь, процессы, происходящие между странами в рамках такой системы могут не оказывать влияния на взаимодействия тех же стран на глобальном уровне, и иметь лишь косвенное влияние на их взаимодействия в других регионах (субрегионах), географически удалённых от границ изучаемой системы.

Несмотря на наличие своей собственной специфики у международных систем, при доказательстве системного характера тех или иных международных взаимодействий по-прежнему представляется возможным проследивание в отношениях между несколькими государствами классических признаков системы, сформулированных ещё в рамках биологической науки.

⁸⁷ Дунаев А. Л. Система международных отношений: ответы прошлого на вопросы будущего // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2010, №3. С. 31.

Однако, необходимо внести в изначальные формулировки признаков следующие коррективы:

- Определять саму «Систему» не как совокупность элементов, а как процесс их взаимодействия в разных форматах, оказывающий влияние на все элементы;
- Определять «иерархичность» системы как способность процессов между двумя странами (или действий одной страны) оказывать влияние на третью страну, а «наличие уровней иерархии элементов» как наличие в системе «держав» и «малых государств»;
- Определять «элементы» системы как «суверенные государства – автономные акторы»;
- Определять «зависимость» элементов системы как «склонность суверенных государств -участников системы к многостороннему взаимодействию для получения собственной выгоды»;
- Рассматривать в качестве «взаимодействий элементов системы» только те контакты между государствами, которые имеют отношение к непосредственному трансграничному региону.

Именно с такими коррективами признаки системы из общей теории систем К. фон Берталанфи будут прослежены в региональных взаимодействиях России, Китая и Монголии.

1.2. Наличие признаков системы в современных субрегиональных отношениях России, Монголии и Китая

Для доказательства системности отношений между Россией, Китаем и Монголией представляется необходимым последовательное сопоставление тех или иных аспектов трёхсторонних взаимодействий с признаками системы, определёнными в общей теории систем, с учётом адаптирующих их под международно-политические реалии корректив, изложенных в пункте 1.1 данного исследования.

Наличие у системы определённых составных частей, исключение любой из которых меняет её свойства. Данный признак частично прослеживается в трёхсторонней системе взаимоотношений. В частности, без участия России или Китая значительная часть субрегиональных отношений потеряла бы ту смысловую нагрузку, которую несёт в настоящее время: так, без одной из держав в субрегионе полностью исчезли бы все транспортно-инфраструктурные проекты, направленные на оптимизацию товарных потоков по направлениям «Россия – Китай», «Китай – Россия» и, в особенности, наиболее перспективного и масштабного направления «Китай – Европа». В первом случае без одной из держав транзит становился бы бесполезным в силу отсутствия ключевого экспортёра и импортёра, в последнем – в силу отсутствия ключевого транзитного государства. Этот признак прослеживается и в другой плоскости – при отсутствии одной из двух держав в субрегионе нынешние проекты развития транспортных магистралей Монголии, которые максимально адаптированы под нужды обеспечения континентального транзита, выглядели бы совершенно иначе. Таким образом, очевидно прямое влияние исключения из субрегиональных процессов одной из держав на остальные два государства. Тем не менее, специфика «международной системы» обеспечивает лишь частичное проявление этого признака – так, гипотетическое «выключение» Монголии из субрегиональных процессов способно лишь затруднить, но не остановить взаимодействия в России и Китая трансграничном районе. Однако, такое расхождение объясняется при учёте корректив, внесённых в классические признаки системы в прошлом параграфе – в силу «относительной иерархичности» такой системы её участники с разным политико-экономическим потенциалом в разной степени могут влиять на саму систему – и, следовательно, на остальных её участников. Так, Монголия, будучи определённо «малым государством»⁸⁸ в сравне-

⁸⁸ Elman M.F. The Foreign Policies of Small States: Challenging Neorealism in Its Own Backyard. P. 186.

нии с «державами» Россией и Китаем, имеет максимально ограниченные возможности изменения характеристик системы⁸⁹.

«Синергичность» системы – любая система, состоящая из нескольких элементов, не должна представлять по своему качеству обычную сумму её компонентов. Современная Монголия уже на протяжении тридцати лет реализует в своих отношениях с двумя соседями принцип «равноудалённости»⁹⁰, осуществляя «буферное балансирование» между двумя державами, находящимися в партнёрских отношениях, с целью максимизировать свой фактический суверенитет⁹¹. Этот принцип последовательно упоминается в Концепциях внешней политики страны и свидетельствует о понимании монгольской стороной системного характера отношений в треугольнике «Россия – Китай– Монголия», в котором отношения держав с Монголией зависят от их отношений между собой. Стоит отметить и то обстоятельство, что выдвижение в Монголии этого нового принципа внешней политики хронологически совпадает с началом российско-китайского политического сближения, пришедшего на смену многолетнему соперничеству СССР и КНР на глобальной арене и в изучаемом субрегионе. Следовательно, внешнеполитическая линия Монголии при других субрегиональных обстоятельствах – в частности, при наличии иного характера взаимоотношений между Россией и Китаем, также была бы совершенно другой⁹². То есть самого факта наличия в субрегионе двух держав и малого государства – обычной «суммы компонентов» для определения характера взаимодействий сторон в регионе недостаточно. Точно так же представляет-

⁸⁹ Handel M. Weak States in the International System. International journal (Toronto, Ont.) 37(2). 2006. P. 167.

⁹⁰ Монгол Улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал (2011). – URL: <https://mfa.gov.mn/14979> (Дата обращения: 13.06.2023).

⁹¹ Батунаев Э. В. Российско-монгольские отношения: от спада до всеобъемлющего стратегического партнёрства / 100 лет дипломатических отношений между Россией и Монголией: от дружественных отношений к всеобъемлющему стратегическому партнёрству. М.: ИВ РАН. 2022. С. 97.

⁹² Хөгжилт Б. Монгол Улсын геополитик, геоэдийн засгийн байр суурийн тухай шинжилгээ // Олон Улсын харилцаа. Улан-Батор, №1/32 (458). 2016. С. 51.

ся очевидным и то, что при отсутствии партнёрских отношений между Россией и Китаем Монголия неизбежно превратилась бы в поле соперничества двух держав – следовательно, и их политика в адрес Монголии также была бы совершенно другой. Именно характер взаимоотношений двух держав, а не сам факт их наличия, взятый из контекста, определяет характер их контактов с «малым государством» субрегиона.

Наличие внешних пределов у системы: внешнее влияние на систему происходит по единому принципу и отличается от взаимовлияния внутренних частей системы. Несмотря на то, что внешняя граница у системы Россия – Монголия – Китай в полной мере соответствует региональной специфике международно-политических систем, определённой в прошлом параграфе, она всё же имеет относительно чёткие проявления: так, в реализации имеющих конкретную географическую привязку проектов трёх стран, в которых заинтересованы все участники системы, чаще всего задействована территория Монголии, а также трансграничные районы двух держав, примыкающие к границам России и Монголии, а также Китая и Монголии. Процессы в районах, находящихся вблизи российско-китайской границы – кроме тех, которые непосредственно прилегают к территории Монголии с запада и востока, подчиняются логике процессов в рамках трёхсторонней системы достаточно косвенно, или, и вовсе, полностью лежат вне её влияния. То же самое можно сказать и об отношениях двух держав на глобальной арене – позиции сторон в глобальных международных организациях никаким образом не согласовываются с Монголией, в то время как Монголия не увязывает свою позицию в подобных организациях с позициями соседей даже при их частичном или полном совпадении. За рамками действия механизмов системы лежат и стратегии трёх стран в регионах мира, географически удалённых от мест их географического соприкосновения. В частности, осуждение американского вторжения в Ирак в 2003 году Россией и

Китаем⁹³ не помешало Монголии участвовать в деятельности западных военных контингентов в этой стране на более поздних этапах⁹⁴. Более того, ни Россия, ни Китай не предприняли никаких мер по осуждению Монголии или содействию её отказу от принятого решения. Аналогичным примером является факт наличия у Монголии отношений стратегического партнёрства со странами, у которых имеется ряд серьёзных споров с Китаем и Россией – в частности, с Индией⁹⁵, у которой имеется ряд территориальных споров с Китаем, а также с Соединёнными Штатами⁹⁶, которые в последних редакциях своих Концепций национальной безопасности и Стратегии национальной обороны упоминают Россию в числе одной из главных угроз национальной безопасности⁹⁷.

Влияние внешних факторов на систему, несмотря на всю ширину его спектра, как и у систем из «общей теории» отличается наличием единого механизма воздействия на неё: в частности, изменения в глобальной политической среде оказывают влияние на субрегиональную систему через воздействие на Россию и Китай, которое может заставить их пересмотреть свои приоритеты и цели в субрегионе, равно как и его стратегическую значимость. Так, обострение американо-китайских торговых войн и общего политического фона наряду с охлаждением отношений России и стран Запада с последующим введением антироссийских санкций побудили стороны сосредоточить своё внимание на развитии трёхстороннего партнёрства в субрегионе. В это же время возможности внешней среды оказать влияние на

⁹³ Saloum Hossam Eddin. Iraqi crisis: China's position during Iraq war (2003) and Beijing's growing role in Middle East and Persian Gulf after the war against Iraq. Theories and problems of political studies. 2016, №3, P. 198.

⁹⁴ Ирак, Афганистан Улсад явагдсан энхийг дэмжих ажиллагааны ач холбогдол. Sonin.MN. – URL: <https://sonin.mn/news/culture/139480> (дата обращения: 21.09.2023).

⁹⁵ Шинэ агуулгаар баяжсан Монгол-Энэтхэгийн стратегийн түншлэл. – URL: <https://montsame.mn/mn/read/201724> (дата обращения: 21.09.2023).

⁹⁶ АНУ-Монголын стратегийн түншлэлийг дахин баталгаажуулжээ. – URL: <https://ikon.mn/n/2043> (дата обращения: 21.09.2023).

⁹⁷ 2022 National Defense Strategy, Nuclear Posture Review, and Missile Defense Review. – URL: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF> (дата обращения: 20.09.2023).

систему через Монголию представляются максимально ограниченными: так, несмотря на либерально-демократическую ориентацию Монголии, расширение присутствия в стране западных организаций и институтов, а также интенсификация контактов Монголии с недружественными России и Китаю странами не приводят к каким-либо изменениям политики России и Китая по отношению к этой стране, а также не способствуют пересмотру нынешней внешнеполитической линии Монголии по отношению к её непосредственным соседям.

Наличие у системы упорядоченных внутренних сигналов и каналов коммуникации. Основными элементами внутрисистемной коммуникации в треугольнике Россия – Китай – Монголия можно считать трёхсторонние переговорные форматы, самым ярким из которых являются встречи глав трёх государств на полях саммитов ШОС, которые проводятся с 2014 года⁹⁸. Помимо этого, к обслуживающим систему следует относить и различные двусторонние форматы – межправительственные комиссии⁹⁹ и заседания их рабочих групп¹⁰⁰, межпарламентские комиссии¹⁰¹, двусторонние встречи лидеров и глав правительств стран. Несмотря на то, что в двусторонних форматах принимают участие не все элементы системы, протоколы абсолютного большинства подобных заседаний включают в себя пункты о «согласовании позиций сторон с позицией третьей страны», о «реализации трёхсторонних проектов», «получении согласия у третьей страны» и т.д. Ключевым понятием, часто фиксируемым в итоговых документах таких двусторонних встреч, является реализация «Экономического коридора Рос-

⁹⁸ Монгол, Орос, Хятадын Төрийн тэргүүн нар уулзав. Монгол Улсын Ерөнхийлөгчийн Тамгын Газар. – URL: <https://president.mn/24745/> (дата обращения 23.09.2023).

⁹⁹ Россия-Монголия: 25 заседание Межправительственной комиссии. – URL: <https://journal-neo.su/ru/2023/11/07/rossiya-mongoliya-v-2023-godu-25-e-zasedanie-mezhpravitelstvennoj-komissii/> (дата обращения 23.09.2023).

¹⁰⁰ Заседание российско-монгольской рабочей группы по транспорту. Министерство транспорта Российской Федерации. – URL: <https://projects.mintrans.ru/press-center/photo-gallery/2337> (дата обращения 17.11.2023).

¹⁰¹ Монгол, Хятадын Парламент хоорондын ээлжит байнгын уулзалт Бээжин хотноо болов. – URL: <https://montsame.mn/ru/read/80652> (дата обращения 17.11.2023).

сия-Китай-Монголия» – проекта, выдвинутого главами трёх стран в 2014 году¹⁰². Его можно считать наиболее важным и популярным в последние годы «сигналом» и «символом», действующим в рамках трёхсторонней системы и обслуживающим её. К числу других составных элементов «системы сигналов» можно отнести «соглашения о стратегическом партнёрстве», а также компоновку и ряд формулировок в основополагающих договорах между Монголией и двумя державами, имеющих значительные сходства, в то время как сами соглашения заключены относительно синхронно – в течение одного года. Визиты глав России и Китая в Монголию, хотя и являются аналогичными двусторонними мероприятиями, также отличаются синхронностью на ключевых этапах развития трёхсторонних взаимодействий – так в 2014 году с разницей менее месяца страну посетил и президент Российской Федерации (впервые за 5 лет)¹⁰³, и Председатель КНР (в первый раз за срок в 11 лет)¹⁰⁴. Важными символами и сигналами, которые используются в рамках системы монгольской стороной, являются употребляемое в адрес России и Китая понятие «вечный сосед»¹⁰⁵, а также термин «третий сосед»¹⁰⁶, которым в последние годы официальные представители Монголии называют крупные государства, с которыми у страны нет сухопутной границы¹⁰⁷. В последнем случае можно также считать, что такой термин ис-

¹⁰² Китай готов к работе над созданием экономического коридора с РФ и Монголией. Известия. – URL: <https://iz.ru/1591919/2023-10-19/kitai-gotov-k-rabote-nad-sozdaniem-ekonomicheskogo-koridora-s-rf-i-mongoliei> (дата обращения: 5.10.2023).

¹⁰³ В.Путины айлчлал ба шинэ Евроази. – URL: <https://ikon.mn/n/9z2> (дата обращения: 6.10.2023).

¹⁰⁴ Си Зиньпиний Монголд айлчлахаасаа өмнө гаргасан шийдвэр. – URL: <https://ikon.mn/n/9n0>

¹⁰⁵ Монгол Улс «мөнхийн хоёр хөрш»-ийнхөө харилцаанд сэв суулгахгүйгээр АНУ-тай ойртохыг хүсэж байна. – URL: <https://itoim.mn/a/2023/08/07/about-us/jbj> (дата обращения: 6.10.2023).

¹⁰⁶ Гуравдагч хөршийн бодлого. Гадаад харилцааны яам. – URL: <https://mfa.gov.mn/mongolian-foreign-policy/дипломат-харилцаа/third-neighbors> (дата обращения: 5.10.2023).

¹⁰⁷ Родионов В.А., Аюшиева И.Г. «Третий сосед» Монголии как идейно-политический концепт // Вестник Томского государственного университета. 2017. №420. С. 125.

пользуется для обозначения границы субрегиональной трёхсторонней системы.

Таким образом, попытка проследить ключевые признаки системы в событиях и процессах современных отношений России, Монголии и Китая в субрегиональном контексте привела исследование к выводу об обоснованности выдвинутой гипотезы о системном характере этих отношений. Следовательно, тезис о существовании субрегиональной трёхсторонней системы международных отношений Россия – Монголия – Китай на новейшем историческом этапе (1991- настоящее время) можно считать доказанным.

1.3. Определение основных параметров современной субрегиональной системы Россия – Монголия – Китай

Доказательство системного характера субрегиональных отношений, тем не менее, не имеет научной и прикладной политико-экономической ценности без изучения целого комплекса характеристик данной системы, её механизмов и процессов. Системный подход стал ключевым в данном исследовании именно потому, что понимание системной природы субрегиональных международных отношений открывает значительные возможности интерпретации современных политических и экономических процессов в отношениях трёх стран, а также прогнозировании сценариев их развития. Для достижения этих задач, помимо обнаружения самой системы, необходимо определить также её основные характеристики – характер взаимоотношений сторон в рамках системы, её пространственные и контекстуальные границы, относительную иерархию элементов системы, основные характеристики внешней среды и механизмы влияния на систему, базовые принципы функционирования системы, а также её функциональные уровни. Из фактов и сведений о трёхсторонних отношениях, использованных в предыдущем параграфе для доказательства системности субрегиональных международных отношений, представляется возможным сделать выводы по боль-

шей части обозначенных пунктов. При определении остальных характеристик, в силу недостаточного эмпирического материала в истории современного этапа отношений в субрегионе, в исследование будут введены материалы из более ранних периодов отношений трёх сторон.

Основные характеристики системы, подлежащие установлению на основе материалов, задействованных в процессе доказательства существования системы, следующие:

Характер взаимоотношений элементов системы заключается в наличии партнёрских отношений между двумя державами, а также отношениями всеобъемлющего стратегического партнёрства двух держав с Монголией, при осуществлении последней «балансирования» как между двумя державами – элементами системы, так и между ними и державами, относящимися к внешней среде системы.

Говоря о теоретической характеристике паттернов взаимоотношения трёх стран в рамках субрегиональной системы, можно говорить о пребывании России и Китая в состоянии «баланса интересов» и «баланса угроз»¹⁰⁸, о «буферном балансировании»¹⁰⁹ Монголии в её отношениях с двумя державами, а также о состоянии минимального давления России и Китая как двух держав на Монголию как малое государство¹¹⁰.

Концепция «Баланса угроз» представителя реалистской школы теории международных отношений Стивена Уолта предполагает заинтересованность двух держав в установлении партнёрских отношений для минимизации взаимных угроз – в первую очередь, для «развязывания рук» на других направлениях. Позднее, в постбиполярный период получила развитие дру-

¹⁰⁸ Walt S. Alliance Formation and the Balance of World Power // International Security, Vol. 9, No. 4. 1985. P. 11.

¹⁰⁹ Karsh E. Neutrality and Small States. London: King's College, 2012. P. 38.

¹¹⁰ Тувшинтөгс А. Хүйтэн дайны дараах монголын аюулгүй байдлын гадаад орчин (судалгааны бүтээлийн түүвэр) Улан-Батор, Национальная академия разведки Монголии, 2012. Х. 240.

гая, уже неолиберальная концепция «баланса интересов»¹¹¹, которая включает в процессы между державами опцию «игры с положительной суммой» – к примеру, укрепления сотрудничества для получения обоюдных выгод, не обращаемых против других внерегиональных держав¹¹².

Несмотря на альтернативный характер двух теорий, в рамках данной субрегиональной системы предполагается возможным их одновременное использование – в силу того, что в системе прослеживаются признаки, определяющие и состояние «баланса угроз», и «баланса интересов», в силу чего дискуссионным вопросом остаётся лишь их порядок приоритетности. Так, Россия и Китай одновременно воспринимают изучаемый субрегион в качестве безопасного тыла, со стороны которого державы не испытывают никаких угроз, что позволяет им, не будучи связанными союзническими обязательствами¹¹³, концентрировать свои внешнеполитические и военные ресурсы на приоритетных или более опасных для них направлениях – таких, как Западная Европа для России и тихоокеанский регион для Китая. В это же время страны также заинтересованы в экономическом партнёрстве в субрегионе, что заставляет их видеть друг в друге потенциально выгодных партнёров и воздерживаться от лишних споров и разногласий. Эта характеристика стала особенно актуальной после 2014 года, когда российско-китайская торговля и транзит китайского экспорта через Россию резко увеличили свою актуальность для двух стран.

В это же время за исходную теоретическую характеристику политики Монголии в адрес двух держав можно взять с небольшими корректировками теорию «балансирования», предполагающую стремление малого государства, не способного активно влиять на региональный статус-кво, уравни-

¹¹¹ Schweller R. Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back // *International Security* Vol. 19:1. 1994. P. 72–107.

¹¹² Лукин А.Л. Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2011. №2 (17). С. 9.

¹¹³ Лузянин С. Г. Российско-китайский диалог: модель 2015. М.: Российский совет по международным делам (РСМД). №18, 2015. С. 8.

вать влияние соседней державы другими региональными факторами. В этом контексте Монголия осуществляет двойное или «буферное» балансирование, сводя к минимуму влияние одной державы параллельным развитием отношений с другой соседней державой. Это прослеживается и в хронологически поддерживаемой симметрии статусов отношений Монголии с Россией и Китаем, и во внешнеполитических концепциях и стратегиях национальной безопасности данной страны¹¹⁴, декларирующих соотношение приоритетов по формуле «33% – России, 33% – Китаю и 33% – третьим соседям»¹¹⁵. В это же время балансирование за счёт внерегиональных держав ограничивается, в силу особенностей системы, лишь уравниванием чрезмерного присутствия одной из держав в отдельных отраслях экономики страны, а также недопущением чрезмерного культурного воздействия одной из двух держав на Монголию. Такая политика в чистом виде может быть прослежена только у двух государств мира – Монголии и Непала, которые полностью географически зажаты между двумя крупными державами. Именно поэтому подобная характеристика балансирования представляется мало изученной.

Рассмотренный выше характер отношений по линиям «держава – держава» и «малое государство – державы» определяет третью теоретическую характеристику внутрисистемных связей – а именно ограниченность возможностей воздействия держав на малое государство в рамках изучаемой системы. Так как две державы не являются союзниками с плотно увязанной внешней политикой и идеологическими ориентирами, и имеют симметричный добрососедский и партнёрский характер отношений с Монголией, который устраивает их с точки зрения обеспечения национальной безопасности, державы не склонны согласовывать единую политику в адрес Монго-

¹¹⁴ Монгол Улсын Аюулгүй Байдлын Үзэл Баримтал. 2011 он. (Стратегия национальной безопасности Монголии. 2011 год.) Статья 14.1.

¹¹⁵ Кушхов Б. Х., Тютин А. В. Балансирующее поведение малых государств Востока: взгляд вне рамок неореализма (на примере Монголии и Непала) // Международный Аспект. 2022. №3. С. 86.

лии, сопровождаемую оказанием обоюдного давления. По этим же причинам ни одна из держав также не склонна оказывать одностороннее давление на Монголию по большинству вопросов.

В пространственные границы системы включается непосредственно сама территория Монголии, приграничные с Монголией районы России и Китая, в том числе и прилегающие к монгольской границе районы держав, расположенные в непосредственной близости от их границы друг с другом.

Контекстуальные границы системы очерчиваются методом исключения: так, в них не входят процессы в отношениях России и Китая, происходящие на глобальной арене и в регионах, удалённых от Монголии. Двусторонние политические и экономические взаимодействия Монголии с третьими странами испытывают лишь косвенное и пассивное влияние России и Китая и, следовательно, расположены в «смежной зоне» между внутренними процессами системы и окружающей средой.

Относительная иерархия элементов системы заключается в наличии в ней двух «держав» – России и Китая, и одного «малого государства» – Монголии, расположенного между этими двумя «державами». Если державы являются проводниками влияния внешней среды на систему и акторами, способными односторонними действиями изменять характеристики системы, то малое государство в полной мере способно лишь оказывать содействие развитию системы и интенсификации взаимодействий между её элементами.

Международно-политическая наука не имеет устоявшегося представления о разграничении разных категорий держав и отличиях малых государств от более крупных. В связи с этим, наиболее уместным представляется разделение по относительному признаку¹¹⁶ путём сопоставления разных аспектов международно-политического потенциала России, Китая и Монго-

¹¹⁶ Efremova K. Small States in Great Power Politics: Understanding the «Buffer Effect» // Central European Journal of International and Security Studies 13(1). 2019. P. 108.

лии. Данное сопоставление показывает критический разрыв в показателях между Монголией с одной стороны и Россией с Китаем с другой, в то время как разрыв между Россией и Китаем остаётся менее очевидным и распространяется на далеко не все показатели. Так, Монголия с численностью населения в 3.5 миллиона человек уступает по этому показателю России – более чем в 40 раз, а Китаю – более чем в 400. Территория Монголии, составляющая 1.5 миллиона квадратных километров, меньше китайской в 5 раз и российской – в 11. ВВП Монголии также является незначительным в сравнении с величиной аналогичного показателя соседей (15.7 миллиардов долларов¹¹⁷, что меньше российского ВВП практически в 100 раз и китайского – в 1000 раз).

Внешняя среда системы определяется наличием полицентричной глобальной системы международных отношений с обозначаемыми в ней противоречиями по осям «Россия – страны Запада» и «Китай – США»¹¹⁸, отсутствием непосредственных угроз безопасности России и Китая в регионах, прилегающих к пространственным границам системы, а также наличием перспективных направлений сбыта китайского экспорта на европейский рынок.

При определении механизмов влияния внешней среды на систему особого внимания требует рассмотрение характера отношений Монголии с внерегиональными державами. Так, Монголия имеет статус отношений стратегического партнёрства с такими государствами, как США, Япония, Индия и Республика Корея. В ходе поездок в западные государства высокопоставленные монгольские представители неизбежно отмечают свою при-

¹¹⁷ Дотоодын нийт бүтээгдэхүүн, үйлдвэрлэлийн аргаар, улирлаар, салбараар, өссөн дүнгээр. – URL: https://www.1212.mn/mn/statistic/statcate/573052/table-view/DT_NSO_0500_022V1 (дата обращения: 4.08.2023)

¹¹⁸ Лузянин С. Г. Российско-китайский диалог: модель 2015. Москва, Российский совет по международным делам (РСМД). №18, 2015. С. 11.

верженность западному видению демократии¹¹⁹. Такие государства, как Япония, Республика Корея, Швейцария и США занимают видное место во внешней торговле географически зажатой Россией и Китаем Монголии – на них приходится почти 1.5 миллиарда долларов внешнеторгового оборота или около 10% (данные 2023 года)¹²⁰. Компании из внерегиональных государств реализуют в Монголии крупные экономические проекты – стоит отметить участие индийских компаний «Engineers India Limited»¹²¹ и «Megha Engineering & Infrastructure Limited»¹²² в создании первого в Монголии нефтеперерабатывающего завода, разработка крупного месторождения меди и золота Оюу Толгой англо-австралийской корпорацией Рио Тинто¹²³, строительство нового международного аэропорта за счёт льготного кредита Японского банка международного сотрудничества корпорациями «Мицубиси» и «Чиода»¹²⁴, реконструкция японскими специалистами одной из ТЭЦ города Улан-Батора. На новый этап выходит сотрудничество Монголии и Франции в разработке месторождений урана¹²⁵, а также в сотрудничестве в

¹¹⁹ Joint Statement on the Strategic Third Neighbor Partnership between the United States of America and Mongolia. The White House. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/08/02/joint-statement-on-the-strategic-third-neighbor-partnership-between-the-united-states-of-america-and-mongolia/> (дата обращения: 13.11.2023).

¹²⁰ iToim - Тооны хэлээр: 2023 оны гадаад худалдааг дүрслэн харвал. – URL: <https://itoim.mn/a/2023/09/11/economy/quw> (дата обращения: 08.12.2023).

¹²¹ Refining- Engineers limited. Ministry of Petroleum and Natural Gas. Government of India. – URL: <https://mopng.gov.in/en/refining/engineers-india-limited> (дата обращения: 13.11.2023).

¹²² Газрын тос боловсруулах үйлдвэрийн түүхий тос дамжуулах хоолойн барилга угсралтын ажил эхэллээ. – URL: <https://montsame.mn/mn/read/317870> (дата обращения: 13.11.2023).

¹²³ Оюу Толгой. Рио Тинто. – URL: <https://www.riotinto.com/mn-mn/mn/oyu-tolgoi> (дата обращения: 13.11.2023).

¹²⁴ Япония и Монголия: как экономические гиганты укрепляются в малых государствах. – URL: <https://journal-neo.su/ru/2023/03/27/yaponiya-i-mongoliya-kak-ekonomicheskie-giganty-ukreplyayutsya-v-malyh-gosudarstvah/> (дата обращения: 12.11.2023).

¹²⁵ France / Orano Signs €1.6 Billion Protocol For Uranium Mining In Mongolia :: NucNet | The Independent Nuclear News Agency. – URL: <https://www.nucnet.org/news/orano-signs-eur1-6-billion-protocol-for-uranium-mining-in-mongolia-10-5-2023> (дата обращения: 13.11.2023).

области спутниковой связи¹²⁶. В 2023 году руководство Республики Корея выразило желание проводить геологоразведочные работы в Монголии с целью поиска месторождений редкоземельных металлов и их дальнейшего экспорта в страну¹²⁷. Развивается партнёрство с различными японскими организациями – такими как Японская Ассоциация Международного Сотрудничества (JICA), Японский Банк Международного Сотрудничества (JICB), Японский Фонд (Japan Foundation)¹²⁸. Значительная часть упомянутых выше проектов сопряжены с вложением в монгольскую экономику инвестиций, превышающих объём в миллиард долларов.

В политической сфере стоит отметить факт проведения регулярных трёхсторонних консультативных встреч «США – Монголия – Япония»¹²⁹, а также наличие у Монголии развитых партнёрских программ с ОБСЕ¹³⁰ и НАТО¹³¹, а также преференциальных режимов внешней торговли с Японией и ЕС.

В американской концепции «Индопацифики», направленной в том числе и на сдерживание одной из держав субрегиона – Китая, Монголии отдаётся место важного регионального партнёра США¹³². Соединённые Шта-

¹²⁶ Францын компанитай хамтарч «Чингис сат» үндэсний хиймэл дагуул бүтээхээр боллоо. – URL: <https://montsame.mn/mn/read/328977> (дата обращения: 13.11.2023).

¹²⁷ Монголия, Южная Корея, редкоземельные металлы: «наведение мостов» или «открытие ящика Пандоры»? – URL: <https://journal-neo.su/ru/2023/03/02/mongoliya-yuzhnaya-koreya-redkozemel-ny-e-metally-navedenie-mostov-ili-otkry-tie-yashhika-pandory/> (дата обращения: 13.11.2023).

¹²⁸ JICA in Mongolia. – URL: <https://www.jica.go.jp/english/overseas/mongolia/office/index.html#:~:text=JICA%20Mongolia%20Office.%20Shangri-la%20Centre%2C,Ulaanbaatar%2015160%2C%20Mongolia.%20Tel%20%3A7505-8778> (дата обращения: 12.11.2023).

¹²⁹ Монгол Улс, Америкийн Нэгдсэн Улс, Япон Улсын хамтарсан мэдэгдэл. Гадаад Харилцааны Яам. – URL: <https://mfa.gov.mn/46420> (дата обращения: 12.11.2023).

¹³⁰ OSCE observers to start their mission by end of May. – URL: <https://montsame.mn/en/read/129931> (дата обращения: 12.11.2023).

¹³¹ NATO - Topic: Relations with Mongolia. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_85297.htm (дата обращения: 12.11.2023).

¹³² The free and open Indo - Pacific strategy and Mongolia .Mongolian Geopolitics. Friedrich-Ebert-Stiftung Mongolia & Mongolian Institute for Innovative Policies. 2022. P. 29.

ты активно участвуют в разработке полезных ископаемых на территории Монголии: в частности, золота и урана¹³³.

Не менее интенсивным представляется сотрудничество Монголии с внерегиональными державами в других отраслях. Наиболее яркими примерами является партнёрство в рамках японской благотворительной программы «Корни травы». Значителен культурный обмен Монголии с такими странами, как Республика Корея и Соединённые Штаты Америки¹³⁴. Также, в Монголии с 1990х годов усилилась активность западных религиозных организаций¹³⁵.

Отдельные «третьи соседи» Монголии значительно укрепили свои позиции в массовом сознании монголов. Так, число опрошенных монголов, считающих Республику Корея «иностранным партнёром №1» для своей страны, за год выросло в два раза – с 3.3 до 6.5%¹³⁶. Значительно выросла (с 24.5 до 34.7% за год) доля опрошенных, считающих корейцев нацией, с которой монголам легче всего достичь взаимопонимания и сотрудничать¹³⁷. В результате, Республика Корея вышла в 2023 году на первое место по этим показателям, обогнав двух непосредственных соседей Монголии¹³⁸. Опрос «Молодые монголы и мир», проведённый Friedrich Ebert Stiftung совместно с Монгольским Институтом Инновационной политики в 2022 году, показы-

¹³³ Beyond Horses and the Frontier: Mongolia–United States relations. Mongolian Geopolitics. Friedrich-Ebert-Stiftung Mongolia & Mongolian Institute for Innovative Policies. 2022. P. 237.

¹³⁴ Suvdantsetseg Ts., Mendee J. Changing soft power dynamics in Mongolia. Mongolian Geopolitics. Friedrich-Ebert-Stiftung Mongolia & Mongolian Institute for Innovative Policies. 2022. P. 340.

¹³⁵ Дашковский П. К. Религиозные процессы на территории Монголии (по результатам социологического исследования)// Народы и религии Евразии. 2022, Т. 27, №1. С. 73.

¹³⁶ POLITBAROMETER 22(56), April 2023. Sant Maral San. – URL: https://www.santmaral.org/files/ugd/915e91_658ad78e7b8e469d828b49a2c359e494.pdf (дата обращения 02.08.2023)

¹³⁷ POLITBAROMETER №22(56), April 2023. Sant Maral San. – URL: https://www.santmaral.org/files/ugd/915e91_658ad78e7b8e469d828b49a2c359e494.pdf (дата обращения 02.08.2023)

¹³⁸ 2023 год и восприятие «третьего соседа» в Монголии: настроения граждан меняются. Новое Восточное Обозрение. – URL: <https://journal-neo.su/ru/2023/06/22/2023-god-i-vospriyatie-tretego-soseda-v-mongolii-nastroeniya-grazhdan-menyayutsya/> (дата обращения 02.08.2023)

васт наличие в Монголии сильных позиций у английского, корейского и японского языков, у корейской музыки, японской кухни, американских фильмов и т.д.¹³⁹

Подобный характер и масштаб отношений Монголии с удалёнными географически партнёрами может создать впечатление о пребывании позиций двух держав субрегиона в весьма уязвимом положении. Ниже приводятся аргументы того, что все подобные проекты, форматы и тенденции, за редким исключением, не способны подвергнуть опасности нынешнюю субрегиональную систему отношений «Россия-Монголия-Китай».

– Несмотря на более чем тридцатилетний опыт тесного политического сотрудничества Монголии со странами Запада и западными НКО, в стране не приходят к власти отчётливо прозападные силы.

Политическое партнёрство Монголии с США, Японией и ЕС, а также с различными светскими и религиозными НКО¹⁴⁰, насчитывает не одно десятилетие. Тем не менее, в Монголии так и не произошло «оранжевых революций», а отношения с Россией и Китаем, несмотря на «западную либерально-демократическую и парламентарную политическую ориентацию» Монголии, непрерывно укрепляются.

– Все экономические проекты, реализуемые внерегиональными странами в Монголии, кроме одного, не способны деформировать основные механизмы субрегиональной системы

Ни один из упомянутых выше крупнейших проектов внерегиональных держав в Монголии, кроме одного, не способен ослабить опоры экономического и политического присутствия России и Китая, которые обеспечивают им державные характеристики в рамках системы. Исключением, по мнению автора, может являться проект строительства в Монголии НПЗ, который,

¹³⁹ Mongolian Geopolitics. Friedrich-Ebert-Stiftung Mongolia & Mongolian Institute for Innovative Policies. 2022. P. 328.

¹⁴⁰ Западные миссионеры в Монголии: сегодня-вера, а завтра-социально-политическая повестка. Новое Восточное Обозрение. – URL: <https://journal-neo.su/ru/2023/02/08/zapadny-e-missionery-v-mongolii-segodnya-vera-a-zavtra-sotsial-no-politicheskaya-povestka/> (дата обращения 02.08.2023).

вкупе с дальнейшей разработкой нефтяных месторождений в стране, способен в определённой степени снизить зависимость Монголии от поставок топлива из России¹⁴¹. Такой сценарий действительно может привести к ослаблению одной из нескольких опор статуса России в качестве «паритетной державы» субрегиона.

– Укрепление позиций внерегиональных партнёров Монголии в массовом сознании её граждан не мешает укреплению позиций России.

Как показывают результаты тех же опросов Sant Maral за 2013, 2014, 2021, 2022 и 2023 годы, одобрение России и россиян монголами не находится в обратно пропорциональной зависимости от одобрения ими стран Запада¹⁴². Так, в годы обострения отношений Российской Федерации со странами Запада показатели по одобрению России и россиян среди монголов резко возрастали¹⁴³.

– Наличие в Монголии традиционных опасений, связанных с растущим влиянием Китая, не приводит к охлаждению торгово-экономического и культурного интереса монголов к этой стране.

Несмотря на то, что опрос «Молодые монголы и мир -2022» действительно фиксирует сохранение традиционной неприязни к китайскому влиянию в достаточно широких слоях монгольской молодёжи, китайская культура и язык занимают в нём же ведущие позиции¹⁴⁴. В это же время, значительная доля опрошенных испытывают к Китаю экономический интерес (59%)¹⁴⁵. Помимо этого, опрос Sant Maral показывает то, что Китай за по-

¹⁴¹ Газрын тос боловсруулах үйлдвэрийн дэд бүтцийг ашиглалтад орууллаа. – URL: <https://mrtld.gov.mn/i/2142> (дата обращения 02.08.2023).

¹⁴² Почему ценности «западной демократии» не вытесняют пророссийские настроения в Монголии? – URL: <https://journal-neo.su/ru/2022/12/20/pochemu-tsennosti-zapadnoj-demokratii-ne-vy-tesnyayut-prorossijskie-nastroeniya-v-mongolii/> (дата обращения: 24.11.2023).

¹⁴³ 2014 и 2022 гг. – дискредитация образа России в Монголии? Новое Восточное Обозрение. – URL: <https://journal-neo.su/ru/2023/03/24/2014-i-2022-gg-diskreditacziya-obraza-rossii-v-mongolii/> (дата обращения: 24.11.2023).

¹⁴⁴ Mongolian Geopolitics. Friedrich-Ebert-Stiftung Mongolia & Mongolian Institute for Innovative Policies. 2022. P. 317.

¹⁴⁵ Ibid, P. 321.

следние 10 лет твёрдо укрепился в качестве «лучшего партнёра номер два» в сознании монголов¹⁴⁶.

– Несмотря на интенсификацию контактов Монголии с Западом, безоговорочным остаётся статус России в качестве главного гаранта национальной безопасности Монголии, равно как и Китая – в качестве главного торгового партнёра страны.

Никакие контакты с Западом не сумели за тридцать лет привести к пересмотру установленной ещё в 1990е годы формулы «30% – Россия, 30% – Китай и 30% – Запад»¹⁴⁷. Помимо этого, Россия по-прежнему занимает с большим отрывом первое место в пункте опроса Sant Maral «Если национальная безопасность Монголии окажется под угрозой, то к кому нужно обратиться за помощью?» (в 2022 году – 46% опрошенных, в 2023 – 34%)¹⁴⁸.

– Несмотря на интенсификацию контактов Монголии с Западом, страна координирует свою внешнеполитическую линию с чувствительными позициями России и Китая.

Монголия воздерживалась в 2022-2023 годы от голосования по анти-российским резолюциям¹⁴⁹, равно как и от осуждения России в совместных с западными коллегами заявлениях по итогам визитов ряда авторитетных европейских политиков в Монголию¹⁵⁰¹⁵¹. Также, монгольские представите-

¹⁴⁶ POLITBAROMETER №22(56), April 2023. Sant Maral San. – URL: https://www.santmaral.org/files/ugd/915e91_658ad78e7b8e469d828b49a2c359e494.pdf (дата обращения: 24.11.2023).

¹⁴⁷ Bayasakh J. Mongolian foreign policy from the 1st to the 2nd foreign policy. Ulaanbaatar, MAS, 2015. P. 26.

¹⁴⁸ POLITBAROMETER №22(56), April 2023. Sant Maral San. – URL: https://www.santmaral.org/files/ugd/915e91_658ad78e7b8e469d828b49a2c359e494.pdf (дата обращения: 24.11.2023).

¹⁴⁹ Официальная позиция Монголии по украинскому кризису: приоритет национальных интересов и тонкости формулировок. Новое Восточное Обозрение. – URL: <https://journal-neo.su/ru/2023/02/02/ofitsial-naya-pozitsiya-mongolii-po-ukrainskomu-krizisu-prioritet-natsional-ny-h-interesov-i-tonkosti-formulirovok/> (дата обращения: 24.11.2023).

¹⁵⁰ Лузянин С.Г. Российско-монгольские отношения и китайский фактор: современные трансформации. Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 4. С. 10.

¹⁵¹ Макрон в Монголии – ценный металл и «театр одного актёра»? Новое Восточное Обозрение. – URL : <https://journal-neo.su/ru/2023/05/30/makron-v-mongolii-czennyj-metall-i-teatr-odnogo-aktyora/> (дата обращения: 24.11.2023).

ли последовательно обходят в общении с западными партнёрами тематику «Индопацифики», чувствительную для КНР, а также, после нескольких визитов, воздерживаются от приглашений в страну духовного лидера доминирующей в Монголии буддистской школы Гелуг – Далай-Ламы¹⁵², который воспринимается властями КНР как лидер сепаратистов Тибета¹⁵³.

Помимо этих аргументов, в ходе дальнейшего анализа реализации новейших трёхсторонних проектов будет отчётливо проиллюстрировано отсутствие какого-либо деструктивного западного фактора в реализации ключевых из их числа.

Таким образом, следует сделать вывод о практически полной неспособности внерегиональных держав вызвать трансформации в основных параметрах трёхсторонней системы через воздействие на Монголию. Тем не менее, как это будет показано в главе, посвящённой периодизации становления и развития современной субрегиональной системы, внерегиональные факторы, связанные с отношениями третьих держав с Россией и Китаем, способны оказывать на неё существенное влияние и даже определять её дальнейшие трансформации через воздействие на внешнюю политику России и Китая,

1.4. Базовые принципы функционирования системы Россия-Монголия-Китай. Выведение, сопоставление и анализ основных исторических моделей

Практическая ориентация данного исследования предполагает наличие у него некоторого прогностического потенциала, который может быть задействован при дальнейших исследованиях международных отношений в

¹⁵² On China's Reaction to Dalai Lama's 14th Visit to Mongolia. – URL: <https://journal-neo.su/2016/12/02/on-chinas-reaction-to-dalai-lamas-14th-visit-to-mongolia/> (дата обращения: 25.11.2023).

¹⁵³ The 14th Dalai lama, the 11th Panchen lama, and the 9th Jebtsundamba. Baabar. Mn. – URL: <http://baabar.mn/article/the-14th-dalai-lama-the-11th-panchen-lama-and-the-9th-jebtsundamba> (дата обращения: 25.11.2023).

рассматриваемом регионе – даже при изменении некоторых условий, имеющих место в изучаемом периоде (1991-н.в.). При таком позиционировании исследования вывод о системном характере трёхсторонних отношений представляет весьма ограниченную ценность без определения конкретных механизмов функционирования, поддержания устойчивости или трансформации данной системы. Определить эти механизмы, в условиях отсутствия возможности «контролируемого эксперимента», представляется возможным с помощью определения некоторых закономерностей – действий, процессов и событий, которые можно было бы неоднократно проследить в изучаемой системе. Для их вычленения, однако, необходимо обобщить большой эмпирический опыт взаимодействия участников субрегиональной системы, для чего исследования одного только современного периода её существования недостаточно. Тем не менее, как показывает исторический материал, посвящённый взаимоотношениям в субрегионе в 17-20 вв., в них существует целый ряд постоянных закономерностей, которые неоднократно прослеживаются в самых разных исторических эпохах¹⁵⁴. Следовательно, для решения задачи по определению общих принципов функционирования системы предполагается корректным задействовать весь накопленный в историографии эмпирический материал, обобщив и реорганизовав его в так называемые исторические модели – концептуализированные политические ситуации, присущие конкретному хронологическому промежутку в отношениях трёх акторов.

Для проведения подобного сравнительного анализа были выбраны следующие модели, которые можно считать историческими модификациями/вариациями трёхсторонней системы взаимоотношений:

Модель «Русское Царство/Алтан-хан/Ойраты/Китай» в середине 17 века. Данную модель можно кратко охарактеризовать как «историческая ситуация, в которой одна держава стремится оформить свои отношения с

¹⁵⁴ Кушхов Б.Х. Исторические вариации треугольника Россия - Монголия - Китай. Принципы и закономерности // Вестник БНЦ СО РАН. 2022, 1(45): С. 90.

другой державой через взаимодействия с двумя малыми политическими образованиями¹⁵⁵. Заинтересованное в китайских рынках Русское Царство осуществляет активное продвижение на восток, в ходе которого в первой половине 17 века налаживает контакты с монгольскими политическими образованиями – сначала с ойратами-торгоутами, а потом и с государством Алтан-ханов¹⁵⁶. Приоритет китайского вектора над монгольским у эмиссаров русского царя прослеживается в ряде исторических документов: так, после сообщения первого Алтан-хана о близости от его владений «китайского царства»¹⁵⁷ и преподношения русским посланникам даров китайского производства¹⁵⁸, Русское царство переключило своё внимание на монгольском направлении с ойратов на государство Алтан-ханов¹⁵⁹. Однако, несмотря на это, Россия отказывается от заключения союза с Алтан-ханом против враждебных ему ойратов. Такое решение вероятнее всего было вызвано стремлением русского царя сохранить мир среди кочевников, так как обострение военных действий между ними могло бы нарушить потенциальные русско-китайские торговые коммуникации и затруднить задачу по достижению Китая русскими посланниками.

Данная историческая модель демонстрирует следующие принципы взаимодействия сторон в субрегионе: Приоритет междержавных отношений над отношениями держав с малыми государствами субрегиона, а также значение политической стабильности в Монголии для обеспечения взаимодействий между державами.

¹⁵⁵ Кушхов Б. Х. Политика Русского царства по отношению к ойратам в первой половине XVII века: «Divide at impera»? / Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных. Сборник научных трудов. Редколлегия: Д.О. Никулин (отв. ред.), С.В. Шарапов (отв. секр.) [и др.]. Новосибирск, 2022. С. 244.

¹⁵⁶ Златкин И.Я., Устюгов Н.В., Гатауллина Л.М., Гольман М.И., Слесарчук Г.И. Русско-монгольские отношения 1607–1636. Сборник документов. Москва, 1959.

¹⁵⁷ Кушхов Б.Х. Политика русского царства по отношению к ойратам в первой половине XVII века: «divide et impera»? / Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных. С. 243.

¹⁵⁸ Cai Lingli. Research on the Development of Brick Tea Culture in the Background of One Belt and One Road. *Advances in Education Research*. 2017. №104, P. 467.

¹⁵⁹ Чимитдоржиева Л. Ш. Русские посольства к монгольским Алтан-ханам. 1608-1681 гг. Автореферат диссертации по истории. Улан-Удэ, 2003. С. 31.

Так как одной из важных мотиваций для продвижения России на Восток стала активизация в 16-17 веках поисков западными державами маршрутов в Индию и Китай¹⁶⁰, можно говорить и о наличии ещё одного принципа: на взаимоотношения сторон в субрегионе оказывают влияние внешние факторы – через их воздействие на одну или две державы.

Модель «Российская империя/Джунгария/Цин» в конце 17 века. Эта модель в своих общих чертах сводится к наличию конструктивных, но не партнёрских отношений между двумя державами, а также к существованию в субрегионе третьей, менее крупной державы, находящейся во вражде с одной из этих двух держав.

Становление в субрегионе Джунгарского ханства и его активная внешнеполитическая экспансия¹⁶¹ привели к столкновению его интересов в Тибете¹⁶² и Халхе с империей Цин. В субрегионе снова прослеживается приоритет отношений между державами – Россия отказывается от союза с джунгарским правителем Галданом Бошогту¹⁶³, а позже, и вовсе, отказывается от поставок ему огнестрельного оружия¹⁶⁴. После подписания первого договора между Русским Царством и Цин в 1689 году¹⁶⁵, главным достижением которого для России было закрепление ограниченных торговых при-

¹⁶⁰ China's Trade with the West in the Early Modern World. – URL: <https://brewminate.com/chinas-trade-with-the-west-in-the-early-modern-world/> (дата обращения: 23.10.2023).

¹⁶¹ Болдырева О. Н., Ся Ван. Анализ взаимоотношений китайского императора Канси и джунгарского хана Галдана во время джунгаро-китайской войны 1690-1697 годов // Вестник Удмуртского университета. Серия "История и филология". 2019. № 4. С. 650-655.

¹⁶² Бакаева Э. П. Ойраты и Тибет в XVII-XVIII вв.: об освещении некоторых событий, связанных с хошутами и джунгарами, в тибетской и российской историографии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 5. С. 6.

¹⁶³ Гольман М. И. Русские архивные материалы об отношениях Галдана Бошогту хана с Российским государством. Избранные статьи и доклады. Улан-Батор, 2014. Издательство «Соёмбо принтинг». С. 176.

¹⁶⁴ Бобров Л.А. Джунгарское ханство - последняя кочевая империя // Наука из первых рук. 2007. № 1 (13). С. 66.

¹⁶⁵ Русско-джунгарские отношения (конец XVII - 60-е гг. XVIII в.). Документы и извлечения / сост. В. А. Моисеев, И. А. Ноздрина, Р. А. Кушнерик. Барнаул: Азбука, 2006. С. 29.

вилегий в Китае, отношения Москвы с джунгарами приходят в упадок¹⁶⁶. В это же время Джунгария, географически зажатая между Русским Царством и Цин, оказывается в полной политической изоляции¹⁶⁷, не сумев обрести внерегиональных союзников в своём противостоянии с Цин¹⁶⁸.

Данная модель иллюстрирует следующие принципы взаимоотношений сторон. Как и в модели «а» держава разменивает перспективу союза с менее крупной силой на конструктивные отношения со второй державой и торговые привилегии. Помимо этого, модель иллюстрирует неизбежную политическую изоляцию малой силы в случае её конфронтации с одной из держав. Немаловажным заключением из модели «б» можно считать неспособность «small power» изменять статус-кво в субрегионе.

Модель «Кяхтинской системы» (1915-1917). Основными характеристиками субрегиональных международных отношений в этот период являются наличие двух держав, отношения между которыми структурированы не в полной мере.

В начале 20 века Россия и Китай были активно задействованы в глобальных политических процессах, таких как образование военных союзов в Европе, завершение разграничения сфер влияния с Великобританией в Туркестане и Афганистане для России и сопротивление экспансии Японии и западных держав в прибрежных районах для Китая. Таким образом, «монгольское направление» во внешней политике двух держав отходило на второй план – в нём главной целью становилось создание надёжного и безопасного тыла для переброски всех имеющихся сил на приоритетные направления. Однако это устремление держав распространялось и на их двусторонние отношения – стороны не были склонны обострять любые споры между собой.

¹⁶⁶ Кушхов Б.Х. Джунгарское ханство как потенциальный гегемон в монгольском мире: причины неудачи // Манускрипт. 2021. №8. С. 1597.

¹⁶⁷ Базаров Б. В., Хишигжаргал Г. Распад Монгольской империи и формирование династии Цин (XVII-XVIII вв.) // Власть. 2016. № 9. С. 183.

¹⁶⁸ Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635-1758). Изд-е 2-е. М.: Наука, 1983. 333 с.

В такой обстановке в 1911 году глава монгольских буддистов Богдо-Гэгэн VIII провозгласил национальную независимость Монголии¹⁶⁹. При этом Российская империя, к которой он обратился за помощью, не пошла в 1911-1912 годы на официальное признание его правительства (хотя в монгольском тексте Соглашения было упомянуто именно признание независимости, а не автономного статуса)¹⁷⁰¹⁷¹, настояв при этом на закреплении автономии Внешней Монголии в трёхстороннем Кяхтинском соглашении 1915 года¹⁷². Даже несмотря на недавнюю Синьхайскую революцию в Китае и негативную реакцию на неё в Санкт-Петербурге, Россия не была склонна изменять субрегиональный статус-кво в свою пользу, лишь незначительно укрепив в нём свои позиции¹⁷³. Примечательным представляется и отказ западных держав и Японии от признания и помощи монгольскому правительству¹⁷⁴.

«Кяхтинская система»¹⁷⁵ просуществовала недолго – после начала революции в России страна на определённое время оказалась неспособной обеспечивать свой державный статус, и Китай оккупировал Внешнюю Монголию, принципиально изменив субрегиональный статус-кво¹⁷⁶.

Таким образом, модель «В», как подтвердила уже выведенные закономерности, так и привнесла в исследование новые: так, было установлено то, что отвлечённость держав от монгольского направления, отсутствие вражды между ними, а также отсутствие в регионе угроз для держав явля-

¹⁶⁹ Батунаев Э. В. Борьба за независимость монгольского государства. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2015. С. 47.

¹⁷⁰ Дружественное соглашение о признании Россией автономной Монголии. 21 октября (3 ноября) 1912 г. АВПРИ. Ф. 163. Оп. 3. Д. 963. Подлинник. ЦНА. Ф. А-2. Оп. 1. Д. 104. Л. 1. Подлинник. ПСЗРИ. 3-е изд. № 38230. С. 1492-1495.

¹⁷¹ История Монголии. XX век. отв. ред. Г.С.Яскина. Москва, ИВ РАН, 2007. С. 37.

¹⁷² Там же, С. 41.

¹⁷³ Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: ИДВ РАН, 2003. С. 37.

¹⁷⁴ Батбаяр Ц. Богд Хаант Монгол Улс гуравдахь хөршийн эрэлд. Улаанбаатар, 2011. Х. 86.

¹⁷⁵ Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: ИДВ РАН, 2003. 357 с. С. 48.

¹⁷⁶ Яскина Г. С. История Монголии. XX век. Москва, ИВ РАН, 2007. С. 46.

ются ключевыми условиями максимизации суверенитета Монголии в субрегионе. Помимо этого, из анализа данной модели следует также и вывод о том, что для внерегиональных держав отношения с Россией или Китаем также перевешивают любые перспективы усиления своих позиций в Монголии – ни одна держава не проявила интерес к развитию отношений с монархией Богдо-Гэгэна, и все письма-обращения и миссии его эмиссаров так и не получили конкретного ответа¹⁷⁷. Распад так называемой «Кяхтинской системы» – нарушение статус-кво, достигнутого на конференции 1915 года¹⁷⁸, свидетельствует о неизбежной утрате самостоятельности Монголии в случае падения одной из держав.

Субрегион в начале 1920х годов. В это же время опыт наличия не враждебных, но и не союзнических отношений между РСФСР (а позже и СССР) с различными правительствами Китая в первой половине 1920х годов является примером условий минимального давления держав на Монголию¹⁷⁹: в монгольской политической жизни того времени возникают и народные демократы, и левые, и правые, в политике активны и бывшие ламы, и министры правительства Богдо-Гэгэна, и более молодое поколение революционеров¹⁸⁰. Вызвано это было также и выжидательной позицией двух держав в регионе: если РСФСР (СССР) находилась в ожидании развязки революционной ситуации в Китае, любой исход которой мог бы заставить её пересмотреть свою политику по отношению к Монголии, то китайские правительства, занимаясь междоусобным противостоянием, следили за деятельностью нового революционного правительства в России. Именно поэтому обе державы воздерживались от решительных действий в адрес Монголии.

¹⁷⁷ Батбаяр Ц. Богд Хаант Монгол Улс гуравдахь хөршийн эрэлд. Улаанбаатар, 2011. Х. 52.

¹⁷⁸ Батбаяр Ц. Олноо Өргөгдсөн Монгол улсын гадаад харилцаа. Улаанбаатар: Монгол улсын Шинжлэх ухааны академи Түүхийн хүррээлэн, 2008. С. 60.

¹⁷⁹ Clubb O. China and Russia. The Great Game. P.180.

¹⁸⁰ Роцин С.К. Политическая история Монголии. М.; ИВ РАН, 1996. С. 60.

Модель «СССР/МНР/КПК (с 1949- КНР)» (1945-1960). Данная модель характеризуется наличием союзнических отношений между двумя державами – при асимметрии их военно-политического и экономического потенциалов.

По итогам советско-японской войны 1945 года СССР не позволил своим монгольским политическим сателлитам¹⁸¹ установить свой суверенитет над Внутренней Монголией¹⁸². КНР, в свою очередь, документально отказывалась от претензий на территории Внешней Монголии по китайско-монгольскому соглашению 1950 года¹⁸³ и выстраивала дружественные отношения с МНР¹⁸⁴. Таким образом, Монголия не испытывала серьёзного давления со стороны соседей и обладала возможностью проводить достаточно открытый внешнеполитический курс, предпринимая попытки даже установления отношений со странами Запада¹⁸⁵, которые, однако, не встретили одобрения со стороны СССР¹⁸⁶. В такой ситуации проявляются следующие закономерности: максимизация суверенитета Монголии более вероятна при наличии дружественных отношений между двумя державами, нежели конфликтных, однако менее вероятна, чем при нейтральных отношениях между державами. При этом доминирующая держава не склонна укреплять свои позиции в Монголии в случае наличия дружественных отношений с менее сильной державой.

¹⁸¹ Lattimore O. Satellite's Politics: Mongolian Prototype // Western Political Quarterly. 1956. Vol. 9. № 11. P. 131.

¹⁸² Батунаев Эдуард Владимирович Советско-монгольские отношения от Халхин-Гола до Ялтинской конференции // Власть. 2017. №6. С. 113.

¹⁸³ Ледовский А. М. Переговоры Сталина с Мао Цзэдуном в декабре 1949-феврале 1950 г. Новые архивные документы. Новая и новейшая история. 1997. С. 42.

¹⁸⁴ Советско-китайские отношения. 1917-1957. Сборник документов. М., 1959, – с. 217-224.

¹⁸⁵ Болд Р. Независимость и признание. Монголия в треугольнике интересов США-Россия-Китай. С. 239.

¹⁸⁶ Там же, С. 242.

Модели отсутствия баланса интересов и сил между державами в рамках трёхсторонней системы: 1930е и 1970е годы. Модели «Д» и «Е» иллюстрируют такую ситуацию в субрегионе, в которой две державы находятся во враждебных отношениях и испытывают угрозу своей безопасности, исходящую из данного субрегиона.

Модель «Д» связана с появлением в субрегионе угрозы для СССР в лице ориентированного на Японию Маньчжоу-го¹⁸⁷ – наряду с обострением отношений с Китаем после захвата власти над Гоминьданом генералом Чан Кайши¹⁸⁸. Первая угроза, в свою очередь, является составной частью глобальной угрозы Советскому Союзу – заключение в 1936 году Германией, Японией и Италией Антикоминтерновского пакта ознаменовало неизбежность глобального противостояния СССР с фашизмом, нацизмом и милитаризмом. СССР реагирует на имеющиеся в субрегионе угрозы путём наращивания политических позиций в Монголии¹⁸⁹, инициируя репрессивные внутрипартийные процессы в МНРП¹⁹⁰, результатом которых станет установление в стране авторитарного лидерства Х. Чойбалсана¹⁹¹ – на тот момент ключевого проводника советской политической линии в МНР¹⁹².

В модели «Е» угрозой является нарастание советско-китайских противоречий на глобальном уровне, которое вскоре проявилось и в рассматриваемом субрегионе. СССР ограничивает политические и экономические контакты МНР с третьими странами¹⁹³: более того, по договору 1966 года¹⁹⁴

¹⁸⁷ Борисов О.Б., Колосов Б.Т. Советско-китайские отношения. М., Мысль. 1980. 641 С. С. 11.

¹⁸⁸ Капица М. С. Советско-китайские отношения. Государственное издательство политической литературы. Москва, 1958. 427 с. С. 192.

¹⁸⁹ Lattimore O. The Historical Setting of Inner Mongolia Nationalism. Pacific Affairs. 1936, vol.9, №3, p.155

¹⁹⁰ Родионов В. А. «Меж трёх соседей» - внешние факторы политического процесса в постсоциалистической Монголии. Улан-Удэ, Издательство БГУ. 2018. С. 32.

¹⁹¹ Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: ИДВ РАН, 2003. С. 82.

¹⁹² Рощин С.К. Политическая история Монголии. ИВ РАН, 1996. С. 294.

¹⁹³ Murphy J. Soviet Mongolia. A Study of the Oldest Political Satellite. Berkeley and Los Angeles, 1968. p. 86.

в 1967 году на территории МНР размещаются советские войска на случай военного противостояния с КНР¹⁹⁵. КНР также реагирует на появление в субрегионе угрозы в виде советских военных баз: несмотря на сохранение дипломатических отношений с МНР, КПК разворачивает общественно-политическую кампанию¹⁹⁶, связанную с осуждением «отторжения Советским Союзом Монголии от Китая¹⁹⁷».

Модели «Д» и «Е», несмотря на совпадение ключевых характеристик, имеют также весьма значимые отличия: Если в первой модели перевес СССР над Китаем и Маньчжоу-го был относительным, то во второй СССР обладал многократно большим потенциалом в регионе, нежели КНР. Не стоит упускать из внимания и уровень внутривластной стабильности в Монголии, отличающийся в двух случаях: в 1930е годы власть МНРП была намного слабее, нежели в 1970е, имели место крупные антиправительственные восстания – в частности, Архангайское и Хубсугульское восстания 1932 года¹⁹⁸. Помимо этого, у некапиталистического пути развития и главенства МНРП в Монголии образца модели «Д» были и свои альтернативы – к примеру, прояпонское правительство Дэ-Вана (Дэмчигдонров-ван)¹⁹⁹, стремившегося к созданию единого государства всех монголов.

Модели «Д» и «Е», таким образом, иллюстрируют следующие закономерности политических процессов в субрегионе:

1 – Субрегиональные угрозы для держав и/или состояние конфронтации между ними – условия для усиления давления держав на Монголию.

¹⁹⁴ Родионов В. А. «Меж трёх соседей» - внешние факторы политического процесса в постсоциалистической Монголии. Улан-Удэ, Издательство БГУ. 2018. С. 34.

¹⁹⁵ Бямбасурэн Д. Утренние заморозки. Улан-Батор, 1996. С. 169.

¹⁹⁶ Лузянин С. Г. Россия-Монголия-Китай: исторические и современные трансформации // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2021. № 5. С. 144.

¹⁹⁷ Murphy J. Soviet Mongolia. A Study of the Oldest Political Satellite. Berkeley and Los Angeles, 1968. P. 93.

¹⁹⁸ Рошин С.К. Политическая история Монголии. С. 143.

¹⁹⁹ Балдано М. Н. Трансформация политико-административного устройства территории Внутренней Монголии после Синьхайской революции // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2015. Т. 13. С. 96.

2 – При конфронтации двух держав степень политического нажима на Монголию со стороны более сильной державы обратно пропорциональна величине её военно-политического и экономического преимущества над второй державой.

3 – Чем более стабильна внутренняя обстановка в Монголии, тем меньше склонность доминирующей державы к усилению политического давления на Монголию.

Современная модель системы. Современное состояние «треугольника» Россия – Монголия – Китай для сопоставления с «историческими моделями» подлежит осмыслению по аналогичному образцу. Опираясь на выводы, сделанные в предыдущем параграфе, современный «треугольник» можно охарактеризовать как «модель, в которой одно малое государство (Монголия) расположено между двумя державами (Россия и Китай), имеющими разный экономический потенциал, в рамках которой державы находятся в состоянии «баланса угроз» и «баланса интересов», а Монголия стремится к максимизации своего фактического суверенитета».

Обобщение результатов исторического моделирования и выведение принципов функционирования системы. Перед обобщением результатов выведения и анализа «исторических моделей» необходимо отметить то, что все полученные модели делятся на две группы по степени их схожести с современной политической ситуацией в субрегионе. Одни модели аналогичны по общим параметрам современной ситуации в субрегионе – в частности, по соотношению политического и экономического потенциала акторов, по характеру глобально-политической обстановки и по характеру взаимоотношений двух держав. В то же время другие по этим параметрам существенно отличаются от неё. В свою очередь «В», хотя и походит на современную модель по характеру, была пересмотрена в силу обстоятельств, не похожих на современную ситуацию в субрегионе.

Данная типологизация выведенных моделей позволяет разграничить сферы применения тех закономерностей, которые были получены в ходе их

изучения – если закономерности из «схожих» моделей следует рассматривать при анализе принципов функционирования современной трёхсторонней системы и механизмов её поддержания и развития, то закономерности, совпадающие в «отличающихся» моделях будут использованы при определении её условий трансформации или деконструкции. Так, прослеженные в моделях «А», «Б», частично «В», и «Г» закономерности могут быть использованы при выведении принципов функционирования, развития и стабилизации современной системы, в то время как выводы, сделанные на основе анализа моделей «Д», «Е» и частично «В» могут быть задействованы при анализе условий возможной трансформации или деградации системы, а также при выделении гипотетических угроз её существованию.

Таким образом, обобщение исторического опыта взаимодействия трёх акторов путём формирования ряда «исторических моделей» способствовало обнаружению следующих устойчивых закономерностей, которые можно считать принципами и механизмами функционирования системы:

1 – Приоритет отношений между державами: Россия и Китай не склонны укреплять своё влияние в Монголии за счёт другой державы.

2 – Наличие нейтральных (не враждебных, но и не союзнических) отношений между державами, политическая стабильность обеих держав, отсутствие широкой международной изоляции каждой из них, отсутствие внутрирегиональных угроз для любой из них, отвлечённость держав от Монголии в силу вызовов на других направлениях, а также выжидательная позиция держав в отношениях друг с другом являются основными условиями максимизации суверенитета Монголии в её внешней и внутренней политике.

3 – Внутриполитическая стабильность в Монголии и её стремление к балансированию между державами путём налаживания ограниченных связей с «третьим соседом» являются важными условиями поддержания баланса сил и интересов двух держав в регионе.

4 – Изменение статус-кво в регионе Монголией невозможно.

5 – Внерегиональные факторы способны оказывать влияние на состояние трёхсторонней системы: в частности, наличие глобальных угроз одной или обеим державам, а также поляризация системы международных отношений способны спровоцировать усиление обоюдного давления держав на Монголию.

6 – При наличии факторов, побуждающих одну из держав начать процесс одностороннего укрепления влияния в Монголии (а именно фактора внутрорегиональной угрозы, деградации другой державы или конфликта между ними), степень одностороннего политического нажима будет обратно пропорциональна уровню политической стабильности в Монголии и разрыву в потенциалах двух держав.

По итогам данного «эксперимента» представляется возможным выдвижение ещё одной перспективной гипотезы – трёхсторонняя субрегиональная система международных отношений образовалась ещё в 17 столетии, а современная трёхсторонняя система, рассматриваемая в данной диссертации (1991-н.в.), является лишь одной из множества модификаций, существовавших в истории субрегиона. При этом, несмотря на различия по ряду параметров – от соотношения политической и экономической мощи акторов до специфики внешней политической среды, условия поддержания устойчивости или трансформации системы (или её нарушения) в общих чертах сохраняют свою актуальность на протяжении более чем трёхсот лет. Тем не менее, несмотря на неоспоримую перспективность данной гипотезы, в силу хронологического ограничения фокуса данной диссертации, целенаправленное изучение определённых предыдущих модификаций трёхсторонней системы выходит за рамки целей и задач работы.

1.5. Функциональные уровни субрегиональной системы

Привлечение к данному исследованию материалов трёхсторонних отношений за более широкий период с последующим их анализом также дела-

ет возможным выдвижение тезиса о наличии внутри системы двух основных уровней функционирования.

В частности, при рассмотрении разных исторических этапов взаимоотношений трёх сторон становится очевидным то, что наличие дружественных и добрососедских отношений далеко не всегда провоцировало рост торгово-экономических и транспортно-инфраструктурных проектов. При этом подобное отсутствие или стагнация в реализации таких проектов, как правило, не приводит к деградации политических контактов сторон. Так, в 1990-2014 годы процесс активного политического сближения трёх стран сопровождался практически полным отсутствием реализации отраслевых проектов странами. Похожее прослеживается и на более позднем этапе – медленные темпы реализации «Трёхстороннего экономического коридора» и сложности в поиске компромиссных вариантов развития отдельных проектов из его числа не только не приводят к ухудшению политических отношений между странами, но и сопровождаются увеличением трёхсторонних и двусторонних контактов, равно как и повышением статуса отношений России и Монголии в 2019 году²⁰⁰.

На более ранних исторических этапах прослеживается и обратная закономерность – так, несмотря на стремительное ухудшение советско-китайских отношений после 1956 года, некоторое время происходила реализация ряда значимых для трёх стран проектов, а также росли объёмы торговли между ними²⁰¹. Однако эта аномалия продержалась недолго, и была

²⁰⁰ Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Российской Федерацией и Монголией от 03.09.2019 · Официальное опубликование правовых актов — URL:

<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009210041>

(дата обращения: 23.07.2023).

²⁰¹ Романова Г. Н. Значение Советского Союза в индустриализации Северо-Восточного Китая (50-е — начало 60-х гг. XX в.): опыт и оценка // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. №18. С. 128–159.

исчерпана к середине 1960х годов, когда отношения между СССР и КНР обострились окончательно²⁰².

Из этих примеров можно вывести следующую закономерность: если политическое сближение сторон далеко не всегда приводит к активизации транспортно-инфраструктурных и торгово-экономических проектов, а стагнация отраслевого сотрудничества может не оказывать негативного влияния на политическое партнёрство, то усугубление политического фона в отношениях между державами неизбежно, хотя и с определённым запозданием, приводит к сворачиванию всех перспективных отраслевых инициатив в субрегионе. Подобный феномен может происходить в рамках системы только в случае наличия в образующих её связях нескольких функциональных уровней, вписанных в иерархию, в рамках которой один зависит от другого, который, в свою очередь, лишь частично зависит от первого. Дальнейший развернутый анализ приводит исследование к необходимости выделения в образующих субрегиональную систему связей двух функциональных уровней – «экзистенциального» (базисного) и «отраслевого-проектного» (надстроечного).

«Экзистенциальный» (базисный) уровень. К данному уровню связей следует относить взаимодействия сторон, нацеленные на обеспечение стабильности и безопасности в субрегионе, равно как и на обеспечение устойчивых контактов руководств трёх стран – в частности, относительно регулярные двусторонние визиты на высшем и высоком уровнях, трёхсторонние встречи на высшем уровне, заседания межправительственных и межпарламентских групп, любые взаимодействия сторон в области поддержания региональной безопасности, участия монгольской стороны в мероприятиях ШОС, меры по согласованию приемлемых для России и Китая позиций Монголии в глобальных международных организациях, выражения всевозможных взаимных гарантий безопасности в двусторонних соглашениях, а

²⁰² Черникова Л. П. Российско-китайские отношения: история и современность // Проблемы востоковедения. 2015. №2 (68). С. 43.

также деятельность сторон в рамках военно-технического сотрудничества²⁰³ и борьбы с природными и техногенными катастрофами. Взаимодействия на данном уровне, за исключением некоторых аспектов двух последних направлений сотрудничества, происходят не в конкретных территориальных и географических пределах и зонах, и имеют экстерриториальный характер. Другой особенностью данного уровня связей является то, что его субъектами являются исключительно государственные органы трёх стран.

«Отраслевой-проектный» надстроечный уровень. В это же время к данному уровню следует относить взаимодействия элементов системы по реализации проектов и инициатив в рамках их отраслевого сотрудничества – речь идёт о транспортно-инфраструктурной, торгово-экономической, туристической, энергетической, горнодобывающей, финансовой, научной, культурной и гуманитарной сферах. При этом отдельные аспекты отраслевых контактов сторон имеют отличающиеся закономерности развития: так, реализация проектов в таких сферах, как образование, культура, наука и спорт (иными словами, в области гуманитарного партнёрства) сталкивается с куда меньшим числом препятствий и реализуется куда более стремительно из-за того, что также осуществляется государственными органами и не связана с распределением прибыли и неравномерностью экономической выгоды. Однако, из-за более сильной зависимости гуманитарного партнёрства от государственных акторов и состояния связей на «базисном» уровне, а также отсутствия крупных издержек при заморозке проектов, именно гуманитарное сотрудничество стагнирует быстрее других отраслей при охлаждении политических отношений между странами субрегиона.

Принцип взаимного влияния двух уровней представляется следующим: благополучное развитие субрегиональных связей на экзистенциальном уровне делает возможным, но не предопределяет развитие отраслевых про-

²⁰³ Кузьмин Ю.В., Козырская И.Е. Россия – Монголия – Китай: сотрудничество, вызовы, противоречия. Иркутск : Изд-во Репроцентр+, 2023. С. 118.

ектов и инициатив. В свою очередь, стагнация отраслевых связей не способна оказать существенное влияние на политические связи. Однако гипотетическая деградация взаимодействий между элементами системы на экзистенциальном уровне автоматически может сначала привести к значительному сокращению или даже к полному сворачиванию гуманитарных программ взаимодействий трёх стран, а потом – к прекращению сотрудничества и в других отраслях.

1.6. Выводы

Обобщая произведённые в рамках первой главы аналитические операции, следует перечислить их основные результаты:

Современные взаимодействия между Россией, Монголией и Китаем по субрегиональной повестке действительно обладают всеми признаками системы – как происходящими из общей теории систем, так и скорректированными с учётом международно-политической и регионально-политической специфики.

Налицо наличие у данной системы следующих параметров:

1 – Взаимоотношения элементов системы определяются наличием между двумя державами состояния «баланса интересов» и «баланса угроз», «буферным балансированием» Монголии между двумя державами без значительной роли внешних факторов, а также состоянием минимальных возможностей давления на Монголию со стороны держав – как согласованного, так и одностороннего.

2 – Пространственные рубежи системы очерчены границами Монголии, а также приграничными с Монголией районами России и Китая, в том числе и районами России и Китая вблизи соприкосновения границ трёх стран.

3 – Контекстуальные границы системы включают большую часть взаимодействий между тремя странами кроме глобальных и внерегиональ-

ных процессов в отношениях России и Китая. Также, двусторонние политические и экономические взаимодействия Монголии с третьими странами находятся в «смежной зоне» между внутренними процессами системы и окружающей средой, так как оказывают на систему косвенное влияние.

4 – Относительная иерархия элементов системы заключается в наличии в ней двух «держав» – России и Китая и одного «малого государства» – Монголии, расположенного между этими двумя «державами». Ключевое функциональное отличие первой категории элементов от второй – способность в одностороннем порядке изменять конфигурацию системы, или же быть проводником внешнего влияния на внутрисистемные процессы.

5 – Внешняя среда системы определяется наличием полицентричной глобальной системы международных отношений с обозначаемыми в ней противоречиями по линиям Россия – страны Запада и Китай – США, отсутствием непосредственных угроз безопасности России и Китая в регионах, прилегающих к пространственным границам системы, а также наличием перспективных направлений сбыта китайского экспорта на европейский рынок. Влияние внешней среды на систему реализуется в основном через её воздействие на одну или две державы, которое заставляет их пересматривать свою политику в субрегионе. В это же время влияние внешних факторов на Монголию не обладает потенциалом прямого воздействия на основные параметры системы.

Следующие механизмы и принципы функционирования системы следует считать актуальными и действительными:

1 – Приоритет отношений между державами над получением односторонних выгод в субрегионе.

2 – Наличие нейтральных (не враждебных, но и не союзнических) отношений между державами, политической стабильности обеих держав, отсутствие широкой международной изоляции каждой из держав, внутрорегиональных угроз для любой из них, отвлечённость России и Китая от Мон-

голии в силу вызовов на других направлениях – основные условия максимизации суверенитета Монголии.

3 – Внутриполитическая стабильность в Монголии и её стремление к балансированию между державами путём налаживания ограниченных связей с «третьим соседом» как сопутствующие условия поддержания баланса угроз и интересов двух держав.

4 – Одностороннее изменение статус-кво в регионе Монголией невозможно.

5 – Внерегиональные факторы способны оказывать влияние на состояние трёхсторонней системы взаимоотношений: в частности, наличие глобальных угроз одной или обеим державам, а также поляризация системы международных отношений способны спровоцировать усиление обоюдного давления держав на Монголию.

6 – При наличии факторов, побуждающих одну из держав начать процесс одностороннего укрепления влияния в Монголии (а именно факторов внутрирегиональной угрозы, деградации другой державы или конфликта между ними), степень одностороннего политического нажима будет обратно пропорциональна уровню политической стабильности в Монголии и разрыву в потенциалах двух держав.

Также, по итогам первой главы делается вывод о наличии в рамках системы двух уровней субрегиональных взаимодействий – экзистенциального (отношения в области политики и безопасности) и отраслевого (отраслевое сотрудничество и проекты). Они имеют постоянные паттерны взаимного влияния: развитие и благополучие экзистенциального уровня является ключевым условием, но не гарантией развития отраслевых взаимодействий. При этом стагнация отраслевого уровня не оказывает деструктивного влияния на экзистенциальный уровень. Гипотетическая деградация экзистенциального уровня в первую очередь приводит к сворачиванию взаимодействия стран в гуманитарной сфере, и лишь потом – к прекращению торгово-экономического и транспортно-инфраструктурного взаимодействия.

ГЛАВА 2. Становление и эволюция современной трёхсторонней системы. Основные этапы развития трёхсторонних связей и проявления механизмов системы

2.1. Становление современной модификации трёхсторонней системы (1980е-начало 1990х)

Любая международно-политическая система может сформироваться, либо качественно измениться, исключительно под действием тех или иных процессов на глобальном и региональном уровне международных отношений, а также аналогичных трансформаций во внутренней политике стран – её элементов. Для определения периода образования современной трёхсторонней системы «Россия-Китай-Монголия», а также момента появления предпосылок к её формированию, предполагается необходимым выделить ключевые признаки, которые отличают современную модификацию системы от существовавших до неё вариантов – в частности, рассмотренной в первой главе исторической модели трёхсторонних отношений в 1960-1980е годы. Представляется очевидным то, что ключевыми отличиями данной модели от современной являются существование современной системы в многополярной и полицентричной глобальной среде международных отношений, в наличии дружественных и партнёрских отношений между Россией и Китаем и в наблюдаемом «балансе угроз и интересов» двух держав в субрегионе. При этом все три характерные для современного состояния системы черты начинают проявляться практически одновременно: так, политическое сближение СССР и Китая начинает входить в активную фазу с конца 1980х годов – в это же время глобальный миропорядок начинает стремительно трансформироваться из биполярного в многополярный. Многие эксперты, однако, предполагают, что многополярному миру предшествует однополярный миропорядок, указывая на глобальное военно-политическое доминиро-

вание Соединённых Штатов в 1990е – 2000 е годы²⁰⁴. Тем не менее, в силу специфики изучаемой субрегиональной системы, ограничивающей возможности внерегиональных держав (и даже держав-гегемонов) непосредственно участвовать в субрегиональных процессах, однополярная и американоцентричная характеристика глобальных международных отношений не оказывала на субрегион такое влияние, как предшествовавшая ей биполярная. Таким образом, можно говорить о том, что после распада биполярной системы международных отношений изучаемый субрегион в общем, равно как и Монголия в частности, стал испытывать на себе именно многополярный характер глобальной окружающей среды, заключавшийся в культурно-экономическом влиянии западной цивилизации при наличии несравнимо более влиятельных в рамках субрегиона центров в лице России и Китая. В это же время третья характеристика системы – появление «баланса угроз и интересов» между Россией и Китаем, соответствует ослаблению советского влияния на Монголию в качестве своего сателлита.

Все три процесса, определившие трансформацию субрегиональной международно-политической обстановки в современную субрегиональную систему, безусловно, имеют тесную взаимосвязь: так, ослабление политических амбиций СССР вкупе с внутренним политическим кризисом предопределили как распад биполярной системы международных отношений, так и отказ СССР от прямого политического давления на Монголию, равно как и от соперничества с Китаем. Именно поэтому моментом окончательного формирования всех субрегиональных политических условий, сделавших возможными образование современной субрегиональной системы международных отношений, можно считать рубеж 1980-1990х годов. В силу выявленной «первопричинности» внерегиональных событий и процессов в создании подобных условий в субрегионе представляется необходимым также выдвинуть гипотезу о доминировании внешних факторов в образовании со-

²⁰⁴ Wohlforth W. The Stability of a Unipolar World // International Security. 1999. N 1. P. 5–41.

временной системы международных отношений в треугольнике Россия–Монголия–Китай. Для её подтверждения, равно как и для анализа процесса формирования данной системы, представляется необходимым более подробно проследить эволюцию тех исторических процессов, которые определили облик современных международных отношений в субрегионе.

Процесс политического сближения СССР и КНР, который представляется одной из главных движущих сил трансформации субрегиональной системы, начал оформляться ещё в начале 1980х годов, а его предпосылки становились заметными ещё раньше. Восстановление партнёрских отношений с СССР было актуальным для нового политико-экономического курса Китая конца 1970х годов – в первую очередь из-за взятого им курса на рыночные реформы, реализация которого должна была обеспечиваться новыми торговыми и технологическими партнёрами²⁰⁵. В частности, стратегия «мирного возвышения Китая»²⁰⁶ предусматривала поиск взаимодействий не только с рыночными экономиками Запада, но и с Советским Союзом – второй на момент начала реформ экономикой мира и одним из главных научных центров земного шара. Отдельным аспектом «мирного возвышения» было и сокращение расходов на армию, которая, в силу существовавшей на тот момент советско-китайской вражды, была вынуждена поддерживать постоянную боеготовность на большей части границы КНР – в местах её соприкосновения с СССР, СРВ и МНР одновременно. Свою роль сыграла и нормализация внутривнутриполитической обстановки в Китае после ареста «банды четырёх», спада активности массовых идеологических движений и постепенного отхода от получившего временную актуальность военного фактора в управлении страной.

²⁰⁵ Bachman, D. Differing Visions of China's Post-Mao Economy: The Ideas of Chen Yun, Deng Xiaoping, and Zhao Ziyang // *Far Eastern Survey*, 1986, 26(3), P. 292–321.

²⁰⁶ Бояркина А.В. Внешнеполитическая стратегия Дэн Сяопина в период экономических реформ и открытости (Конец 1970-х – 1990е гг.) // *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. 2023. №1. С. 94.

Первым китайским жестом примирения в адрес СССР стала предложенная в конце 1970х годов Дэн Сяопином формула «Забыть прошлое, взглянуть в будущее»²⁰⁷. Она предполагала постепенное сворачивание советско-китайского противостояния путём прекращения идеологической и пропагандистской кампании и поэтапной демилитаризации приграничных регионов, в рамках которой СССР должен был вывести войска из МНР и Афганистана, произвести отвод стратегических и наступательных вооружений от границы с Китаем, а также отказаться от военной помощи антикитайским силам в Камбодже, в то время как китайская сторона – прекратить антисоветскую пропагандистскую кампанию, отказаться от поддержки антисоветских сил в ряде государств Азии, а также произвести отвод наступательных вооружений от границы с СССР и осуществить сокращение численности вооруженных сил. Безусловно, предложенные Дэн Сяопином взаимные уступки нельзя назвать равноценными – всему виной более сильная в плане международного влияния позиция СССР, который мог предложить больше мер по сближению, нежели КНР. Тем не менее дальнейшее развитие международно-политической обстановки конца 1980х годов покажет, что советско-китайские шаги по сближению окажутся куда более гармоничными и соразмерными, нежели меры, предпринятые СССР и странами Запада в Европе.

Советский Союз также начинает на рубеже 1970-1980х годов демонстрировать первые жесты своей готовности к примирению. В эти годы Генеральный Секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев неоднократно констатировал необходимость пересмотра политики СССР на Дальнем Востоке – в этой связи примечательна произнесённая им речь в Ташкенте в 1982 году, в которой осуждение политики КНР соседствовало с желанием развивать дву-

²⁰⁷ Баясах Ж. БНХАУ-ын гадаад бодлогын хувьсал. Монгол улс ба хөрш орны гадаад бодлого (эмхэтгэл) Улаанбаатар: Академия Наук Монголии, 2015. С. 29.

сторонние связи с этим государством²⁰⁸. Также, предпринимались ограниченные попытки урегулирования территориальных споров между двумя странами в ходе первого с 1964 года официального визита делегации КНР – поездки заместителя министра иностранных дел КНР в Москву в 1979 году²⁰⁹. Тем не менее, эти переговоры нельзя назвать поиском путей к сближению – скорее они были призваны не допустить критического охлаждения или перерастания споров в очередные военные действия.

Несмотря на то, что внутренние поиски путей урегулирования отношений с Китаем начались ещё во время руководства Ю. А. Андропова²¹⁰, полноценный и публичный пересмотр «китайской составляющей» произошёл уже при М. С. Горбачёве, который вместе со своей командой выработал так называемое «новое мышление» во внешней политике, составными частями которого были примирение со странами Запада, демилитаризация и деидеологизация внешней политики СССР, вхождение СССР в глобальное международно-правовое и торгово-экономическое пространство²¹¹. Выступления Горбачёва во Владивостоке (1986)²¹² и Красноярске (1988) уже содержали в себе не только намёки на сближение, но и фактическое одобрение формулы примирения, выдвинутой ранее Дэн Сяопином.

Однако, несмотря на то, что этот процесс имел по большей части двустороннюю характеристику и происходил без явных посредников и третьих активных участников, на советско-китайское сближение несомненно оказали влияние трансформации, произошедшие в отношениях двух держав со странами Запада ещё в 1970е годы. В частности, Соединённые Штаты по-

²⁰⁸ Yang Cheng. Sino-Russian border dynamics in the Soviet and Post-Soviet era: A Chinese perspective / 7th Berlin conference on Asian Security. 2013. P. 9.

²⁰⁹ Ibid.

²¹⁰ Монгольская «перестройка» 1984-1987 годов и ее связь с внешней политикой. Монголия Сейчас. – URL: <http://www.mongolnow.com/mongolskaya-perestrojka-1984-1987-godov-i-ee-svyaz-s-vneshnej-politikoj/> (дата обращения 3.11.2023).

²¹¹ Пологинов М. Ф. «Новое политическое мышление»: возникновение и основные идеи // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. №1. С. 84-90.

²¹² Yang Cheng. Sino-Russian border dynamics in the Soviet and Post-Soviet era: A Chinese perspective. 7th Berlin conference on Asian Security. 2013. P. 10.

спешили воспользоваться обострением советско-китайских противоречий, надеясь сместить вектор военно-политической концентрации СССР на восток, в сторону нового потенциального противника. После ряда внешнеполитических мероприятий Китайской Народной Республики и США, а именно визитов в Пекин Г. Киссинджера²¹³ (1971, 1972), а позже и Президента Р. Никсона²¹⁴ (1972), подписания Шанхайского коммюнике и занятия представителем Народной Республики кресла в Совете Безопасности ООН²¹⁵, КНР окончательно начала получать широкое признание в западном мире и выбираться из дипломатической изоляции, в преодолении которой она с 1949 года надеялась преимущественно на СССР. В этой связи одной из причин обострения советско-китайских отношений стало именно то, что китайские политики называли «ревизионизмом и предательством Советским Союзом идеалов мирового коммунистического движения» – а именно сближение СССР с США в годы президентства Эйзенхауэра при отказе СССР продвигать перед западным миром широкое дипломатическое признание КНР. По итогам китайско-американского сближения 1970х годов эта причина многолетней советско-китайской конфронтации, сыгравшая ключевую роль в деградации отношений между двумя державами, утратила свою актуальность.

Вторым внешним катализатором нормализации отношений между СССР и Китаем стала проводимая Л. Брежневым и Р. Никсоном политика «разрядки», призванная сгладить противоречия между двумя гегемонами биполярного мира. Теперь партнёрство КНР с США, враждебно воспринимаемое в СССР в первой половине 1970х годов, представлялось приемле-

²¹³ Getting To Beijing: Henry Kissinger's Secret 1971 Trip. USC United States-China institute. – URL: <https://china.usc.edu/getting-beijing-henry-kissingers-secret-1971-trip#:~:text=July%209%2C%201970.%20Henry%20Kissinger,noted%2C%20came%20as%20a%20surprise> (дата обращения 12.12.2023).

²¹⁴ Progression of Nixon and Kissinger Opening the Door to China (1970-1973) – History 282 US Diplomatic History. – URL: <https://blogs.dickinson.edu/history/282pinsker/2016/04/27/progression-of-nixon-and-kissinger-opening-the-door-to-china-1970-1973/> (дата обращения 12.12.2023).

²¹⁵ Василькова В. А. Политика КНР в период разрядки международной напряженности: ключевые аспекты // Вестник БГУ. 2020. №3 (45). С. 48.

мым для СССР обстоятельством, а вопрос американо-китайских отношений уже мог подлежать обсуждению с американским руководством.

Таким образом, советско-китайское сближение во многом было предопределено и внешними факторами, а именно переменами в отношениях КНР и СССР с США, а также эрозией политического антагонизма между двумя сторонами биполярного миропорядка.

Роль Монголии как малого государства, а также внерегиональных держав (в особенности США) в самой трансформации субрегиональной системы заключается в содействии её протеканию, а не в определении характера её результатов, и проявлялась в поддержке урегулирования тех субрегиональных аспектов, которые были необходимы для достижения советско-китайского сближения. Так, Монголия предоставила свои дипломатические каналы для возобновления связей между двумя державами-соседями. Для этого в 1984 году были восстановлены официальные контакты между КНР и МНР²¹⁶ – естественно, не без одобрения СССР. На первых этапах советско-китайского сближения, происходившего в условиях отсутствия каких-либо площадок и форматов для переговоров, китайское посольство в Улан-Баторе, равно как и МИД МНР стали важным узлом двусторонних связей и «зондирования почвы» обеими сторонами. То же самое можно сказать и о поездках монгольских политиков в КНР, таких как состоявшийся после долгого перерыва визит министра иностранных дел Монголии Гомбосурэна в Пекин в 1989 году²¹⁷.

Тем не менее, процесс трансформации субрегиональной международной обстановки происходил в непростой обстановке, вызывая опасения у представителей МНР и обнаруживая недостаток доверия между СССР и КНР. Так, руководство МНР в ходе обсуждения перспектив вывода войск СССР со своей территории в 1985-1987х годах неоднократно высказывало

²¹⁶ Яскина Г.С. Монголия и внешний мир. М.: Институт востоковедения РАН, 2002. С. 173.

²¹⁷ Баясах Ж. БНХАУ-ын гадаад бодлогын хувьсал. Монгол улс ба хөрш орны гадаад бодлого (эмхэтгэл) Улаанбаатар: Академия Наук Монголии, 2015. С. 32.

свои опасения о возможной китайской агрессии, которая последует за этим односторонним шагом, отказываясь пересматривать советско-монгольский договор 1966 года²¹⁸ и взятые Советским Союзом в его рамках обязательства в сфере безопасности²¹⁹. Безусловно, позиция Монголии в этой ситуации не могла бы быть существенным препятствием для сокращения военного присутствия СССР в дружественных государствах. Но и градус доверия между СССР и Китаем был ещё далёк до необходимого уровня²²⁰. В памяти оставались заявления китайских политиков и общественных деятелей об «отнятой у Китая в пользу СССР Внешней Монголии»²²¹, пассажи об СССР как о «главном враге Китая». Говоря о внешних факторах сближения, рассмотренных выше, свою роль играло и кратковременное обострение советско-американских отношений в середине 1980х годов, которое оставалось в силе в первые годы руководства СССР М. Горбачёвым.

Однако уже к 1987-1988 году возврат двух полюсов мировой политики к американо-советскому сближению косвенно содействовал преодолению опасений МНР и взаимного недоверия КНР и СССР. Конструктивная поддержка, оказанная процессу трансформации субрегиональной системы американской стороной, прослеживается в налаживании американо-монгольского партнёрства в 1980е годы и установлении дипломатических отношений между двумя государствами в 1987 году²²². В результате, опасения МНР были приняты во внимание и американской стороной, способной

²¹⁸ Цеденбал Ю. Речь на митинге монголо-советской дружбы в Улан-Баторе. 15 января 1966 г. Избранные статьи и речи. М.: Политиздат. 1974 г. С.112.

²¹⁹ Монгольская «перестройка» 1984-1987 годов и ее связь с внешней политикой. Монголия Сейчас. – URL: <http://www.mongolnow.com/mongolskaya-perestrojka-1984-1987-godov-i-ee-svyaz-s-vneshnej-politikoj/> (дата обращения 19.10.2023).

²²⁰ Алтай Д. Горбачёвын «перестройка»: монголын талаархи ЗХУ-ын ашиг сонирхолын өөрчлөлт. Монгол улсын гадаад харилцаа: Туух, орчин Үе. Улаанбаатар: Академия Наук Монголии 2018. С. 307.

²²¹ Яскина Г.С. Монголия и внешний мир. С. 162-163.

²²² Монгол Лус, Америкийн Нэгдсэн Улсын Хоорондын Дипломат Харилцаа тогтоосны 30 жилийн ойн хаалтын арга хэмжээ болов. Гадаад харилцааны яам. – URL: <https://mfa.gov.mn/43551> (дата обращения: 19.12.2023).

на тот момент обеспечить соблюдение гарантий безопасности Монголии Китаем.

Вторым этапом трансформации, последовавшим за налаживанием конструктивного диалога и преодоления взаимного недоверия державами субрегиона, стал период формирования договорной и структурной базы для официальных отношений между тремя странами. События этого этапа происходили в 1989-1994е годы. В его хронологических рамках осуществлялось заключение ключевых международных договоров и соглашений – от Советско-Китайского коммюнике 1989 года²²³, Соглашения между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой о советско-китайской государственной границе на её Восточной части 1991 года²²⁴ и до Российско-Китайского договора 1993 года, подписание соглашений двух держав с Монголией в 1993-1994 годах²²⁵, а также уход просоветской политической элиты и плавный политический транзит в Монголии в 1989-1992 годах наряду с оформлением нейтрального и безъядерного статуса этого государства.

Создание нормативно-правовой базы для сотрудничества держав стало главным событием второго этапа трансформации «треугольника». В 1989 году в совместном коммюнике М. С. Горбачёва и Цзян Цземиня²²⁶ были зафиксированы дальнейшие действия по нормализации отношений двух стран, включая все предложения сторон, прозвучавшие в 1970-1980е годы. В

²²³ Горбачёв М. С. Жизнь и реформы. Москва и Пекин «закрывают прошлое, открывают будущее». – URL: https://www.gorby.ru/gorbachev/zhizn_i_reformy2/page_22/ (дата обращения: 19.12.2023).

²²⁴ Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой о Советско-Китайской государственной границе на ее восточной части (1991) – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901729856> (дата обращения: 19.12.2023).

²²⁵ Грайворонский В. В. Россия и Монголия: 100 лет вместе по пути дружбы и сотрудничества / 100 лет дипломатических отношений между Россией и Монголией: от дружественных отношений к всеобъемлющему стратегическому партнёрству. М.: ИВ РАН. 2022. С. 29.

²²⁶ 中苏联合公报. – URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E8%8B%8F%E8%81%94%E5%90%88%E5%85%AC%E6%8A%A5/3540265> (дата обращения: 18.11.2023).

частности, были проработаны вопросы демилитаризации границы и вывода советских войск из Монголии. Была установлена процедура поэтапного вывода, который растянулся на несколько лет, в то время как отвод вооружений от советско-китайской границы проводился по отдельным участкам, прилегающим с обеих сторон к границе²²⁷. После распада СССР Российская Федерация подписала с КНР новый договор в 1993 году, в котором были подтверждены все гарантии и принципы взаимодействия из советско-китайских договоренностей²²⁸. То же самое произошло и в 2001 году, когда был заключён новый российско-китайский договор, ознаменовавший достижение сторонами практически полного согласования российско-китайской границы и наступление нового этапа сотрудничества между странами²²⁹.

Договорная база вскоре была расширена российско-монгольским и монгольско-китайским договорами 1993 и 1994 годов соответственно²³⁰. Оба документа были заключены в условиях существования новой модификации трёхсторонней системы взаимоотношений: они фиксировали одинаковые условия и принципы сотрудничества между сторонами, свидетельствуя тем самым об установленном балансе интересов между РФ и КНР в приграничном субрегионе²³¹. Так, тексты двух договоров имеют максимально схожую компоновку, совпадающие формулировки, и качественно отличаются лишь в том, что в китайско-монгольском соглашении зафиксирована с указанием конкретных территорий приверженность Монголии territori-

²²⁷ Яскина Г.С. Монголия и внешний мир. С. 36.

²²⁸ Лхамсүрэн Б. Монгол ба ОХУ-ын 1990-ээд оны харилцааг үечлэн авч үзэх нь. Монгол улсын гадаад харилцаа: Түүх, орчин Үе. Улан-Батор, Академия Наук Монголии 2018. С. 66.

²²⁹ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. – URL: <https://www.mid.ru/upload/medialibrary/eba/Договор%20о%20добрососедстве.pdf> (дата обращения: 18.11.2023).

²³⁰ Алтанцэцэг Н. Китайско-монгольские отношения в рамках всеобъемлющего стратегического сотрудничества: желания и реальность // Общество и государство в Китае. 2018. №1. С. 358.

²³¹ Лхамсүрэн Б. Монгол ба ОХУ-ын 1990-ээд оны харилцааг үечлэн авч үзэх нь. С. 70.

альной целостности «Единого Китая»²³², а также отсутствием определения механизмов урегулирования споров в рамках монгольско-китайских отношений²³³.

Специфическая субрегиональная международно-политическая среда, в которой уже начали прослеживаться действия механизмов субрегиональной системы, во многом определила характер политических преобразований в Монголии. Новая международно-политическая реальность, заключавшаяся в наличии активно занятых двусторонним сближением держав, отказавшихся от политического соперничества за расположенное между ними малое государство и не имеющих общих соперников на глобальной политической арене, требовала значительных преобразований государственной системы управления в Монголии, которая до этого была всецело завязана на «советский сателлитизм». МНРП, правящая партия МНР, заявила о роспуске Политбюро в полном составе²³⁴, удовлетворив требования Демократического Союза об организации парламентских выборов²³⁵, равно как и разработки новой Конституции страны²³⁶, принятой в 1992 году²³⁷. В результате, была установлена смешанная республика со значительными полномочиями парламента²³⁸. Подобная политическая конструкция, ориентированная на консенсус разнородных политических и экономических элит²³⁹, в наибольшей степени обеспечивает нейтральность и равноудалённость Монголии от

²³² Алтанцэцэг Н. Китайско-монгольские отношения в рамках всеобъемлющего стратегического сотрудничества: желания и реальность // Общество и государство в Китае. 2018. №1. С. 360.

²³³ Лузянин С. Г. Россия-Монголия-Китай: исторические и современные трансформации. Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2021. № 5. С. 145.

²³⁴ Гольман М. И. По пути демократических реформ. Избранные статьи и доклады. Улан-Батор, 2014. Улан-Батор: Издательство «Соёмбо принтинг». С. 231.

²³⁵ Mongolia in Transition. By Ole Brunn Ole Odgaard. Richmond, 1966. P. 22.

²³⁶ Монгол Ардын Намын туухэн цаг хугацааны товчоон. Улаанбаатар, 2021. 531 х. Х. 341.

²³⁷ Монгол Улсын Үндсэн Хууль (1992). – URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/367> (дата обращения: 18.11.2023).

²³⁸ Гольман М. И. По пути демократических реформ. Избранные статьи и доклады. Улан-Батор, 2014. Издательство «Соёмбо принтинг». С. 234.

²³⁹ Mongolia in Transition. By Ole Brunn Ole Odgaard. Richmond, 1966. P. 52.

двух держав²⁴⁰, что положительно сказывается на региональной обстановке в рамках современной трёхсторонней системы взаимоотношений. Процесс демократического транзита, при этом, прошёл без конфликтов и ожесточённых столкновений, равно как и без образования «политического вакуума», что оказало значительное содействие оформлению благоприятных условий развития отношений между тремя странами в субрегионе. Несмотря на то, что подобный исход внутривнутриполитической трансформации Монголии был во многом определён новыми тенденциями субрегиональной обстановки, обилие этно-религиозных, политико-идеологических, социально-психологических и личностных факторов могли бы сделать процесс менее гладким, потребовав вмешательства в него обеих держав, которое непременно подняло бы много новых нежелательных вопросов в их двусторонних отношениях, внеся в процесс сближения значительные затруднения.

Значимым атрибутом новой системы субрегиональных отношений стало и наличие у Монголии зафиксированного в ООН нейтрального²⁴¹ и безъядерного статуса, о котором страна в одностороннем порядке сообщила в 1992 году²⁴². В соответствии с данным заявлением, Монголия становилась государством, обязующимся не размещать на своей территории иностранных военных баз и ядерного оружия²⁴³, не вступать в блоки военной направленности²⁴⁴, а также не предоставлять свою территорию для их тран-

²⁴⁰ Severin T. In Search of Chinghis Khan. London, 1991, P. 126.

²⁴¹ Монголия стремится стать «Азиатской Швейцарией». – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mongoliya-stremitsya-stat-aziatskoy-shveytsariy/?sphrase_id=73250193 (дата обращения: 30.10.2023).

²⁴² Монгол Улсын цөмийн зэвсгээс ангид статусын 25 жилийн ойн хүрээнд илгээлт солилцов. Гадаад харилцааны яам. – URL: <https://mfa.gov.mn/41948> (дата обращения: 30.10.2023).

²⁴³ Bayasakh J. Mongolian foreign policy from the 1st to the 2nd foreign policy. Ulaanbaatar: MAS, 2015. P. 16.

²⁴⁴ Балдоо Б. Монгол улс, Зуун хойт Ази: улс төр-аюулгүй байдал, эдийн засаг, соёлын хамтын ажиллагаа. Монгол улсын гадаад харилцаа: Түүх, орчин Үе. Улан-Батор: Академия Наук Монголии. 2018. С.13.

зита в третьи государства²⁴⁵. Подобная особенность международно-политического статуса Монголии ограничивает возможности военного усиления одной из держав в регионе, так как любой ввод войск или наступательных средств на территорию страны будет встречен протестом не только «противолежащей» державы, но и международного сообщества в целом²⁴⁶. Помимо этого, страна впервые зафиксировала свой отказ от содействия военно-политическим шагам потенциальных соперников России или Китая, который потом будет отражён и в двусторонних соглашениях с двумя соседями. Данной мерой Монголия в первую очередь обеспечивала свою собственную безопасность, но при этом её можно считать и средством укрепления «баланса сил» и «баланса интересов» между двумя державами субрегиона, равно как и отражением новых принципов функционирования субрегиональной системы.

На основе анализа двух последних подпроцессов данного этапа формирования современной субрегиональной системы следует отметить вспомогательный характер роли Монголии. Однако содействие объективным трансформациям в субрегионе, оказанное этой страной, не только обернулось для неё политической и экономической выгодой, но и во многом сделало процесс становления новой системы максимально гладким и скоротечным. Характеризуя содействие Монголии обеспечению благоприятной обстановки в субрегионе и развитию качественно новой субрегиональной системы международных отношений, можно использовать слова известного отечественного учёного-международника А.Г.Арбатова: «монгольский суверенитет и нейтралитет – это значительный фактор для безопасности в Азии для России»²⁴⁷

²⁴⁵ Mongolia-Neutrality. Permanent Mission of Mongolia to the United Nations. – URL: <https://www.un.int/mongolia/news/mongolia-neutrality> (дата обращения: 30.10.2023).

²⁴⁶ Examining the nuclear weapon-free zone and international relations through theoretical lenses. Mongolian Geopolitics. P. 296.

2.2. Приоритет внутрисистемных факторов образования системы над внешними

Комплексное рассмотрение процесса формирования современной субрегиональной системы международных отношений обнаруживает его вовлеченность в прямую причинно-следственную связь с процессом советско-китайского сближения. Факт сближения двух держав, элементов современной системы, в качестве главного импульса к её трансформации предполагает получение вывода о перевесе внутри системных факторов над внешними в её преобразовании. Тем не менее, в самом советско-китайском сближении, как это было прослежено в проведённом выше анализе, значимую роль сыграли внешние факторы, а на активную стадию процесс образования современной субрегиональной системы вышел только в конце 1980х годов – в условиях очевидного сворачивания биполярной системы глобальных международных отношений и отказа от американо-советского антагонизма. В таком случае, представляется необходимым уяснить, какого типа факторы – внутрисистемные или внесистемные, напрямую спровоцировали трансформацию субрегиональных взаимоотношений в современную трёхстороннюю систему. Для решения этой задачи необходимо, путём проведения исторической аналогии и временного сравнения, ответить на следующий вопрос: «Произошла бы трансформация системы, аналогичная процессу рубежа 1980-1990х годов, если бы советско-китайское сближение не сопровождалось крахом биполярной системы международных отношений?»

Ограниченные возможности влияния внешних факторов на систему, установленные в первой главе исследования, предполагают возможность такой ситуации в субрегионе, при которой СССР ослабил бы своё влияние на Монголию при нормализации отношений с КНР без ликвидации биполярной системы международных отношений и самого СССР как одного из её полюсов. Гарантии нераспространения чрезмерного китайского влияния на Монголию, наряду с затруднённым военно-политическим доступом Соединён-

ных Штатов к субрегиону, могли бы позволить СССР ослабить уровень контроля происходящих в Монголии процессов, вывести из неё войска и даже осуществить достаточные политические реформы – в отличие от боязни аналогичных процессов в Восточной Европе²⁴⁸, которая была советской частью потенциально ключевого фронта военно-политической конфронтации с НАТО, в Монголии подобные опасения не могли бы быть в такой же мере оправданными.

Вторым аргументом, определяющим первичность «междудержавного» фактора над глобальным, является то, что аналогичную по большинству признаков современной ситуацию в субрегионе уже можно было наблюдать в 1949-1960 годах, когда союзнические отношения между СССР и КНР не создавали необходимости укрепления советского влияния в Монголии, тем самым открывая для страны, пусть и ограниченные, возможности расширения связей с внерегиональными центрами силы, в том числе с Японией, США, Великобританией, Канадой и другими далеко не дружественными по отношению к СССР странами. Безусловно, при этом важно учитывать то, что ослабление внешнеполитического давления было неполным – в отличие от событий рубежа 1980-1990х годов. Однако и перспективное сближение СССР и КНР в 1980е годы отличается от такового в 1950е – стороны уже не видели себя в качестве союзников, воспринимая друг друга скорее в качестве партнёров. Помимо этого, в данную эпоху между двумя державами субрегиона уже не могла бы сформироваться общая (и, тем более, общая анти-американская) позиция на международной арене, которая могла бы привести к усилению обоюдного давления держав на Монголию.

Таким образом, представляется очевидным то, что ключевым фактором, содействовавшим образованию современной субрегиональной системы международных отношений в том виде, в каком она существует, является

²⁴⁸ 1968 год. «Пражская весна»: 50 лет спустя. Очерки истории / Отв. ред. Т.В. Волокитина. –

М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. – 368 с.

именно сближение России и Китая на партнёрских, но не союзнических, началах²⁴⁹, а не падение советского полюса биполярной системы международных отношений. При этом, однако, открытым остаётся вопрос о происхождении и характере предпосылок советско-китайского сближения, которые, в свою очередь, также можно считать прямыми предпосылками к становлению современной модификации субрегиональной системы. Тем не менее, установление «первопричинности» советско-китайского сближения в роли непосредственного возбудителя трансформации субрегиональных международных отношений на рубеже 1980-1990х годов позволяет сделать следующий вывод: Формирование современного облика системы международных отношений в субрегионе происходило под влиянием трансформации общего, экстерриториального характера отношений двух держав – элементов системы, на который, в свою очередь, оказывали влияние и внешние факторы.

2.3. Периодизация становления и развития современной трёхсторонней системы

На основании сделанных в первом параграфе данной главы выводов представляется возможным выделить предварительный этап образования современной субрегиональной системы по нескольким признакам. В случае учёта всех эволюционных фаз тех процессов, определивших её ключевые характеристики, допустимо считать начало 1980х годов исходным пунктом предварительного этапа становления современной субрегиональной системы. Если же вести отчёт предварительного этапа от формирования всех основных движущих сил процесса трансформации системы, то более приемлемым представляется вариант ведения отсчета от 1991 года.

²⁴⁹ Чуньюе Л., Дацышен В.Г. Россия и Китай в 1990-е годы: от «дружественных стран» через «конструктивное партнерство» к «стратегическому партнерству» // Современная научная мысль. 2019. №1. С. 154.

В свою очередь, вариативность интерпретаций имеется и у поздней границы предварительного этапа – если рассматривать в качестве момента его логического завершения фактическое оформление системы, отражённое в реальных взаимодействиях сторон, то наиболее корректно определять 1994 год в качестве границы между предварительным и последующим этапом, так как именно к этому году уже вступившие в силу принципы и механизмы системы стали активно себя проявлять – как в максимально симметричных друг другу основополагающих договорах держав с Монголией, так и в хронологически совпадающих последовательностях визитов высокопоставленных представителей трёх стран. При этом, если окончанием предварительного этапа образования системы считать первое явственное проявление изменившихся принципов взаимоотношений между тремя странами, то в качестве границы может выступать и хронологический рубеж в виде демократической революции в Монголии 1990 года.

Касательно более поздних исторических этапов, отражающих уже развитие, а не образование системы, предполагается уместным использование следующей модели периодизации:

– Система Россия-Монголия-Китай до 2014 года: этап «неосознанной системности» и пассивных взаимодействий.

– Система Россия-Монголия-Китай после 2014 года: этап «осознанной институционализированной системности» и активизации взаимодействий.

Основания для выбора подобной конфигурации периодизации развития субрегиональной системы будут рассмотрены в ходе изложения ключевых характеристик двух этапов в последующих двух параграфах данной главы.

2.4. Система Россия-Монголия-Китай в 1994-2013 годы

Подэтап пассивного функционирования системы (1994-2000). Несмотря на успешную реализацию советско-китайского, а позже и российско-

китайского, сближения в 1980-начале 1990х годов и формирования в субрегионе такой системы международных отношений, которая в наибольшей степени способствовала конструктивному взаимодействию трёх стран, объём политических и экономических взаимодействий, а также проектов и инициатив в субрегионе долгое время не претерпевал значительного изменения²⁵⁰. Дело в том, что на данном этапе российско-китайское сближение и благополучие международной обстановки в изучаемом субрегионе интересовало державы не в качестве средства активного наращивания сотрудничества по всем направлениям двусторонних отношений, а скорее как пассивный фактор обеспечения их собственной стабильности и безопасности, позволяющий им сконцентрировать высвободившиеся военно-политические и экономические ресурсы на более перспективных направлениях. Для России образца 1990х годов такими приоритетными направлениями для приложения военно-политических усилий можно считать мероприятия по обеспечению конституционного порядка и территориальной целостности в самой стране, а также содействие достижению мира в примыкающем к её границам постсоветском пространстве. В это же время основным интересом во внешней политике и торговле России, в соответствии с первой Концепцией внешней политики страны, стали государства Европы и Соединённые Штаты²⁵¹. Китай в то время ещё отставал от РФ по большинству макроэкономических показателей и не представлял для неё такого интереса. А в силу того, что субрегиональная система Россия-Монголия-Китай не могла никаким образом помочь России в обеспечении её военно-политических и торгово-экономических приоритетов, мероприятия по раз-

²⁵⁰ Очирмаа О. Основные тенденции в торгово-экономическом сотрудничестве России, Монголии и Китая // Финансы и кредит. 2009. №4 (340). С. 67.

²⁵¹ Концепция внешней политики Российской Федерации, 1993 г. – URL: <https://historylaw.ru/?p=3666> (дата обращения: 12.10.2023).

виту связей и проектов в субрегионе, равно как и двусторонние контакты с Монголией и Китаем, к середине 1990х годов оказались в фазе стагнации²⁵².

Китай в 1990е годы, в свою очередь, вёл достаточно осторожную и ограниченную внешнюю политику, стремясь максимизировать выгоды, получаемые им от торгово-экономического и технологического партнёрства с США и другими развитыми капиталистическими странами. Председатель КНР Цзян Цземин во внешней политике следовал логике завещания Дэн Сяопина «Наблюдать хладнокровно, реагировать сдержанно, стоять твердо, скрывать свои возможности и дожидаться своего часа, никогда не брать на себя лидерство и быть готовыми кое-что совершить», и лишь в 1997 году объявил об усилении позиций КНР на международной арене и необходимости ключевых мировых держав считаться с ней, открыто выразив неудовлетворённость Китая нынешним однополярным миропорядком²⁵³. До этого момента Китай также не мог извлечь для своих внешнеполитических целей никаких выгод из расширения взаимодействий с Россией и Монголией – как и общих, так и заключённых в рамки субрегиональной системы.

Тем не менее, уже в конце 1990х годов в отношениях трёх стран начинают появляться сигналы к активизации контактов. В конце 1990х годов Россией впервые с рубежа 1980-1990х годов возобновляется практика министерских визитов в Монголию – страну посетили два министра иностранных дел (1996 и 1999), а также министр по чрезвычайным ситуациям (1996)²⁵⁴.

Подэтап активизации двусторонних политических взаимодействий (2000-2013). В 2000-2013 гг. ситуация в субрегиональных процессах претерпевает изменения – при сохранении пассивности сторон в выдвижении но-

²⁵² Батунаев Э. В. Российско-монгольские отношения: от спада до всеобъемлющего стратегического партнёрства. 100 лет дипломатических отношений между Россией и Монголией: от дружественных отношений к всеобъемлющему стратегическому партнёрству. Москва: ИВ РАН. 2022. С. 95.

²⁵³ Помозова Н.Б. «Сообщество единой судьбы»: эволюция внешнеполитической концепции Китая (конец 1990-х гг. - наст. Вр.) // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2019. №2. С. 80.

²⁵⁴ Родионов В. А. «Меж трёх соседей» - внешние факторы политического процесса в постсоциалистической Монголии. Улан-Удэ: Издательство БГУ. 2018. С. 49.

вых субрегиональных инициатив, происходит развитие системы через укрепление двусторонних связей по линии политического взаимодействия. Иными словами, трёхсторонняя система в эти годы переживала фазу «неосознанного развития», при которой трёхсторонний характер системы не получил своего развития в трёхсторонних проектах и форматах, хотя и оказывал влияние на происходившие в двусторонних отношениях процессы. Другой характерной чертой этого этапа можно считать используемую в описании российско-китайских отношений того времени формулу «тепло в политике, холодно в экономике»²⁵⁵.

Прежде всего, начало нового тысячелетия ознаменовалось началом реализации активного международно-политического курса Россией и Китаем. Так как общий посыл двух держав заключался в неприемлемости однополярного миропорядка²⁵⁶, постепенно активные международно-политические действия и инициативы России и Китая находили всё больше общих точек соприкосновения²⁵⁷. Это мотивировало стороны развивать двусторонние отношения более интенсивно, а также уделять больше внимания и Монголии.

Началом активизации связей между Монголией и державами можно считать визиты Председателя КНР в Монголию, состоявшийся в 1999 году²⁵⁸ и Президента РФ В.В. Путина в Улан-Батор 2000 года, который, к слову, стал первым визитом главы российского государства в Монголию за

²⁵⁵ Лузянин С. Г. Российско-китайский диалог: модель 2015. Москва, Российский совет по международным делам (РСМД). №18, 2015. С. 24.

²⁵⁶ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 30.11.2023).

²⁵⁷ Чуньёе Л., Дацышен В.Г. Россия и Китай в 1990-е годы: от "дружественных стран" через "конструктивное партнерство" к "стратегическому партнерству" // Современная научная мысль. 2019. №1. С. 163.

²⁵⁸ Монгол Улс, БНХАУ-ын харилцааны лавлах. Гадаад Харилцааны Яам. – URL: <https://mfa.gov.mn/28018> (дата обращения: 30.11.2023).

целых 26 лет²⁵⁹. По итогам последнего был составлен двусторонний документ, определяющий основные направления сотрудничества стран в обозримом будущем, получивший название «Улан-Баторская декларация»²⁶⁰. В этом же году в Монголию с официальным визитом приезжал министр иностранных дел КНР, предлагавший стране вступление в ШОС, которая могла бы стать основной площадкой интенсификации монголо-китайского партнёрства²⁶¹. Вскоре после этого, в 2003 году Монголию посетил и Председатель КНР²⁶².

Определение характера двусторонних связей Монголии с державами на этом этапе также стало претерпевать динамичные качественные изменения. В 2009 году Россия и Монголия подписали декларацию о развитии всеобъемлющего стратегического партнёрства²⁶³. В 2003 году Монголия и КНР подписали декларацию о добрососедстве, взаимопонимании и партнёрстве²⁶⁴, в 2011 году – соглашение «О стратегическом партнёрстве между Монголией и КНР», а в 2013 году – «Среднесрочную и долгосрочную программу стратегического партнёрства».

Существенно расширились и торгово-экономические связи. Значительно вырос трёхсторонний товарооборот: России и Монголии – почти в

²⁵⁹ Родионов В. А. «Меж трёх соседей» - внешние факторы политического процесса в постсоциалистической Монголии. Улан-Удэ, Издательство БГУ. 2018. С. 49.

²⁶⁰ Батунаев Э. В. Российско-монгольские отношения: от спада до всеобъемлющего стратегического партнёрства. 100 лет дипломатических отношений между Россией и Монголией: от дружественных отношений к всеобъемлющему стратегическому партнёрству. М.: ИВ РАН. 2022. С. 97.

²⁶¹ Орос, Хятад хоерын дундах монгол орон буюу Монгол Улс өв уламжлалаа хадгалан хамгаалах зайлшгүй шаардлагатай болох нь (1990-2005 оны хооронд монгол судлаачийн хийсэн ажиглалт) – URL: <http://www.baabar.mn/article/oros-khyatad-khoyoriin-dundakh-mongol-oron-buyuu-mongol-uls-uw-ulamjlalaa-khadgalan-khamgaalakh-zailshgui-shaardlagatai-bolokh-ni-1990-2005-onii-khoorond-mongol-sudlaachiin-khiisen-ajiglalt> (дата обращения: 30.11.2023).

²⁶³ Российско-Монгольская декларация о развитии стратегического партнёрства. 2009 год.

четыре раза ²⁶⁵ (2005-2014), Монголии и Китая – в семь раз ²⁶⁶, а товарооборот между Россией и Китаем к 2012 году достиг отметки в 90 миллиардов долларов ²⁶⁷.

Таким образом, в двусторонних отношениях держав с Монголией впервые было определено стремление выстраивать политическое партнёрство в рамках регулярных переговорных форматов, прописаны приоритеты в поддержании региональной безопасности, а также намечены основные направления двустороннего отраслевого сотрудничества.

Вместе с тем, хотя двусторонние контакты между всеми тремя странами системы активно развивались в экономической и политической сфере, восприятие её участниками реалий «треугольника» на данный момент почти полностью отсутствовало.

2.5. Система Россия-Монголия-Китай в 2014-2024 годы

Отражение трёхстороннего характера системы в обслуживающих субрегиональные политические взаимодействия институтах и переговорных форматах начало активно проявляться в 2014 году, который определяется в рамках данного исследования как год значимых перемен в характере практического сотрудничества России, Монголии и Китая – как в глобальном, так и в субрегиональном контекстах. Такой вывод был получен в результате анализа целого комплекса глобальных и двусторонних процессов, происходивших или начавшихся в 2013-2014 годы.

²⁶⁵ Данные о динамике роста товарооборота России и Монголии. – URL: https://1212.mn/mn/statistic/statcate/573062/table-view/DT_NSO_1400_010V3 (дата обращения 18.05.2023)

²⁶⁶ Данные о росте товарооборота Китая и Монголии. – URL: https://1212.mn/mn/statistic/statcate/573062/table-view/DT_NSO_1400_006V3 (дата обращения 18.05.2023)

²⁶⁷ Лузянин С. Г. Российско-китайский диалог: модель 2015. Москва, Российский совет по международным делам (РСМД). №18, 2015. С. 13.

Первой стадией данного анализа стало непосредственное наблюдение за признаками выхода субрегиональных взаимодействий на качественно новый уровень, которое привело к выявлению целого ряда свидетельств того, что с 2014 года в истории развития трёхсторонней системы наступила принципиально новая эпоха.

Во-первых, в 2014 году с разницей всего в одну неделю произошли первые за длительный промежуток времени визиты глав РФ и КНР в Монголию²⁶⁸. Для Председателя КНР Си Цзиньпина это была вторая зарубежная поездка с момента назначения и первый визит главы КНР в Монголию за долгие 11 лет²⁶⁹. Для России – первый визит главы государства в Монголию за 5 лет (последний состоялся в 2009 году²⁷⁰). В ходе визита Си в Монголию стороны подписали декларацию о развитии отношений Всеобъемлющего стратегического партнёрства²⁷¹, определившую приоритетность развития двусторонних связей во внешней политике двух стран. В том же 2014 году в Шанхае проводится саммит Россия – Китай, который обозначил актуальность таких внешнеполитических концепций двух держав, как «Поворот на Восток» и «Опора на Север» соответственно²⁷². Также, именно в 2014 году объем перевозок через пограничные переходы в сообщении РФ с КНР за год увеличился по сравнению с 2013 г. на 8%, преодолев рубеж в 30 миллионов тонн²⁷³.

²⁶⁸ Bayasakh J. Analysis on the two neighbors presidents visit to Mongolia. Collection of Scientific works written in English by scholars of the IIA. Mongolian Academy of Sciences, Institute of International Affairs. 2015. P.152.

²⁷⁰ Монголия приняла Дмитрия Медведева на уран. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1226123> (дата обращения 9.05.2023).

²⁷¹ Иж бүрэн стратегийн түншлэлийн харилцаа хөгжүүлэх тухай хамтарсан тунхаглал. – URL: <https://ikon.mn/n/9oe> (дата обращения 9.05.2023).

²⁷² Лузянин С. Г. Российско-китайский диалог: модель 2015. Москва, Российский совет по международным делам (РСМД). №18, 2015. С. 6.

²⁷³ Лузянин С. Г. Российско-китайский диалог: модель 2015. Москва, Российский совет по международным делам (РСМД). №18, 2015. С. 16.

В этом же году состоялась и первая трёхсторонняя встреча глав России, Монголии и Китая на полях саммита ШОС²⁷⁴. Стоит отметить, что первоначально стороны рассматривали вариант проведения регулярных встреч в Улан-Баторе, в рамках так называемого «Улан-Баторского диалога по безопасности в Северо-Восточной Азии», реализацию которого активно продвигал на тот момент президент Монголии Цахиагийн Элбэгдорж²⁷⁵. Тем не менее, конечным вариантом трёхстороннего саммита в итоге стали встречи именно на полях саммита ШОС, что может говорить о резко возросшей заинтересованности России и Китая в привлечении Монголии к деятельности организации уже на правах её полноценного члена²⁷⁶. Трёхсторонние встречи на высшем уровне, проведённые в 2014, 2015 и 2016 годах, являвшиеся лишь самой высокой по статусу, но далеко не единственной площадкой комплексных межправительственных консультаций, привели к подписанию лидерами России, Монголии и Китая сначала долгосрочной карты развития сотрудничества между тремя странами на среднесрочную перспективу, а потом и программы создания «Экономического коридора Россия-Монголия-Китай», выдвинутой в 2015 и подписанной в 2016 году²⁷⁷. С этого времени подавляющее большинство экономических и транспортно-инфраструктурных проектов РФ и КНР в Монголии или с её участием стали оформляться в юридических документах как «сотрудничество в рамках реализации Экономического коридора»²⁷⁸, а Россия и Китай постепенно стали рассматривать свои отношения с Монголией исключительно в контексте

²⁷⁴ Переговоры с Председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом Монголии Цахиагийн Элбэгдоржем (2014). – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/46599> (дата обращения 3.05.2023).

²⁷⁵ Треугольник Россия-Монголия-Китай. – URL: <http://ru.journal-neo.org//10/27/rus-treugol-nik-rossiya-mongoliya-kitaj> (дата обращения 7.04.2023).

²⁷⁶ Треугольник Россия-Монголия-Китай. – URL: <http://ru.journal-neo.org//10/27/rus-treugol-nik-rossiya-mongoliya-kitaj> (дата обращения 7.04.2023).

²⁷⁷ Программа создания экономического коридора «Россия-Монголия-Китай».

²⁷⁸ Грайворонский В.В. Китайский мега-проект «Экономический пояс Шелкового пути»: место и роль Монголии // Восточная аналитика. 2018. №3. С. 54.

трёхстороннего сотрудничества²⁷⁹. В связи с этим примечательно следующее документальное изменение: в отличие от Концепции внешней политики России 2016 года, где Монголия была указана в контексте «намерения России укреплять с ней традиционно дружественные отношения» (п.87)²⁸⁰, в новой Концепции 2023 года Монголия фигурирует исключительно в контексте «развития экономического коридора Россия-Монголия-Китай» в статье, посвящённой сотрудничеству с КНР и модернизации БАМ и Транссиба (п.54.3)²⁸¹. В китайских внешнеполитических документах Монголия также стала упоминаться сугубо в контексте интеграционных и транспортно-инфраструктурных проектов КНР. Упоминания Монголии в качестве участницы первого коридора «Пояса и Пути» прослеживаются в документах «Прекрасные перспективы и практические действия по созданию ЭПШП и МШП 21 века» (2017)²⁸² и «Инициатива совместного строительства Одного пояса, одного пути: прогресс, вклад и перспективы – 2019»²⁸³. Таким образом, анализ непосредственных признаков качественных перемен в трёх сторонних отношениях приводит к выводу о том, что системный характер региональных международных отношений, рассмотренный в деталях в первой главе исследования, в 2014-2016 годы был отражён и в национальных, и в международных документах трёх стран, а также в характере взаимных визитов, встреч и новых переговорных площадок трёхстороннего сотрудничества.

Такой резкий и принципиальный сдвиг, произошедший в 2014 году и оформивший долгосрочную тенденцию укрепления «осознанной системности», был спровоцирован серией хронологически пересекающихся процес-

²⁷⁹ Инициатива совместного строительства Одного пояса, одного пути: прогресс, вклад и перспективы – 2019. Доклад.

²⁸⁰ Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 года.

²⁸¹ Концепция внешней политики Российской Федерации 2023 года.

²⁸² Прекрасные перспективы и практические действия по созданию ЭПШП и МШП 21 века. Доклад.

²⁸³ Инициатива совместного строительства Одного пояса, одного пути: прогресс, вклад и перспективы – 2019. Доклад.

сов и обстоятельств, имеющих отношение как к внешней и внутренней политике трёх стран, так и к происходящим на глобальном уровне международных отношений процессам. Примечательно, что на этот раз, в отличие от процесса образования современной субрегиональной системы, перемены в интенсивности и характере субрегиональных связей были вызваны преимущественно международными факторами, весьма отдалёнными от плоскости непосредственных взаимодействий трёх стран. К их числу можно относить следующие предпосылки:

– *Стремление КНР обеспечить себе сухопутные маршруты для экспорта товаров на крупнейшие мировые рынки*²⁸⁴, которое было обусловлено потребностями растущей китайской экономики, угрозами безопасности китайским морским коммуникациям²⁸⁵, а также революцией в области железнодорожного транспорта, удешевившей стоимость транспортировки товаров по железным дорогам путём внедрения практики «контейнерных перевозок»²⁸⁶. Это стремление было оформлено новым лидером КНР Си Цзиньпином в концепцию «Нового Шелкового пути»²⁸⁷, в которой значительная роль была отведена России и Монголии. Геополитические реалии 2010х годов, в свою очередь, создали такую ситуацию, при которой на фоне политической нестабильности в Пакистане, Афганистане, Мьянме, а также в Закавказье КНР было выгодно в приоритетном порядке развивать те коридоры, которые проходят через Россию и Монголию.

– *Принятие странами Запада антироссийских санкций в 2014 году*, заставивших Россию активизировать усилия по расширению торго-

²⁸⁴ Zheng, W. Path Choice of China-Mongolia-Russia economic corridor based on “Belt and Road” initiative. // J. Beijing Technol. Bus. Univ. (Soc. Sci.) 2016, №31, P. 40.

²⁸⁵ The United States Is Deeply Invested in the South China Sea. – URL: <https://foreignpolicy.com/2022/08/14/the-united-states-is-deeply-invested-in-the-south-china-sea/> (дата обращения: 10.10.2023).

²⁸⁶ Панасенко Н. Н., Яковлев П. В. Контейнеризация международной транспортной системы // Вестник АГТУ. Серия: Морская техника и технология. 2016. №4. С. 105.

²⁸⁷ The Belt and Road Portal. – URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/0T4ND13J.html> (дата обращения: 10.10.2023).

экономического сотрудничества со странами Востока²⁸⁸: с Китаем в качестве крупнейшего рынка углеводородов и первой промышленной державы мира²⁸⁹, а также с Монголией в качестве «ворот» на такой перспективный и значимый рынок.

– *Выдвижение рядом мировых лидеров идей «мегарегионализма» и «интеграции интеграций»*, предполагающих сопряжение различных торгово-экономических объединений²⁹⁰ и усиление связей между разными регионами²⁹¹, в рамках которых Монголия, как и предложенный ею проект «Степного пути»²⁹², оказалась связующим звеном между российской инициативой ЕАЭС, вступившей в силу с 2015 года, и китайской ЭПШП, выдвинутой в 2013 году²⁹³. В этом же контексте представляется уместным упомянуть и идею «Большого Евразийского Партнёрства», реализация которого увязана с сопряжением этих двух проектов²⁹⁴. Также, в рамках этой же мега региональной парадигмы РФ и КНР стали более активно привлекать Монголию к деятельности в рамках ШОС, когда география и гетерогенность организации должна была серьёзно расшириться с присоединением к ней Индии и Пакистана²⁹⁵.

²⁸⁸ Кузьмин Ю.В., Козырская И.Е. Россия – Монголия – Китай: сотрудничество, вызовы, противоречия. Иркутск : Изд-во Репроцентр+, 2023. С. 21.

²⁸⁹ Wen, K.; Zhang, X.M. Analysis of «China, Mongolia and Russia economic corridor»'s trade potential // J. Ind. Technol. Econ. 2017, №36, P.111.

²⁹⁰ Суходолов А.П., Кузьмин Ю.В., Суходолов Я.А. Структура и динамика торгово-экономического сотрудничества в треугольнике Россия-Монголия-Китай // Московский экономический журнал. 2021. №8. С. 249.

²⁹¹ Концепция Внешней Политики Российской Федерации 2023 года. Статья 49.5.

²⁹² Шивэй Д. Монгол улсын «Талын зам» ба «Хятад-Монгол-Орос гурван улсын эдийн засгийн коридор». Олон Улс Судлал. 2022. Vol. 45. № 114. Х. 67.

²⁹³ Программа создания экономического коридора «Россия-Монголия-Китай». Стр. 1.

²⁹⁴ Встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом Монголии Халтмагийн Баттулгай (2019). – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60753> (дата обращения 4.05.2023).

²⁹⁵ Вступление Индии и Пакистана в ШОС. – URL: http://www.infoshos.ru/media/magazines/20171/101_new.pdf (дата обращения 14.10.2023).

Первые три фактора оказали влияние на активизацию субрегиональных взаимодействий трёх стран, вызвав перемены во внешней политике России и Китая – двух держав в рамках системы. В 2014 году эти перемены прошли путь от активизации двусторонних отношений²⁹⁶ до формирования трёхстороннего пространства для диалога и партнёрства, тем самым распространив своё влияние на субрегиональную систему международных отношений.

Однако, имелись и внутрирегиональные причины подобного развития событий:

– *Рост активности внерегиональных акторов в Монголии, наряду с ростом противоречий в отношениях Китая с США и обострения отношений России и Запада*²⁹⁷, мог заставить лидеров двух держав обратить внимание на проблему сохранения ключевых позиций в монгольской экономике и внешней политике.

– *Повышенное внимание, уделяемое китайскими властями развитию северных и западных районов страны* на фоне исчерпания основных ресурсов экономического развития восточных регионов и необходимости сгладить этнические противоречия в этих регионах за счёт повышения уровня их экономического благополучия, что подтолкнуло КНР к развитию приграничного сотрудничества АРВМ, СУАР, провинций Хэйлуцзян и Цзилинь к взаимодействию с регионами России и Монголии²⁹⁸. Подобный сдвиг прослеживается в программах экономического развития этих регионов, а также

²⁹⁶ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. 20 мая 2014 г. – URL: http://www.news.kremlin.ru/ref_notes/1642 (дата обращения 4.05.2023).

²⁹⁷ Лузянин С. Г. Российско-китайский диалог: модель 2015. Москва, Российский совет по международным делам (РСМД). №18, 2015. С. 6.

²⁹⁸ Ставров И.В. Экономический коридор Китай - Монголия - Россия в стратегии социально-экономического развития провинции Хэйлунцзян // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2017. №2 (79). С. 40.

в политике «оживления» некогда передового в технологическом плане северо-востока Китая²⁹⁹.

– «Бум горной добычи и геологической разведки» в Монголии в 2010-2015²², в ходе которого было существенно обогащено представление о запасах полезных ископаемых на территории Монголии³⁰⁰, а страна стремительно включена в мировые ЦДС, что сделало её привлекательной для КНР с точки зрения импорта полезных ископаемых³⁰¹: доля КНР в монгольском экспорте выросла с 50% в 2005 году до 90+% в 2011-2023 гг³⁰². Также, именно в это время серьёзно усилилась экономическая активность внерегиональных держав в Монголии, что не могло не вызвать беспокойство у России и Китая³⁰³.

Таким образом, новый эволюционный этап развития трёхсторонней системы был вызван фундаментальными политическими и экономическими процессами в Евразии. В это же время внутрирегиональные процессы представляют собой важные сопутствующие обстоятельства трансформации системы.

Уникальное наложение друг на друга целого комплекса факторов, имеющих разное происхождение, в 2013-2014 годы, привело к резкому росту заинтересованности России, Китая и Монголии в укреплении всех отраслей субрегионального сотрудничества, равно как и к его развитию в рамках новаторских трёхсторонних форматов. Подобное произошло потому, что развитие трёхсторонних взаимодействий позволяло сторонам решить целый

²⁹⁹ Песцов С.К., Шуа Л. Стратегия «оживления» северо-востока Китая: опыт управления развитием периферийных территорий // РЭиУ. 2021. №4 (68). С. 131.

³⁰⁰ Кузьмин Ю.В., Козырская И.Е. Россия – Монголия – Китай: сотрудничество, вызовы, противоречия. Иркутск : Изд-во Репроцентр+, 2023. С. 16.

³⁰¹ Wen, K.; Zhang, X.M. Analysis of “China, Mongolia and Russia economic corridor’s trade potential // J. Ind. Technol. Econ. 2017, №36, p. 114.

³⁰² Данные по доле КНР в монгольском экспорте. – URL: https://1212.mn/mn/statistic/statcate/573062/table-view/DT_NSO_1400_006V3 (дата обращения 18.05.2023).

³⁰³ Лузянин С. Г. Россия-Монголия-Китай: исторические и современные трансформации // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2021. № 5. С. 147.

ряд проблем, равно как и реализовать целый ряд возможностей, вызванных этим наложением различных факторов.

Анализ мотиваций сторон в развитии и углублении субрегионального партнёрства привёл к выделению следующих интересов у трёх стран в данном процессе:

Россия

С начала 2010х годов в российских внешнеполитических документах всё отчётливее стало прослеживаться стремление укрепить безопасность и стабильность в приграничных регионах. Так, в концепции Внешней политики России 2008 года говорится о необходимости создания «пояса добрососедства» вдоль границ страны³⁰⁴. Следовательно, обеспечение безопасности и защищённости страны от действий Запада в сопредельных регионах может рассматриваться в качестве основного российского политического интереса в выводе трехстороннего партнёрства на новый уровень. Также Россия стремилась вынести ряд двусторонних противоречий с Монголией на обсуждение в новых трёхсторонних механизмах, надеясь на поддержку Китая, что прослеживается в итоговых заявлениях большинства трёхсторонних встреч³⁰⁵ (противоречия будут рассмотрены в параграфе, посвященном причинам стагнации партнёрства). Помимо этого, для России представляется выгодным участие в транзите китайских товаров в Европу через её территорию³⁰⁶ – в Москве возлагались серьёзные надежды не только на получение транзитной ренты³⁰⁷, но и на модернизацию национальной транс-

³⁰⁴ Россия и Монголия на пути стратегического партнёрства. Коллективная монография группы российских и монгольских авторов. М.: Институт востоковедения РАН, 2011, С. 56.

³⁰⁵ Встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом Монголии Цахиагийн Элбэгдоржем (2016). – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/52211> (дата обращения 1.05.2023).

³⁰⁶ Кузьмин Ю.В., Козырская И.Е. Россия – Монголия – Китай: сотрудничество, вызовы, противоречия. Иркутск : Изд-во Репроцентр+, 2023. С. 49.

³⁰⁷ Zhang X. Unimpeded trade and the construction of the China-Mongolia-Russia economic corridor: problems and prospects // R-Economy. 2020. p. 173.

портной системы³⁰⁸ при участии китайского капитала и подрядчиков. В это же время, трёхстороннее партнёрство нужно России и для реализации своих экспортных проектов³⁰⁹, нацеленных на максимально эффективную поставку углеводородов и электроэнергии на крупнейший из доступных рынков³¹⁰. Трёхсторонние форматы воспринимались и как в качестве важного средства укрепления российско-китайского политического и экономического партнёрства в условиях конфронтации с Западом³¹¹.

Китай

Прежде всего, развитием трёхстороннего партнёрства Китай стремился решить задачи реализации своего амбициозного проекта «Пояса и Пути», обслуживать один из коридоров которого должны были трёхсторонние транспортно-инфраструктурные и торгово-экономические проекты³¹². Именно поэтому мотивации Китая к реализации новых проектов трёхстороннего партнёрства во многом совпадают с таковыми по продвижению «Пояса и Пути». При этом в развитии «треугольника» у КНР имелись и политические мотивы: в частности, в рамках трёхсторонних переговорных форматов предполагалось, что две державы-члены ШОС непременно добьются успеха во вступлении в организацию Монголии. Определённый интерес к горнодобывающему сектору Монголии имелся у китайского крупного бизнеса и государственных корпораций. Его также предполагалось обеспечивать путём развития транспортно-инфраструктурных проектов. Помимо этого, развитием трёхсторонних транспортно-инфраструктурных проектов Китай стремился оказать содействие развитию отстающих по уровню экономического регионов страны: в частности, Синьцзян-Уйгурского Автоном-

³⁰⁸ Концепция Внешней Политики Российской Федерации. 2023 год. Статья 54.3.

³⁰⁹ Кузьмин Ю.В., Козырская И.Е. Россия – Монголия – Китай: сотрудничество, вызовы, противоречия. Иркутск : Изд-во Репроцентр+, 2023. С. 119.

³¹⁰ Программа создания экономического коридора «Россия-Монголия-Китай». С. 5.

³¹¹ Мясникова С. В. Федорин В. Н. Экономический коридор «Монголия – Россия – Китай»: перспективы участия России // Научно-исследовательский журнал. – URL: <http://edri.ru/article/13-06-17> (дата обращения: 20.11.2023).

³¹² Zheng, W. Path Choice of China-Mongolia-Russia economic corridor based on “Belt and Road” initiative // J. Beijing Technol. Bus. Univ. (Soc. Sci.) 2016, №31, P.39.

ного Района и Автономного Района Внутренняя Монголия³¹³, а также возрождению некогда развитого северо-восточного металлургического кластера³¹⁴³¹⁵, о чём было упомянуто в прошлом параграфе.

Монголия

Для Монголии развитие трёхстороннего партнёрства является основным залогом благоприятной окружающей политической и экономической обстановки. Также, за счет участия в новых проектах и форматах монгольское руководство предполагало решить ряд задач национального развития: в частности, обеспечить модернизацию железных и автомобильных дорог как базовой инфраструктуры для освоения малоразвитых регионов страны³¹⁶. Не менее привлекательной возможностью считалось и получение транзитной ренты от китайского экспорта в Россию и Европу и от российских поставок в Китай³¹⁷. Инфраструктурные проекты трёх стран также могли обеспечить Монголии новые маршруты поставок своего экспорта во внерегиональные страны, призванные решить проблему недостаточной диверсификации экономики и отрицательного сальдо торгового баланса с рядом партнёров. Также, в Улан-Баторе предполагали, что рост вовлечённости страны в глобальные системы транспортных коммуникаций приведёт в страну китайских, российских и западных инвесторов³¹⁸. В качестве одного из последствий развития трёхстороннего экономического партнёрства рассматривалось

³¹³ Ван Цзюньтао, Вовенда А. В., Любина Д. Е., Мушенко Е. В. Развитие экономического коридора Китай-Монголия-Россия: приграничное измерение // Социально-политические науки. 2021. №5. С. 29.

³¹⁴ Ставров И.В. Экономический коридор Китай - Монголия - Россия в стратегии социально-экономического развития провинции Хэйлунцзян // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2017. №2 (79). С. 40.

³¹⁶ Суходолов А.П., Кузьмин Ю.В., Манжигеев А.Ф. Взаимодействие интересов сторон в треугольнике отношений "Россия-Монголия-Китай" в ходе создания и использования международных транспортных коридоров // Восточная аналитика. 2019. №2. С. 119.

³¹⁷ Монгол Улсын Гадаад Бодлогийн Үзэл Баримтал. 2011. Статья 21.4.

³¹⁸ Суходолов А.П., Кузьмин Ю.В., Манжигеев А.Ф. Взаимодействие интересов сторон в треугольнике отношений "Россия-Монголия-Китай" в ходе создания и использования международных транспортных коридоров // Восточная аналитика. 2019. №2. С. 120.

снижение таможенных пошлин для монгольского экспорта и импорта, а также упрощение процедур прохождения государственной границы³¹⁹.

Таким образом, комплексный анализ основных процессов, происходящих в рамках субрегиональной системы международных отношений и её окружающей среды, подкрепил выдвинутое в начале второй главы данного исследования предположение о том, что 2014 год стал точкой отчёта качественно нового этапа развития субрегиональных трёхсторонних отношений: в частности, были определены признаки, свидетельствующие о принципиальных сдвигах и переменах, рассмотрены внутренние и внешние причины их появления и определены основные мотивации сторон, связанные со стремлением преодолеть новые вызовы путём расширения трёхстороннего сотрудничества.

Обзор ключевых событий этапа. При наличии чётко определённой точки выхода отношений трёх стран на качественно новый этап представляется необходимым произвести краткий обзор ключевых событий, встреч, проектов и результатов взаимодействия России, Монголии и Китая на данном этапе (2014-2022).

Наиболее значимыми событиями этих лет можно считать встречи глав трёх государств (2014, 2015, 2016, 2018, 2019, 2020, 2022) на полях Саммита ШОС. Помимо этого, имели место и трёхсторонние контакты и совещания на высшем, высоком и экспертном уровнях, в частности:

- Консультации на уровне заместителей министров иностранных дел;
- Встречи руководителей транспортных ведомств;
- Заседания координационного совета по сотрудничеству в области туризма;
- Трёхсторонний форум торгово-промышленных палат – 2015;

³¹⁹ Намжилова В.О., Батомункуев В.С. Монголо-китайская граница: преобразования приграничной инфраструктуры и влияние ЭПШП // Проблемы Дальнего Востока. 2021. №1. С. 62.

- Заседания объединённого торгово-экономического форума трёх стран³²⁰;
- Форум исследовательско-консультационной палаты Россия-Китай-Монголия – 2015;
- Ярмарка и форум торгово-экономического сотрудничества Монголии, Китая и России в г.Эрлянь (Эрэн-Хото) Автономного района Внутренняя Монголия КНР;
- Были образованы Российско-монгольской-китайские экономические академии в Хух-Хото и Урумчи³²¹;
- Была создана Ассоциация экспертных центров России, Монголии и Китая (2015)³²²;
- Проведён международный автопробег «Китай-Монголия-Россия» для оценки автодорожного транзитного потенциала (2016)³²³;
- В трёхстороннем формате проводятся встречи высокопоставленных представителей России, Монголии и Китая по вопросам безопасности³²⁴.

Таким образом, заложенный в 2014 году формат трёхсторонних встреч на высшем уровне в дальнейшем был активно распространён на высокий и экспертный уровень, а также перенесён на отраслевые плоскости трёхстороннего сотрудничества.

В эти же годы были подписаны следующие трёхсторонние соглашения и документы, ключевым из которых следует считать подписанную лидерами

³²⁰ В Циндао состоялась встреча лидеров Монголии, России и Китая. – URL: <https://montsame.mn/ru/read/163812> (дата обращения: 3.05.2023).

³²¹ Хангай Л. Эдийн засгийн коридор бол орчин цагийн цайны зам. Улан-Батор, 2019, С. 43.

³²² Ван Цзюньтао, Вовенда А. В., Любина Д. Е., Мушенко Е. В. Развитие Экономического коридора Китай-Монголия-Россия: приграничное измерение // Социально-политические науки. 2021. №5. С. 30.

³²³ Ператинская Д.А., Харланов А.С., Бобошко А.А. Трёхстороннее сотрудничество «Китай-Монголия-Россия»: Развитие транспортного коридора // Инновации и инвестиции. 2022. №2. С. 35.

³²⁴ Китай, Россия и Монголия провели встречу высокопоставленных представителей по вопросам безопасности. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/wshd/202309/t20230921_11146729.html (дата обращения: 23.10.2023).

трёх стран в ходе саммита Россия-Монголия-Китай 2016 года «Программу создания экономического коридора Китай-Монголия-Россия»³²⁵. Данная программа предусматривает реализацию 32 трёхсторонних проектов³²⁶, к числу которых относятся проекты в самых разных отраслях – от природоохранной, туристической, энергетической и научно-технической до гуманитарной, пограничной и торговой³²⁷, а также проекты железнодорожных коридоров (Северный, Центральный, Западный и Восточный коридоры), «Приморье-1» и «Приморье-2», призванные связать Россию и Китай через территорию Монголии³²⁸.

Другими значимыми соглашениями являются:

2015 г. – «Дорожная карта развития сотрудничества между Российской Федерацией, Китайской Народной Республикой и Монголией на среднесрочную перспективу»;

2016 г. – «Соглашение о взаимном признании результатов таможенного контроля в отношении отдельных видов товаров»;

2018 г. – «Меморандум о механизмах экономического коридора»;

2018 г. – «Соглашение о международных автомобильных перевозках по сети азиатских автомобильных дорог»³²⁹;

2018 г. – «Регламент таможенного сотрудничества России, Китая и Монголии».

³²⁵ Программа создания экономического коридора Россия-Китай-Монголия. 2016. – URL:

https://www.economy.gov.ru/material/file/80c240c6a439ba99e9b254fa9254317f/programma_e_konomicheskogo_koridora_kitay_mongoliya_rossiya.pdf (дата обращения: 23.10.2023).

³²⁶ Перечень проектов Программы создания экономического коридора Китай-Монголия-Россия. 2016. – URL: <https://gea.site/wp-content/uploads/2021/12/rus-ch-mn.pdf> (дата обращения: 23.10.2023).

³²⁷ Ператинская Д.А., Харланов А.С., Бобошко А.А. Трёхстороннее сотрудничество «Китай-Монголия-Россия»: Развитие транспортного коридора // Инновации и инвестиции. 2022. №2. С. 36.

³²⁸ Монгол-Орос-Хятадын эдийн засгийн коридор байгуулах хөтөлбөрийн төслийн жагсаалт. Гадаад харилцааны яам. – URL: <https://mfa.gov.mn/35087> (дата обращения: 24.07.2023).

³²⁹ Экономический коридор Россия-Китай-Монголия: инфраструктурный фокус. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ekonomicheskiiy-koridor-kitay-mongoliya-rossiya-infrastrukturnyy-fokus/> (дата обращения: 19.04.2023).

Также, в эти годы на экспертном уровне была оформлена концепция международного туристического маршрута «Великий Чайный путь»³³⁰.

В рамках реализации инфраструктурных проектов трёхстороннего экономического коридора наибольших успехов достиг проект газопровода из России в Китай через территорию Монголии, перспективную реализацию которого стороны обсуждали ещё в начале 2010х годов³³¹. Решение о начале изыскательных работ было принято в 2019 году. Проект получил название «Сила Сибири -2». Мощность газопровода достигнет 50 миллиардов кубометров газа в год³³².

Значительно выросли масштабы торговли трёх стран. Так, в 2015 - 2021 годы российско-китайская торговля выросла на 60% и достигла показателя в 142 миллиарда долларов³³³. Торговый оборот Монголии и КНР за шесть лет вырос вдвое и перевалил за 10 млрд. долл³³⁴³³⁵, а Монголии и РФ достиг отметки в 2 млрд. долл³³⁶.

На данном этапе значительно вырос объём трёхсторонних инициатив, с которыми выступала монгольская сторона. За годы трёхсторонних встреч глав государств три монгольских президента выдвигали следующие оригинальные предложения, большая часть которых устойчиво сохраняла своё

³³⁰ Ермакова Л.И., Маринов М.Б., Гурин М.В. Великий чайный путь - важнейшие социально-исторические и культурные перспективы развития российско-китайских отношений в контексте «Экономического пояса шелкового пути» // Теория и практика общественного развития. 2015. №24. С. 84.

³³¹ Хангай Л. Эдийн засгийн коридор бол орчин цагийн цайны зам. Улан-Батор, 2019, Х. 19.

³³² Абрамченко рассказала о начале строительства газопровода "Союз Восток". – URL: <https://1prime.ru/gas/20231024/842064292.html> (дата обращения 17.12.2023).

³³³ Встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом Монголии Халтмагийн Баттулгой (2019). – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60753> (дата обращения: 19.05.2023).

³³⁴ Данные о динамике роста торгового оборота России и Китая. – URL: https://1212.mn/mn/statistic/statcate/573062/table-view/DT_NSO_1400_006V3 (дата обращения: 1.05.2023).

³³⁵ Данные о динамике роста торгового оборота Китая и Монголии. – URL: https://1212.mn/mn/statistic/statcate/573062/table-view/DT_NSO_1400_010V3 (дата обращения: 1.05.2023).

³³⁶ Данные о динамике роста торгового оборота России и Монголии. – URL: https://1212.mn/mn/statistic/statcate/573062/table-view/DT_NSO_1400_010V3 (дата обращения: 1.05.2023).

присутствие в официальных заявлениях монгольской стороны в 2014-2022 годы:

- Проект центра по разработке технико-экономических обоснований совместных трёхсторонних проектов;
- Проект совместного центра инвестиционного проектирования³³⁷;
- Организация встречи в рамках саммита «Азия-Европа» в Улан-Баторе³³⁸;
- Создание регулярной переговорной платформы для глав трёх государств на базе «Улан-Баторского диалога по безопасности».
- Создание многостороннего механизма по изучению вопроса создания единой энергетической сети в Северо-Восточной Азии³³⁹;
- Совместная реализация определённых проектов и программ в рамках национального движения «Миллиард деревьев» в Монголии (2022).

Таким образом, в период между 2014 и 2023 годами наблюдается беспрецедентный рост интенсивности двусторонних и трёхсторонних контактов, разработки и принятия тремя сторонами отраслевых документов и соглашений, экономического обмена, выдвижения трёхсторонних инициатив.

Тенденции последних лет и вероятность образования нового этапа развития трёхсторонних отношений (2022-н.в.). Ряд геополитических процессов и тенденций развития отношений в треугольнике «Россия-Монголия-Китай» в последние годы приводят к появлению в отношениях стран ряда признаков, которые могут свидетельствовать о возможном наступлении в ближайшие годы нового этапа развития системы. В частности, в

³³⁷ Встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом Монголии Цахиагийн Элбэгдоржем (2016). – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/52211> (дата обращения: 1.03.2023).

³³⁸ Встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом Монголии Цахиагийн Элбэгдоржем (2015). – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/49899> (дата обращения: 1.03.2023).

³³⁹ Встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом Монголии Халтмагийн Баттулга (2019). – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60753> (дата обращения: 1.03.2023).

2022-2024 годы наблюдался ряд тенденций, частично противоречащих логике развития субрегиональных процессов в 2014-2022 годы. К их числу можно отнести отсутствия трёхсторонней встречи глав государств в уже постковидных 2023 и 2024 годах, расширение двусторонних переговорных и консультационных форматов при стагнации трёхсторонних, переходу Монголии от создания транспортной инфраструктуры для оптимизации горно-рудного экспорта в Китай к проработке односторонних проектов транзитных коридоров и привлечения России и Китая к участию в них, продвижение реализации монгольского проекта нефтеперерабатывающего завода наряду с активной деятельностью Китая и стран Запада по поиску в стране новых месторождений нефти. Другой выразительной тенденцией, способной скорректировать развитие» треугольника, является замедление темпов экономического роста Китая.

Так, отсутствие трёхсторонней встречи на высшем уровне в 2023 году, хотя и было вызвано частично дистанционным характером Саммита ШОС этого года в силу дистанционного участия в нём и Председателя КНР, и Президента РФ³⁴⁰, всё же не может не вызывать некоторой настороженности – особенно в связи с повторной отменой трёхстороннего саммита и в 2024 году. Весьма благоприятной площадкой для проведения трёхсторонней встречи в этом году мог бы стать Саммит Пояса и Пути, состоявшийся в октябре 2023 года в Китае (очередная встреча также уже запланирована на осень 2024 года³⁴¹). Однако страны, несмотря на участие лидеров Монголии, России и Китая в третьем по счёту саммите, стороны ограничились лишь тремя двусторонними встречами. Это может говорить о том, что медленное продвижение по реализации большинства трёхсторонних проектов, которое неоднократно отмечалось в ходе предыдущих переговоров будет в ближай-

³⁴⁰ Ни Путин, ни Си Цзиньпин не полетят на саммит ШОС в Дели. Независимая газета. – URL: https://www.ng.ru/world/2023-07-02/1_8762_summit.html (дата обращения: 03.08.2023).

³⁴¹ The Third Belt and Road Forum for International Cooperation. – URL: <http://www.beltandroadforum.org/english/> (дата обращения: 03.08.2023).

шее время преодолеваются в двусторонних форматах – в частности, на различных встречах представителей России и Монголии, в ходе которых будут решаться оставшиеся разногласия двух сторон, составляющие в настоящее время большую часть противоречий по проектам «треугольника».

К числу внерегиональных сдвигов, которые также можно наблюдать в последние годы, следует относить значительный рост с 2022 года объёмов перевозок по маршруту «Китай-Европа», активизацию политической деятельности Китая и стран Запада в Центральной Азии³⁴², а также успехи в урегулировании многолетнего армяно-азербайджанского кризиса³⁴³. Все эти обстоятельства говорят о проясняющихся перспективах создания новых инфраструктурных проектов, призванных обеспечивать грузопоток по маршруту «Китай-Европа», часть которых вполне могут оказаться более эффективными и экономичными, чем варианты маршрутов через Монголию. Эта тенденция, наряду с нарастающими политическими «трениями» в отношениях Китая с Соединёнными Штатами³⁴⁴ и замедлением роста китайской экономики³⁴⁵, заставляют КНР ещё твёрже, чем в 2014-2022 годах, придерживаться выжидательной тактики в переговорах с Россией и Монголией по продвижению трёхсторонних транспортно-инфраструктурных и энергетических проектов.

³⁴² China-Central Asia Summit. CGTN . – URL: <https://www.cgtn.com/specials/2023/china-central-asia-summit.html> (дата обращения: 20.08.2023).

³⁴³ Пашинян подписал декларацию о признании Карабаха частью Азербайджана . ИА Регнум. URL: <https://regnum.ru/news/3837385> (дата обращения: 29.11.2023).

³⁴⁴ US & China: Redefining Competition and Cooperation. Forbes. – URL: <https://www.forbes.com/sites/earlcarr/2021/01/31/us-and-china-redefining-competition-and-cooperation-through-manufacturing-tech-and-innovation/?sh=28562cb331bf> (дата обращения: 29.11.2023).

³⁴⁵ Now for the Hard Part: China's Growth in 2023 and Beyond. Rhodium Group. – URL: <https://rhg.com/research/now-for-the-hard-part/> (дата обращения: 29.11.2023).

2.6. Выводы

Таким образом, во второй главе были определены следующие альтернативы периодизации основных этапов развития системы и интенсификации происходящих в её контекстуальных рамках процессов:

Этап 1 – Формирование основных внутрирегиональных предпосылок к образованию современной модификации системы (1980е-1991), к числу которых следует относить значительное исчерпание причин советско-китайской конфронтации, проникновение в регион на тот момент в целом дружественного СССР и КНР внерегионального актора в лице США и посреднический характер его деятельности в субрегионе (в особенности в отношениях Монголии и КНР), отказ СССР от так называемой «доктрины Брежнева» и ослабление политико-экономического контроля над сателлитами, трансформации в обществе и политике в Монголии;

Этап 2 – Образование в подготовленной на предшествующем этапе субрегиональной среде современной модификации системы и начало действия её ключевых механизмов (1991-1994);

Этап 3 – Система Россия-Монголия-Китай в 1994-2013 годы:

- изначальный подэтап пассивного функционирования системы, во время которого, несмотря на сохранение силы основных механизмов системы, взаимодействия трёх стран не развивались в трёхсторонних форматах (1994-2000)
- подэтап активизации двусторонних политических взаимодействий, наступление которого связывается с усилением солидарности России и КНР по ключевым вопросам международно-политической проблематики, резким ростом торгово-экономического потенциала КНР и транзитных перспектив для Монголии, активизацией проектов экспорта российских углеводородов, а также общей ревизией «атлантического» курса внешней политики России, имевшего место в 1990х годах (2000-2013);

Этап 4 – Система Россия-Китай-Монголия в 2014-2024 годы:

- подэтап активизации трёхстороннего политического и транспортно-инфраструктурного взаимодействия (2014-2020). вызванный российским «Поворотом на Восток» в связи с обострением отношений со странами Запада, запуском КНР проекта «Пояса и Пути», продвижением концепции «Большого Евразийского партнёрства», резким ростом объёма торговли между тремя странами.
- перспективный подэтап новых тенденций в рамках системы (2020-2024), который характеризуется сохранением нейтральной позиции Монголии по отношению к противостоянию России и стран Запада, которое вышло на новый уровень после эскалации украинского кризиса в 2022 году, снижением интенсивности и статусности трёхсторонних контактов в пандемийный и уже постпандемийный период, стагнацией большинства трёхсторонних транспортно-инфраструктурных и торгово-экономических проектов при отсутствии отказа от их реализации и продолжающегося процесса обсуждения их продвижения, а также стремительным развитием связей Монголии со странами Запада, которое встречает всё более заметное неодобрение со стороны руководства России и в особенности КНР в силу ухудшения отношений двух держав субрегиона с рядом западных государств.

Помимо этого, в данной главе установлен доминирование внутрирегиональных импульсов к образованию современной системы над внерегиональными, приоритет эволюции отношений между державами над трансформацией их отношений с Монголией в качестве движущей силы преобразований в субрегиональной политике, а также содействующий характер роли Монголии и внерегиональных держав в образовании современной трёхсторонней системы. Также, было установлено, что механизмы системы могут действовать в субрегионе, оказывая влияние на обстановку в нём, даже в условиях низкой интенсивности связей трёх стран и при преобладании двусторонних контактов над трёхсторонними, как это можно наблюдать на этапе номер 3. Немаловажным заключением является и то, что глобальные

сдвиги могут напрямую влиять на интенсификацию связей внутри системы, как это произошло на этапе номер 4 из предложенной автором периодизации.

ГЛАВА 3. Функциональная роль трёхсторонней системы в отношениях России и Китая

Рассмотренная в первых двух главах трёхсторонняя система «Россия-Монголия-Китай», безусловно, является значимой частью контекстуальной среды современных российско-китайских отношений. Как это было установлено в параграфе, посвящённом контекстуальным границам системы, именно её характер определяет условия, в которых происходит большая часть приграничных и трансграничных взаимодействий, а также сотрудничество России и Китая в области транспортно-инфраструктурных проектов.

В это же время анализ основных этапов развития взаимодействия трёх стран в контекстуальной среде трёхсторонней системы показал заметный рост в значении трёхсторонних проектов и связей для будущего отношений Российской Федерации с её крупнейшим торговым и политическим партнёром – Китайской Народной Республикой, от благополучия которых во многом зависит целый ряд аспектов национальной безопасности нашей страны. Именно поэтому предполагается важным не ограничиваться в рамках данного исследования изучением субрегиональной системы Россия-Монголия-Китай, и уделить должное внимание её роли в общих, а не только субрегиональных, взаимодействиях России и Китая.

В данной главе последовательно будут рассмотрены как пассивное содействие системы российско-китайскому сближению, заключающееся в обеспечении безопасности держав от ряда нежелательных угроз и проблем, так и влияние механизмов трёхсторонней системы, оказываемое ими на реализацию практических проектов, значимых для российско-китайского сотрудничества.

3.1. Трёхсторонняя система как важный компонент национальной безопасности России и Китая

Монгольский фактор и трансграничная безопасность. Наличие расположенной между державами третьей страны, в которой любая из них не склонна укреплять своё влияние за счёт «противолежащей» державы, обеспечивает так называемую функцию «буфера» между Россией и Китаем, удерживающего их от обострения гипотетических конфликтов, связанных с согласованием границы двух стран. В 1990е годы наличие подобной территориально-политической конфигурации в субрегионе существенно упростило важную для российско-китайских отношений задачу согласования границы, перенеся часть потенциально спорных участков в дискуссионное поле российско-монгольской и китайско-монгольской делимитации границ. При этом каждая из держав была вынуждена достигать компромисса с малым государством, а не навязывать ему своё видение границы – применение одной из держав агрессивной тактики могло бы спровоцировать внешнеполитический «крен» Монголии в сторону противоположной державы, тем самым спровоцировав и междудержавную конкуренцию, и потерю позиций одной из них в субрегионе.

Представляется очевидным факт того, что функционирование основных механизмов трёхсторонней системы, выведенных в первой главе исследования, гарантировало максимально продуктивное и компромиссное согласование границ между государствами субрегиона. В свою очередь, как это было установлено в главе 2 исследования, обеспеченное этими механизмами решение территориальных споров и делимитация более чем 99% участков российско-китайской границы, стало важным шагом к выстраиванию партнёрских отношений между державами³⁴⁶. Также, благоприятная обстановка

³⁴⁶ Чуньюе Л., Дацышен В.Г. Россия и Китай в 1990-е годы: от "дружественных стран" через "конструктивное партнерство" к "стратегическому партнерству" // Современная научная мысль. 2019. №1. С. 153.

в приграничных регионах России и Китая оказывает значительное влияние на развитие приграничных торгово-экономических связей³⁴⁷.

Политическая стабильность в Монголии. Одним из самых сильных факторов региональной (субрегиональной) нестабильности в современных международных отношениях является эскалация внутренних конфликтов и политических кризисов в отдельных государствах. Большинство таких процессов в условиях современного миропорядка имеют тенденцию к интернационализации – активному вмешательству других (как правило, соседних) государств. Зачастую при подобном сценарии интернационализации внутригосударственных кризисов неизбежно обостряется конкуренция за позиции в охваченной конфликтом стране между вмешавшимися государствами. Эта конкуренция, в свою очередь, неизбежно усложняет фон двусторонних отношений между странами, вынужденными делить сферы своего влияния в политическом вакууме, образовавшемся в примыкающем к их границам государстве. Подобных сценариев обострения отношений двух субрегиональных акторов из-за дестабилизации обстановки в одной из расположенных между ними стран в мировой практике достаточно много: стоит упомянуть в этой связи обострение отношений Заира (Конго) с Угандой и Бурунди из-за вовлечения трёх стран в гражданскую войну в Руанде, а также Сирии и ряда арабских государств из-за вмешательства страны в гражданскую войну в Ливане. Стоит отметить, что в этих случаях речь идёт не о прокси-войнах двух стран за контроль над третьей и не о конфликтах биполярного мира – страны из двух данных примеров не имели существенных двусторонних противоречий до эскалации обстановки в соседнем по отношению к ним государстве.

Именно таких сценариев развития ситуации удалось не допустить в изучаемом субрегионе – в том числе и благодаря действующим в рамках

³⁴⁷ Лузянин С. Г. Российско-китайский диалог: модель 2015. Москва, Российский совет по международным делам (РСМД). №18, 2015. С. 15.

системы «Россия-Монголия-Китай» механизмов. Достигнутая в рамках современной трёхсторонней системы минимизация внешнеполитического давления на пережившую отказ от социалистической ориентации, революцию, приватизацию, и затяжной экономический кризис Монголию³⁴⁸, сделала возможным формирование в стране демократической, многопартийной и парламентарной политической системы³⁴⁹. В силу отсутствия чётко выраженных и организовано поддерживаемых из-за рубежа политических фракций – как пророссийских, так и прокитайских и прозападных³⁵⁰, конфликтный потенциал политического процесса в Монголии был существенно снижен, что исключило обострение политической борьбы в стране и узурпацию власти определёнными силами при наличии сопротивления им другими фракциями³⁵¹. В это же время подобная конфигурация политической системы страны стала возможной именно благодаря отсутствию склонности двух держав укреплять свои позиции в Монголии при рисках усугубления непосредственно российско-китайских отношений, а также в силу практически полной неспособности третьих держав оказывать прямое влияние на обстановку в субрегионе через их деятельность в Монголии.

Таким образом, в субрегионе имеется достаточно стабильное в политических и социальных аспектах своего существования малое государство, не испытывающее угрозы превращения в failed-state или в территорию перекрёстного политического влияния различных региональных и внерегиональных игроков. Такая ситуация полностью соответствует интересам российско-китайского сближения, так как исключает возникновение дополнительных противоречий у сторон и обеспечивает стабильность и безопас-

³⁴⁸ Mongolia in Transition. By Ole Brunn Ole Odgaard. Richmond, 1966. P. 128.

³⁴⁹ Родионов В.А. Политический процесс в Монголии сквозь призму электоральных циклов // Власть. 2019. №1. С. 273-279. С. 274.

³⁵⁰ Ginsburg T. Political Reform in Mongolia. Between Russia and China // Asian Survey. 1995, Vol. 35, № 5. P. 41.

³⁵¹ Гольман М. И. Президентские выборы в Монголии. Избранные статьи и доклады. Улан-Батор, 2014. С. 317.

ность в регионе, наиболее значимом для реализации транзитных и инфраструктурных проектов, имеющих особое значение для России и Китая.

Ограничение присутствия внерегиональных акторов в Монголии, нежелательного для России и Китая. Как об этом уже было сказано в предыдущем пункте, специфика механизмов и принципов функционирования трёхсторонней системы «Россия-Монголия-Китай» существенно ограничивает прямое влияние третьих держав на происходящие в её рамках процессы. Таким образом, в субрегионе практически полностью исключается сценарий дестабилизации обстановки внешними акторами – по крайней мере, через политизацию антироссийских и антикитайских настроений в Монголии или через расширение её военного и экономического партнёрства с третьими странами³⁵². Действительно, существование «баланса угроз» и «баланса интересов» между двумя окружающими Монголию державами при отсутствии открытого политического противостояния по линии «Россия+Китай против стран Запада» максимально эффективно смягчает оказываемое двумя державами давление на Монголию – как исходящее от каждой из них, так и согласованное ими. При такой ситуации укрепление отношений Монголии с внерегиональными державами в ущерб отношениям с непосредственными соседями представляется невыгодным – географически удалённые партнёры не способны в полной мере заменить соседей, в то время как усиление позиций внерегиональных держав может спровоцировать негативную реакцию у держав субрегиона. Более того, состояние минимально возможного политического давления соседних держав на Монголию создаёт для неё достаточное пространство для выстраивания связей с внерегиональными державами в целом ряде отраслей³⁵³. В данном случае речь идёт о тех связях, которые одновременно являются одновременно выгодными для самой Монголии и не угрожающими безопасности России и Китая.

³⁵² Hyer E. «The Great Game». Mongolia between Russia and China. P. 99.

³⁵³ Mongolia in Transition. By Ole Brunn Ole Odgaard. Richmond, 1966. P. 173.

Таким образом, рациональная логика действий субрегиональных акторов исключает сценарий чрезмерного усиления в субрегионе внешних сил при условиях существования современной модели трёхсторонних отношений – то есть при наличии в субрегионе двух держав, сохранении политико-экономического паритета и отношений партнёрства между ними и при условии отсутствия их согласованного противостояния со странами Запада (то есть при полицентричном характере глобальной системы международных отношений). Отсутствие внешних угроз в субрегионе, имеющем ключевое значение для развития российско-китайского сотрудничества, в свою очередь, является важным условием для обеспечения стратегического партнёрства между Россией и Китаем.

Минимизация угроз сепаратизма. Одной из специфик большинства районов России и Китая, примыкающих к российско-китайской границе или граничащих с Монголией, является трансграничное проживание значительного числа этнических меньшинств – различных национальностей и этнических групп³⁵⁴. Большинство из них имели в своей истории опыт существования в рамках единых государственных образований или племенных союзов, территории которых включали в себя и районы современной Российской Федерации, и Государства Монголия, и Китайской Народной Республики³⁵⁵. Ряд этих национальностей и этнических групп имеют выраженное культурное и религиозное тяготение как к Монголии³⁵⁶ – единственному государству в среде монгольских народностей, так и к расположенному на территории КНР Тибету как к глобальному центру северного буддизма³⁵⁷.

³⁵⁴ Зыков А. А. Этнокультурный фактор трансграничного сотрудничества Дальнего Востока России // Вестник ЧелГУ. 2013. №23 (314). С. 30.

³⁵⁵ Романова М. С. Буряты России, Китая и Монголии: проблема идентичности и ее интерпретации // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2009. №4. С. 41.

³⁵⁶ Орос дахь Монгол угсааны улсууд. Улаанбаатар: АН Монголии, 1994. С. 20.

³⁵⁷ Дэмбэрэл К. Факторы «монгольского мира» в монголо-советских отношениях. 100 лет дипломатических отношений между Россией и Монголией: от дружественных отношений к всеобъемлющему стратегическому партнёрству. М.: ИВ РАН. 2022. С. 134.

В большинстве других регионов и субрегионов земного шара такие условия трансграничного расселения народов и «трансграничных векторов» их культурного и религиозного тяготения провоцируют ряд угроз безопасности – начиная от террористической активности, обострения межнациональной вражды и заканчивая сепаратизмом³⁵⁸. Наиболее яркими примерами являются сепаратистские движения курдов, проживающих в трансграничном регионе, включающем в себя территории Сирии, Ирака, Турции и Ирана, стремящиеся к созданию собственного государства, а также движения кхмерского населения Таиланда, Лаоса и Вьетнама, выступавшие в поддержку планов красных кхмеров по возвращению в состав страны некогда утраченных ей территорий в конце 1970х. Проживание пуштунов по обеим сторонам границы Пакистана и Афганистана, белуджей – между Ираном и Пакистаном, уйгуров – между Китаем и Казахстаном, пенджабцев – между Индией и Пакистаном, также провоцировали значительные противоречия между странами. То же самое касается и трансграничного проживания представителей одной конфессии.

Однако в изучаемом субрегионе, несмотря на специфику этнорелигиозной обстановки, схожую с таковой в целом ряде нестабильных регионов мира, не наблюдается ни одна из этих угроз – как на внутригосударственном, так и на трансграничном уровнях.

Определённую роль в обеспечении подобной доброкачественной аномалии сыграли механизмы субрегиональной системы международных отношений – так, в условиях несопоставимых военно-политических потенциалов с двумя политически стабильными державами субрегиона, малое государство субрегиона осознаёт бесперспективность своих действий ирредентистского толка, и последовательно отказывается от «панмонгольских»³⁵⁹ и

³⁵⁸ Zeigler Ch. Russia and the Asia-Pacific. A Mayor Power of A Minor Participant // Asian Survey. 1994. June, Vol. 34, № 6, P. 534.

³⁵⁹ Lax C. Die Mongolei im Strategischen Kraftfeld Asien. Baden-Baden, 1995. S. 101.

религиозных амбиций³⁶⁰. В рамках данной системы поддержание субрегиональной стабильности и добрососедских отношений с двумя державами, наряду с обеспечением благоприятных условий для укрепления своей транзитной роли в отношениях России и Китая, представляется для Монголии куда более выгодной альтернативой любым гипотетическим сценариям самоусиления за счёт активной трансграничной этнической и религиозной политики³⁶¹.

Помимо этого, существование добрососедских отношений между тремя странами в рамках субрегиональной системы, а также поддержание субрегиональной стабильности и безопасности, создают для представителей национальных меньшинств России и Китая широкие возможности для выстраивания трансграничного культурного и религиозного диалога: так, в том числе в силу благоприятной этнорелигиозной обстановки в субрегионе для жителей приграничных субъектов России и Китая существуют упрощённые правила пересечения государственной границы. Граждане России и Монголии могут свободно находиться на территории соседней страны без необходимости получения визы в течение тридцати дней³⁶². Отдельные упрощённые правила существуют и касательно пересечения монгольско-китайской границы гражданами двух стран³⁶³. Также, в последние десятилетия периодически поднимается вопрос о создании трансграничного коридора в регионе схождения границ России и Китая, Китая и Казахстана, Казахстана и России, Монголии и России и Монголии и Китая, который является районом

³⁶⁰ Родионов В. А. «Мягкая сила» малых стран: опыт Монголии // Вестник КИГИ РАН. 2022. №2. С. 232.

³⁶¹ Barkmann U. Zu Den Beziehungen zwischen der Mongolei und der UdSSR. Rubland in den Jahren 1989 bis 1993 // Asien Deutsche Zeitschrift für Politik, Wirtschaft und Kultur. 1995, №57. S. 37.

³⁶² Zhao M. Development patterns and cooperation paths of tourism industry within the China–Mongolia–Russia Economic Corridor / IOP Conference Series Earth and Environmental Science. 2018. 190(1) P. 51.

³⁶³ Xing. J. People-to-People Exchange of China-Mongolia-Russia Economic Corridor: A Media Globalization Perspective // SHS Web of Conferences. 2022. №148(6). P. 65.

трансграничного проживания алтайцев и казахов³⁶⁴. Помимо этого, в связи с выдвиганием в рамках «Программы реализации экономического коридора Россия-Китай-Монголия» трёхсторонних проектов, ожидается создание ещё больших возможностей для взаимодействия разделённых государственными границами этносов. Все эти механизмы и соглашения снижают уровень этнической напряжённости в среде трансграничных народов, так как создают для них комфортную и безопасную среду обитания и развития. Также, наличие партнёрских отношений между державами субрегиона создаёт благоприятные условия для развития и сохранения трансграничных этносов по ещё одной причине – в случае политической напряжённости между граничащими государствами представители трансграничных этносов чаще подвергаются политическим гонениям со стороны государства как «потенциальные проводники внешнего влияния», а национальная идентичность сталкивается с ограничениями и притеснениями, зачастую воспринимаясь государствами в качестве среды, проводящей сепаратистские настроения среды. Именно такой сценарий развития ситуации с трансграничными этносами можно наблюдать в истории изучаемого субрегиона в 1930е и 1960е годы прошлого века³⁶⁵.

3.2. Роль трёхсторонней системы в развитии российско-китайского торгово-экономического сотрудничества

Значительная роль трёхсторонней системы в обеспечении стабильности и безопасности в субрегионе делает возможным развитие самого широкого спектра отраслевых взаимодействий России и Китая. Тем не менее, географические ограничения трёхсторонней системы, а также нынешние тренды двусторонних российско-китайских отношений, определенные зада-

³⁶⁴ Xing. J. People-to-People Exchange of China-Mongolia-Russia Economic Corridor: A Media Globalization Perspective / SHS Web of Conferences. 2022. №148(6). P. 62.

чами национального развития трёх стран, а также нестабильной международно-политической средой, определяют именно транспортно-инфраструктурные аспекты российско-китайских отношений в качестве тех направлений взаимодействий сторон, на которые в наиболее полной степени оказывает влияние система международных отношений «Россия-Монголия-Китай».

Выход транспортно-инфраструктурных проектов на передний план российско-китайских отношений подобен становлению аналогичных проектов в качестве приоритетных в субрегиональных взаимодействиях России, Монголии и Китая, и был вызван целым рядом факторов. Прежде всего, речь идёт о произошедших за короткий промежуток времени масштабных событиях в истории двух стран – а именно кризиса отношений России со странами Запада и введения последними антироссийских санкций, заставивших Россию искать новых торговых партнёров, в 2014 году, а также выдвижения Председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 году проекта «Экономического пояса и Шёлкового пути», призванного обеспечить Китай надёжными и эффективными путями поставок национального экспорта на новые рынки – в особенности, на европейский. Таким образом, в отношениях России и Китая к концу 2014 года появилось два ключевых направления перспективных транспортных магистралей, в развитии которых оказались заинтересованы обе стороны, а именно маршруты по направлениям «Китай-Россия» и «Россия-Китай»³⁶⁶, а также маршрут «Китай-Европа» при значительной роли России как страны-транзитёра.

Логика ключевых механизмов и принципов функционирования трёхсторонней системы отношений «Россия-Монголия-Китай» стала оказывать прямое влияние на реализацию этих направлений сотрудничества России и Китая в силу того, что Монголия с географической точки зрения является наиболее удобным звеном, связывающим как экономические и демографи-

³⁶⁶ Wen, K.; Zhang, X.M. Analysis of «China, Mongolia and Russia economic corridor»'s trade potential // J. Ind. Technol. Econ. 2017, №36, P.112.

ческие центры двух держав – приморские районы Востока Китая с регионами Центральной России, так и крупнейшие месторождения России с крупнейшими промышленными районами Китая³⁶⁷. Помимо этого, «трансмонгольский маршрут», который в настоящее время обслуживает только 19% ж/д перевозок китайского экспорта в Европу³⁶⁸, пока ещё представляется, хотя и не самым коротким, но наиболее стабильным и наименее затратным для реализации перевозок китайского экспорта в Европу.

Так как уникальность влияния субрегиональной системы международных отношений на развитие российско-китайского партнёрства заключается в наличии в ней «монгольского фактора», наряду с фактором российско-монгольских и монгольско-китайских отношений, в данном параграфе будет рассмотрена как роль Монголии в качестве значимой для России и Китая «страны-транзитёра», так и проанализирована с опорой на выработанные в ранних главах представления о характере субрегиональной системы международных отношений контекстуальная среда реализации транзитных проектов, значимых для отношений России и Китая.

Монгольские транспортно-инфраструктурные проекты. Несмотря на статус «малого государства», заключённого в одну субрегиональную систему международных отношений с двумя державами, Монголия обладает широкими возможностями содействия реализации различных транзитных магистралей, занимающих видное место в повестке дня современных российско-китайских отношений. Географическая выгодность и эффективность трансмонгольских магистралей и коридоров, наряду с перспективой решения задач транспортно-инфраструктурного развития страны, а также полу-

³⁶⁷ Mongolia - Taming the tyrannies of distance and isolation: a transport strategy for Mongolia (English). Washington, D.C.: World Bank Group. – URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/396491468779955006/Mongolia-Taming-the-tyrannies-of-distance-and-isolation-a-transport-strategy-for-Mongolia> (дата обращения: 24.10.2023).

³⁶⁸ С.Бямбацогт: Хил холболтын төмөр замууд барьж, шинэ гарцууд нээснээр 2030 онд төмөр замын хүчин чадал жилд 180 сая тонн болно. – URL: <https://montsame.mn/mn/read/330762> (дата обращения: 20.11.2023).

чения крупной «транзитной ренты», мотивируют монгольское правительство всячески содействовать реализации трёхсторонних проектов. Так, значительную долю транспортно-инфраструктурных инициатив, определённых монгольским правительством в Программе развития транспортной сети страны к 2030 году, занимают именно те проекты, которые способны взять на себя транзитные перевозки по указанным выше направлениям. Так, транспортная составляющая «Программы», разработанная министерством развития дорог и транспорта Монголии, предполагает создание в разных районах страны к 2030 году трёх железнодорожных и пяти автодорожных коридоров «Север-Юг»³⁶⁹, связывающих Россию и Китай, а также постройку новых и модернизацию уже существующих пограничных пропускных пунктов на границах с Россией и Китаем, включая создание при них крупных грузовых терминалов. Также стоит отметить и то, что резкая переориентация Монголии от транспортных проектов типа «месторождение – существующие или новые пограничные пункты с Китаем» к «пограничный пункт с Россией – пограничный пункт с Китаем» произошла с начала 2023 года – по мере завершения большей части железных дорог экспортного значения, и по мере роста заинтересованности России и Китая в новых двусторонних магистралях после 2022 года.

Ниже приводится краткая справка о каждом из данных проектов:

– *«Центральный железнодорожный коридор»* представляет из себя де-факто уже существующую железную дорогу — открытую ещё в начале 1950х годов Трансмонгольскую магистраль, проходящую с севера на юг через столицу страны по маршруту Сухэбатор – Замын Ууд (протяжённость 1100 километров). Собственником данной железной дороги со всей относящейся к ней инфраструктурой является Акционерное Общество «Улан-Баторская железная дорога», учреждённое в соответствии с советско-

³⁶⁹ Монгол Улсын тогтвортой хөгжлийн үзэл баримтлал - 2030-ын хэрэгжилт. – URL: <https://mrtd.gov.mn/i/2217> (дата обращения: 06.12.2023).

монгольским Соглашением 1949 года³⁷⁰. 50% акций АО УБЖД принадлежит правительству Российской Федерации, а остальные 50% — правительству Монголии³⁷¹. Монгольское видение будущего «центрального коридора» заключается в создании второго пути и реализации так называемого проекта «Богдхан» — дублирующей основную магистраль ветки протяжённостью в 145 километров, призванной обеспечить транзит потенциально вредных и опасных грузов в обход столицы страны — города Улан-Батора, протянувшегося вдоль ныне существующей линии трансмонгольской магистрали³⁷². Министерство развития дорог и транспорта Монголии рассчитывает на достижение Центральным коридором пропускной способности до 100 миллионов тонн грузов в год³⁷³. В 2022 году, в ходе трёхсторонней встречи лидеров Китая, России и Монголии, стороны договорились приступить к совместной разработке технико-экономического обоснования проекта Центрального железнодорожного коридора³⁷⁴.

– «Восточный железнодорожный коридор», в рамках проекта реализации которого ведётся реконструкция железной дороги на участке Эрэнцав – Баянтумэн, а также проработка монгольским подрядчиком технико-экономического обоснования железной дороги Чойбалсан – Хут Бичигт – Зунхатавч³⁷⁵. В настоящее время в монгольских программах, ещё без согла-

³⁷⁰ Соглашение между Правительством СССР и Правительством Монгольской Народной Республики об учреждении Советско-Монгольского акционерного общества "Улан-Баторская железная дорога" – URL: https://e-ecolog.ru/docs/cgZq77H1Qt4PpqZiqNyjC?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 20.10.2023).

³⁷¹ Устав Советско-монгольского акционерного общества «Улан-Баторская железная дорога». Параграф 4. – URL: <https://e-ecolog.ru/docs/cgZq77H1Qt4PpqZiqNyjC#137> (дата обращения: 21.10.2023).

³⁷² «Богдхан» төмөр замын төсөл - Зам, тээврийн хөгжлийн яам. – URL: <https://mrtd.gov.mn/p/76> (дата обращения: 20.10.2023).

³⁷³ Монгол Улсын зам, тээврийн салбарт баримталж буй бодлого чиглэл, цаашид хэрэгжүүлэх үйл ажиллагааны талаарх танилцуулга – URL: https://mrtd.gov.mn/upload/files/yam_taniltsuulga.pdf (дата обращения: 20.10.2023).

³⁷⁴ Монгол, Орос, Хятад гурван улсыг холбосон төмөр замын төв коридорыг шинэчлэх, ТЭЗҮ-ийг эхлүүлэхээр тохиролцов. – URL: <https://ikon.mn/n/2o54> (дата обращения: 20.10.2023).

³⁷⁵ <https://mrtd.gov.mn/i/3792> (дата обращения: 22.10.2023).

сия от российской и китайской сторон, этот проект проходит как часть перспективной трёхсторонней магистрали, проходящей по маршруту Борзя – Соловьевск (Россия), Эрэнцав – Чойбалсан – Хут-Бичигт (Монголия) и Зунхатавч – Уланхад – Чаоян, Цзиньчжоу, Лянъюнгань (по территории КНР к китайским морским портам)³⁷⁶. Перспективная пропускная способность коридора оценивается минтрансом Монголии в 25-30 миллионов тонн грузов в год³⁷⁷.

– «Западный железнодорожный коридор» – перспективная магистраль, которая должна пройти через наименее экономически развитые, удалённые от центра страны и высокогорные районы Монголии, соединив Россию и Китай по ещё одному маршруту. В настоящее время планируется реализовать данный коридор в виде железнодорожной магистрали Арцсурь – Нарийнсухайт – Шивэхурэн. В своём приветственном слове участникам международного форума «Неделя транспорта Монголии – 2023» министр развития дорог и транспорта страны предложил конфигурацию трёхстороннего коридора «Курагино – Кызыл – Цагантолгой, далее по Монголии (Арцсурь – Нарийнсухайт – Шивэхурэн) и Китаю (Сэхэ – Далайхув)³⁷⁸. При этом с российской стороны железная дорога ещё даже не утверждена: ветка «Кызыл – Курагино» пока лишь включена в программу развития Сибири³⁷⁹, а участок Кызыл – Цагаантолгой, ещё не прорабатывался ни в каком виде и может быть рассмотрен в ближайшие годы лишь в рамках поручения президента страны по изучению перспектив создания российско-китайского коридора

³⁷⁶ С.Бямбаогт: Хил холболтын төмөр замууд барьж, шинэ гарцууд нээснээр 2030 онд төмөр замын хүчин чадал жилд 180 сая тонн болно. – URL: <https://montsame.mn/mn/read/330762> (дата обращения: 25.11.2023).

³⁷⁷ Ibid.

³⁷⁸ Ibid.

³⁷⁹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 26 января 2023 г. № 129-р. Москва. — URL: <http://static.government.ru/media/files/drWrVydZYzvipBV3mBNArxTlXlgftuAM.pdf> (дата обращения: 11.09.2023).

через западные районы Монголии³⁸⁰. Перспективная пропускная способность коридора эквивалентна аналогичному показателю Восточного железнодорожного коридора.

В это же время наиболее перспективными для российско-китайского транспортно-инфраструктурного и торгово-экономического сотрудничества проектами Монголии в области автодорожного строительства являются:

– *Двухэтапный проект модернизации существующей трассы «Алтанбулаг – Замын Уд»*³⁸¹, проходящей через столицу страны город Улан-Батор и являющейся частью международной автотранспортной магистрали АН-3³⁸². Первый этап модернизации дороги (участок Алтанбулаг – Улан-Батор) завершён в 2023 году³⁸³, начало реализации второго этапа (участок Улан-Батор – Замын-Уд) запланировано на 2024 год³⁸⁴.

– *Проект монгольского участка международной магистрали АН-4 «Новосибирск-Карачи»*, завершённый в конце 2022 года³⁸⁵. Регулярные грузовые перевозки по данной магистрали начали осуществляться с осени 2023 года³⁸⁶.

³⁸⁰ Путин поручил кабмину рассмотреть создание коридора через Монголию и Китай. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2023/10/12/1000342-putin-poruchil-kabminu-rassmotret> (дата обращения: 11.09.2023).

³⁸¹ Алтанбулаг-Замын-Үүдийн хурдны авто зам барих төслийн урьдчилсан ТЭЗҮ бэлэн болсныг ШХАБ-ын хуралдааны үеэр Ерөнхий сайд мэдэгдлээ. – URL: <https://mongolia.gov.mn/news/view/26527> (дата обращения: 20.12.2023).

³⁸² Воронцов А. В. Российско-монгольское сотрудничество в многосторонних инфраструктурных форматах. 100 лет дипломатических отношений между Россией и Монголией: от дружественных отношений к всеобъемлющему стратегическому партнёрству. М.: ИВ РАН. 2022. С. 87.

³⁸³ Улаанбаатар-Дархан чиглэлийн авто замын ажлыг аравдугаар сарын 30-нд дуусгаж, тээврийн хэрэгслийн хөдөлгөөнийг нээхээр төлөвлөж байна. – URL: <https://ikon.mn/n/2msy> (дата обращения: 20.12.2023).

³⁸⁴ Шинэ Сэргэлтийн Бодлогын баримт бичгийн хэрэгжилтэд 2022 оны жилийн эцсийн байдлаар хянал-шинжилгээ, унэлгээ хийсэн ажлын товч тайлан.

³⁸⁵ Олон улс, улсын чанартай авто замын сүлжээний арчлалт, засвар, ашиглалтыг сайжруулж чадавхыг бэхжүүлэхдунд хугацааны дэд хөтөлбөр - Зам, тээврийн хөгжлийн яам – URL: <https://mrtd.gov.mn/i/2674> (дата обращения: 20.12.2023).

³⁸⁶ «Азия-Европа» и магистраль АН-4 выгоды для России. Новое Восточное Обозрение. – URL: <https://journal-neo.su/ru/2023/10/04/aziya-evropa-i-magistral-an-4-vygody-dlya-rossii-mongolii-i-kitaya/> (дата обращения: 20.12.2023).

Помимо этих двух магистралей, до 2030 года Монголия планирует построить ещё две автомобильные дороги международного уровня, соединяющие Россию и Китай через её территорию³⁸⁷ – так называемые Восточный и Западный автомобильные коридоры³⁸⁸.

Отдельного внимания заслуживает и ещё одна, более общая и более ранняя монгольская государственная программа, контекстуально и проектно состыкованная с упомянутой выше программой развития транспортной сети страны. В 2021 году Правительство Монголии представило свою «Новую политику возрождения» («Шинэ сэргэлтийн бодлого») ³⁸⁹, одним из направлений которой стало восстановление пограничных пропускных пунктов³⁹⁰. Данный вопрос был передан в ведение специально назначенного министра «без портфеля», напрямую подотчётного премьер-министру³⁹¹. В рамках «Новой политики возрождения» было запланировано создание четырех железнодорожных погранпереходов на монголо-китайской границе: Гашунсухайт / Ганцмод, Шивэхурэн / Сэхэ, Бичигт / Зун-Хатавч, Ханги / Мандал, а также масштабная реконструкция ныне существующих переходов³⁹². Несмотря на то, что на момент утверждения программа была скорее призвана удовлетворить растущие транспортно-транзитные потребности монгольского угольного экспорта в Китай, она вскоре была сопряжена и с проектами

³⁸⁷ Бусийн тээвэр, логистикийн холболтыг бэхжүүлэх нь сэдэвт тээврийн долоо хоног олон улсын форум эхэллээ. – URL: <https://mrt.d.gov.mn/i/3792> (дата обращения: 13.12.2023).

³⁸⁸ Монгол Улсын бүсчилсэн хөгжлийн бодлого боловсруулахад “Монгол-Орос-Хятад”-ын эдийн засгийн коридорын дагуух хүн амын нутагшилт, суурьшлийн гео-орон зайн анализ. – URL: <http://portal.igg.ac.mn/dataset/961c235b-53d4-4145-a04b-eae6b9de571d/resource/120a2b58-3e2c-4961-8ae2-674067ac3048/download/paper-in-ereen-city1111.pdf> (дата обращения: 13.12.2023).

³⁸⁹ Эрх зүйн акт дэлгэрэнгүй. – URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=16390082551211&showType=1> (дата обращения: 23.04.2023)

³⁹⁰ Дондоков З.Б.-Д., Намжилова В.О. Экономический коридор Китай – Монголия – Россия: выстраивание инфраструктурной связанности в условиях глобальных вызовов // ЭКО. 2022, №12 (582). С. 57.

³⁹¹ Боомтын сэргэлтийн сайдаар Х.Булгантуяа, ЭМ сайдаар С.Чинзориг, БХБ-ын сайдаар Ц.Даваасүрэн нарыг дэмжлээ. – URL: <https://zarig.mn/12o9> (дата обращения: 12.04.2023).

³⁹² Боомтын сэргэлт хэлэлцүүлэг боллоо. – URL: <https://www.mof.gov.mn/article/entry/20220328> (дата обращения: 2.05.2023).

создания авто и железнодорожных коридоров, рассмотренных выше. В 2023 году Монголия и Китай подписали соглашение о проведении работ по модернизации и стыковке инфраструктуры переходов Шивээхурэн / Сэхэ³⁹³, которые были успешно завершены в 2024 году.

Опираясь на заявления министра развития транспорта и дорог Монголии С.Бямбацогта, в ближайшие 10 лет монгольские власти ожидают от своего участия в субрегиональном транзите грузов достижение следующих показателей:

Объём транзита через Монголию достигнет 40 миллионов тонн грузов в год к 2030 году, что составит 25% от всего грузооборота по железной дороге страны (в 2022 году транзит оценивался в 3.6 миллионов тонн грузов, что составило около 7 процентов от валового объёма грузов, перевезённых по монгольским железным дорогам³⁹⁴). В это же время пропускная способность железнодорожных пограничных пропускных пунктов Монголии, по мнению национальных экспертов, достигнет 140-160 миллионов тонн в год³⁹⁵.

Влияние особенностей современной субрегиональной системы на развитие российско-китайских коммуникаций через Монголию. На основе анализа планов монгольской стороны по содействию реализации транзитных проектов в субрегионе, изложенных в «Программе развития транспортной сети Монголии до 2030 года» и «Новой политике восстановления пропускных пограничных пунктов» предполагается сделать вывод о высокой заинтересованности Монголии в участии в транзитных перевозках по маршрутам «Россия – Китай», «Китай – Россия», «Китай – Европа». Однако

³⁹³ Шивээхурэн-Сэхэ боомтын хил дамнасан төмөр замын холболтын асуудал эцэслэн шийдвэрлэгдлээ. – URL: <https://mrttd.gov.mn/i/3763> (дата обращения: 14.12.2023).

³⁹⁴ С.Бямбацогт: Хил холболтын төмөр замууд барьж, шинэ гарцууд нээснээр 2030 онд төмөр замын хүчин чадал жилд 180 сая тонн болно. – URL: <https://montsame.mn/mn/read/330762> (дата обращения: 14.12.2023).

³⁹⁵ Бусийн тээвэр, логистикийн холболтыг бэхжүүлэх нь сэдэвт тээврийн долоо хоног олон улсын форум эхэллээ. Зам, тээврийн хөгжлийн яам. – URL: <https://mrttd.gov.mn/i/3792> (дата обращения: 14.12.2023).

специфика субрегиональной системы внесла в процесс реализации подобных коридоров свои коррективы: в частности, из-за ограниченной способности держав оказывать давление на малое государство в изучаемой субрегиональной системе, Монголия стремится содействовать реализации проходящих через её территорию маршрутов исключительно в том виде, в котором они в наибольшей степени решают её собственные задачи экономического развития³⁹⁶. Так, вместо выражения готовности присоединиться или принять участие в согласовании изначально трёхсторонних проектов трансмонгольских коридоров, монгольская сторона самостоятельно разрабатывает свои варианты их реализации до уровня подробного технико-экономического обоснования³⁹⁷, и только после этого выносит их на обсуждение с Россией и Китаем, предлагая державам финансовое участие в сугубо внутригосударственном проекте, который, хотя и является в целом выгодным для двух держав, уступает по выгодности для России и Китая другим гипотетическим трансмонгольским маршрутам. В результате, реализация транзитных коридоров значительно замедляется, затрудняя достижение компромисса сторонами.

Более глубокий анализ предлагаемых Монголией инициатив отчётливо характеризует сложившуюся в рамках системы ситуацию:

Доказываемая монгольскими экспертами необходимость создания линии «Богдохан» в рамках проекта Центрального железнодорожного коридора подвергается сомнению рядом российских и китайских экспертов – в силу того, что железнодорожная ветка, начинающаяся и заканчивающаяся на станциях основного маршрута Улан-Баторской железной дороги, крайне маловероятно сумеет оптимизировать грузоперевозки по этому самому основному маршруту, и, тем более, вряд-ли имеет достаточный для финансового

³⁹⁶ Бейдина Т. Е., Литовченко А. П., Новикова А. В. Транспортные коммуникации как инструмент реализации внутренней и внешней политики Монголии // Вестник ЗабГУ. 2021. №10. С. 37.

³⁹⁷ «Монгол улсын төмөр замын шинэчлэл» зөвлөгөөний эргэн тойронд - Зам, тээврийн хөгжлийн яам. – URL: <https://mrttd.gov.mn/i/105> (дата обращения: 14.12.2023).

участия России и Китая коммерческий потенциал. Эти сомнения особенно актуальны на фоне монгольских планов сделать новую ветку государственной собственностью, а не объектом Советско-монгольского (де-факто российско-монгольского) АО «УБЖД». Ещё одним аспектом монгольского проекта «Центрального железнодорожного коридора», вызывающим скепсис у российской стороны, является судьба участка основной магистрали, дублером которого может стать «Богдохан», а также расположенной на нём инфраструктуры, находящейся в 50% собственности Российской Федерации.

Проект Западного железнодорожного коридора также не встречает одобрение у российской и китайской сторон в силу своего пролегания по малоосвоенной местности со слаборазвитой базовой инфраструктурой, значительными перепадами высот и уступающей уже существующим дорогам эффективности грузоперевозок.

Восточный железнодорожный коридор, хотя и сможет сделать перевозки между Восточной Сибирью и Восточным Китаем быстрее и эффективнее, чем по железнодорожной ветке Забайкальск-Маньчжурия, потребует куда более значительных вложений, нежели модернизация последней, и всё же будет уступать по своей эффективности ныне существующей трансмонгольской магистрали «Алтанбулаг – Замын-Уд» в случае её модернизации и реконструкции. Более того, реализация монгольского проекта Восточного железнодорожного коридора приведёт к упадку целого ряда населённых пунктов Российской Федерации, расположенных между Забайкальском и Маньчжурией, что также не соответствует интересам России.

Такое положение в реализации проходящих через Монголию транзитных магистралей вызвано целым рядом уникальных условий, существующих в рамках субрегиональной системы международных отношений: к ним следует относить минимизацию давления двух держав на Монголию, партнёрский, но не союзнический статус отношений России и Китая, отсутствие угроз экономическим и политическим позициям России и Китая в субрегионе со стороны внешних сил и т.д. Свою роль играет и особенность внешней

среды субрегиональной системы: в нынешнем многополярном мире существует неопределённость характера отношений Китая со странами Запада, которые в настоящее время определяются не категориями вражды или партнёрства, а «продуктивного соперничества»³⁹⁸. Помимо этого, несмотря на стремительное увеличение объёмов участия России в транзите грузов по маршруту «Китай – Европа», которое продолжается даже вопреки обострению отношений России и стран Запада в 2022 году, сохраняющие свою актуальность перспективы ограничения такого транзита в силу военно-политических или экономических причин, наряду с перспективой появления более коротких альтернативных маршрутов из-за деэскалации кризисов в Закавказье и на Среднем Востоке, заставляют Китай воздерживаться от активного финансового участия в проектах транзитных магистралей через Монголию и Россию³⁹⁹. Налицо влияние тенденций глобальной системы международных отношений на субрегиональную систему «Россия-Монголия-Китай» через воздействие на одну из двух держав.

Тем не менее, более благоприятное влияние контекстуальная среда субрегиональной системы оказывает на другой транзитный проект, который заключается в создании газопровода, соединяющего российские месторождения природного газа с китайскими потребителями через территорию Монголии – проект «Сила Сибири – 2». Особенно аномальным это обстоятельство выглядит на фоне неудач по согласованию сторонами аналогичного по своей концепции проекта нефтепровода на рубеже 2000-2010х годов.

В настоящее время в рамках реализации проекта «Сила Сибири – 2» Россия и Монголия осуществляют согласование трассы нового газопровода «Союз-Восток», который будет поставлять газ из России в Китай через тер-

³⁹⁸ Лузянин С. Г. Китай-США: Модель 2023. «Управляемый конфликт» или глобальный раскол? // Азия и Африка сегодня. 2023. № 2. С. 7.

³⁹⁹ Даваасурэн А., Ариунжаргал Ч. О проблемах формирования экономического коридора Россия — Монголия — Китай // Регион: экономика и социология. 2021. №3 (111). С. 194.

риторию Монголии⁴⁰⁰. В процессе разработки технико-экономического обоснования проекта между участниками возникал ряд споров – в частности, по причине нанесения перспективным газопроводом экологического ущерба тем районам России и Монголии, через которые изначально предполагалось его провести. Другим косвенным препятствием к продвижению работ являлась пассивная позиция Китая – китайская сторона длительное время не давала России и Монголии никаких гарантий своего участия в создании газопровода и импорте через него российского природного газа. Очевидно, что без участия третьей стороны любой транзитный проект будет обречён на провал вне зависимости от степени его проработки двумя другими сторонами. Тем не менее, в 2023 году в ходе нескольких российско-китайских встреч на высшем уровне согласие Китая на импорт российского газа было получено, а позже Россия и Монголия заявили по итогам очередного заседания межправительственной комиссии о том, что стороны готовы приступить к этапу строительства газопровода в 2024 году. Таким образом, газопровод «Союз-Восток» в настоящее время можно считать самым интенсивно продвигающимся проектом из более чем трёх десятков, предусмотренных в программе создания экономического коридора Россия-Монголия-Китай.

Объяснение причин подобной аномалии, при которой проект газопровода получил относительно динамичное развитие, а проект нефтепровода, предложенный на десятилетие раньше, был отложен ещё на этапе предварительного согласования, также кроется в специфике механизмов, действующих в рамках субрегиональной системы международных отношений.

Ситуация с перспективным нефтепроводом во многом напоминает опыт российско-монгольских переговоров по реконструкции Центрального, а также созданию Западного и Восточного, железнодорожных коридоров на

⁴⁰⁰ Лузянин С. Г. Россия-Монголия-Китай: исторические и современные трансформации // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2021. № 5. С. 149.

территории Монголии. Монгольская сторона, осознавая низкую склонность России к навязыванию своего варианта реализации проекта, предприняла попытку направить его на удовлетворение в первую очередь своих внутренних задач национального развития. Важным условием, которое было выдвинуто в ходе переговоров Монголией, было пролегание трассы перспективного нефтепровода через районы страны с залежами нефти, наряду с возможностью наладить в будущем её поставки в КНР по этому же нефтепроводу⁴⁰¹. Не менее значимым представляется и второе условие – переход от практики поставок топлива в Монголию по частично находящейся в собственности Российской Федерации железнодорожной инфраструктуре к снабжению страны нефтепродуктами через новый перспективный нефтепровод. Российская сторона не одобрила данные инициативы Монголии по причине того, что подобный проект мог бы в долгосрочной перспективе ослабить оставшиеся у неё рычаги влияния в рамках субрегиональной системы – в особенности почти монопольный контроль России над поставками нефтепродуктов в Монголию. Его утрата могла бы привести к образованию крена в имеющемся в субрегионе балансе сил между двумя державами в связи с тем, что при таком развитии событий рычаги экономического давления на Монголию остались бы только у КНР. Перспектива присоединения Монголии к нефтепроводу в Китай могла бы значительно ускорить процесс освоения имеющихся в Монголии нефтяных месторождений, что, наряду с уже активно реализуемым в стране проектом создания нефтеперерабатывающего завода, могло бы снизить её топливную зависимость от России. Лишение одной из двух держав такого важного рычага влияния в субрегионе привело бы к искажению «симметричного» характера трёхсторонней системы – и именно поэтому проект был заморожен.

⁴⁰¹ Yang, Y.; Dong, S.C.; Li, Z.H. Progress, driving forces and challenges of Sino-Russian energy cooperation under the China-Mongolia-Russia economic corridor // *Resour. Sci.* 2018, №40, P. 239.

В свою очередь, проект газопровода не обладает потенциалом искажения тех или иных характеристик системы. Помимо этого, у Монголии отсутствовала необходимость направить его на решение собственных задач – переход на природный газ в энергобалансе страны, хотя и стал предметом обсуждения в ходе заседания российско-монгольской межправительственной комиссии 2023 года, по-прежнему не планируется вследствие наличия значительных залежей угля и рассредоточения потенциальных потребителей по большой территории. Пригодные к разработке месторождения природного газа в Монголии также отсутствуют, поэтому страна не выдвигала требований по доступу к Союз-Восток в качестве перспективного экспортёра – в отличие от кейса с нефтепроводом. На этот раз обсуждались лишь возможности импорта Монголией газа – в частности, для его использования в реконструируемых в настоящее время российскими специалистами объектами (ТЭЦ-3 г. Улан-Батора с перспективой создания новых объектов)⁴⁰². Проект газопровода ни в каких его воплощениях не угрожал газовой монополии России в Монголии, играющей в субрегиональных позициях России куда менее заметную роль, чем топливная монополия. Таким образом, успех в продвижении проекта Союз-Восток на начальных этапах обусловлен следующими факторами, имеющими отношение к механизмам и принципам функционирования трёхсторонней системы:

– Никакой вариант реализации газопровода, выгодный хотя-бы одной из сторон, не обладал потенциалом искажения характера трёхсторонней системы

– Несмотря на способность Монголии в силу специфических условий субрегиональной системы активно предлагать свои варианты реализации проектов сразу двум державам, и на неспособность одной из держав навязывать Монголии своё видение субрегиональных проектов, проект был инте-

⁴⁰² «Газпром» готов газифицировать Монголию, заявила Абрамченко. – URL: <https://1prime.ru/gas/20231024/842064164.html> (дата обращения: 20.12.2023).

ресен ей исключительно в качестве источника транзитной ренты, а не инструмента решения задач национального развития.

В это же время из того, что вплоть до поздней стадии проектирования газопровод оставался двусторонним проектом России и Монголии лишь с перспективным участием Китая⁴⁰³ можно сделать ещё один значимый для исследования вывод. В частности, данная особенность иллюстрирует объективные условия субрегиональной системы, в которых заинтересованность второй державы в реализации любого транзитного проекта с участием России и Монголии при отсутствии угрозы её позициям в субрегионе при его реализации в каком-либо возможном варианте, делает возможным даже двухстороннюю проработку перспективных трёхсторонних проектов. Иными словами, отсутствие разногласий по реализации трёхсторонних инициатив между Монголией и Россией является ключевым условием их дальнейшего развития, что доказывает и стагнация целого ряда трёхсторонних проектов, в которых такое согласие этих двух стран достигнуто не было. Тем не менее, в настоящее время говорить об успехе проекта данного газопровода преждевременно: КНР по-прежнему не заявила себя в качестве полноценного участника проекта, а к запланированному на 2024 год началу строительства страны не приступили даже в третьем квартале этого года. Вместе с тем, по представлениям автора, причины подобного замедления находятся вне субрегиональной системы: в частности, в Китае ещё не приняли чётких решений относительно предпочтительного набора внешних поставщиков природного газа в страну, а также соотношения их участия в поставках: надо понимать, что помимо России к числу стран, планирующих нарастить свой экспорт трубопроводного газа или СПГ в Китай, относятся и Туркменистан, Узбекистан, Казахстан, Мьянма и Катар. С каждой из этих стран у КНР имеются аналогичного рода проекты – и ни один из них нельзя назвать

⁴⁰³ Путин: Хятадын талтай «Сибирийн хүч-2» хийн хоолойн төслийг нарийвчлан хэлэлцсэн. – URL: <https://montsame.mn/mn/read/315140> (дата обращения: 20.12.2023).

принципиально более успешным и стремительно продвигающимся, чем «Сила Сибири-2».

Помимо рассмотренных на примере газопровода и нефтепровода через Монголию механизмов субрегиональной системы, влияющих на темпы развития значимых для российско-китайских отношений проектов, в рамках системы имеются и другие функциональные особенности, оказывающие определённое влияние на российско-китайское сближение. Представляется уместным рассмотреть их путём последовательного раскрытия аналитических схем, организованных по принципу: «проблема, оказывающая влияние на развитие трёхсторонних отношений – вклад механизмов системы в формирование или консервацию данной проблемы – значение этой проблемы важно для развития отношений России и Китая». При такой организации анализа предполагается возможным одновременно проследить и влияние определённых трёхсторонних проектов на общий контекст отношений России и Китая, и влияние на эти проекты контекстуальной среды субрегиональной системы, а также действующих в её рамках механизмов.

Трёхсторонние форматы – в частности, саммиты «Россия-Монголия-Китай», часто используются сторонами для продвижения своей позиции по тем или иным спорным вопросам, а не для согласования компромиссных вариантов их решения.

Комплексный контент-анализ выступлений лидеров трёх стран в ходе трёхсторонних саммитов привёл исследование к заключению о том, что, несмотря на успех трёхстороннего формата и его новаторскую природу, в 2014-2022 годы он преимущественно использовался сторонами не для согласования перспективных проектов, а для постулирования ключевых пунктов своей позиции по взаимодействиям трёх стран. В отдельных случаях, он также использовался для привлечения внимания третьей стороны к существующим двусторонним противоречиям в отраслях и сферах, значимых для дальнейшего развития трёхсторонних проектов.

Так, во всех выступлениях российской стороны отмечались «централизм» УБЖД как главной магистрали в рамках трёхсторонних транзитных коридоров (что является декларированием российской позиции по спору России и Монголии вокруг будущего УБЖД), а также перспективы поставок электроэнергии из РФ в Монголию и Китай⁴⁰⁴. В нескольких выступлениях подряд упоминалась проблематика реализации Монголией потенциально опасных для экологии байкальского региона проектов гидроэлектростанций⁴⁰⁵. В это же время китайская сторона во всех заявлениях в рамках саммитов делала акцент на привлечение Монголии к участию в деятельности ШОС на правах члена. Монгольская сторона, в свою очередь, неоднократно выдвигала новые проекты или форматы переговоров, как правило, дублирующие уже существующие, с акцентом на «монголоцентричность» этих самых форматов. Большая часть этих пунктов в выступлениях трёх стран имеет лишь косвенную причастность к вопросам развития трёхсторонних контактов: более того, по ним не происходит никакой трёхсторонней дискуссии, и они остаются элементами сугубо двусторонних переговоров стран.

В результате, основной ролью трёхстороннего саммита после подписания на встрече 2016 года «Программы создания экономического коридора» было поддержание «статусности» диалога и декларирования международной общественности приверженности России, Монголии и Китая развитию трёхсторонних взаимодействий и контактов. При этом, отличающиеся акценты в выступлениях лидеров трёх стран на наиболее чувствительных для отдельных стран вопросах говорят о том, что видение практической составляющей и приоритетов этих взаимодействий у сторон по-прежнему совпадает не полностью. Проецируя данный вывод на многоуровневую природу

⁴⁰⁴ Yang, Y.; Dong, S.C.; Li, Z.H. Progress, driving forces and challenges of Sino-Russian energy cooperation under the ChinaMongolia-Russia economic corridor // Resour. Sci. 2018, №40, P.238.

⁴⁰⁵ Yang, Y.; Dong, S.C.; Li, Z.H. Progress, driving forces and challenges of Sino-Russian energy cooperation under the ChinaMongolia-Russia economic corridor // Resour. Sci. 2018, №40, P.242.

системы, саммиты лидеров трёх стран в настоящее время нацелены на обеспечение и развитие именно экзистенциального, а не отраслевого уровня. Так как уровень связей, ответственный за обеспечение безопасности в субрегионе, является в современной субрегиональной специфике базовым (как это было установлено в первой главе исследования), то его поддержание по-прежнему имеет для стран приоритет над развитием отраслевых взаимодействий.

В то же время, как это было установлено в прошлых параграфах, для российско-китайских отношений отраслевые трёхсторонние проекты представляют не меньшую ценность, и аспекты безопасности в двусторонних отношениях, удовлетворяемые благополучным развитием экзистенциального уровня связей внутри системы, не способны обеспечить развитие российско-китайских отношений без отраслевой составляющей.

Наличие разногласий по вопросам отраслевого взаимодействия между Россией и Монголией

Помимо уже рассмотренного примера, связанного с обсуждением перспективного проекта нефтепровода, к подобным спорам относится проблема будущего УБЖД и Центрального железнодорожного коридора.

В 1949 году СССР и МНР подписали Соглашение о создании Улан-Баторской Железной Дороги – участка кратчайшего маршрута между Москвой и Пекином, проходящего через всю Монголию с севера на юг⁴⁰⁶. По данному соглашению за акционерным обществом УБЖД закреплялся ряд экстерриториальных привилегий и устанавливалось равное распределение акций между Минтрансом СССР и Минтрансом МНР. После падения социалистического лагеря встал вопрос о пересмотре и перезаключении соглаше-

⁴⁰⁶ Соглашение между Правительством СССР и Правительством Монгольской Народной Республики об учреждении Советско-Монгольского акционерного общества "Улан-Баторская железная дорога" (Заключено в г. Улан-Баторе 06.06.1949).

ния, в ходе решения которого монгольская сторона предлагала перезаключение договора с пересмотром его основных положений⁴⁰⁷.

Подобные инициативы привели к отказу российской стороны от перезаключения соглашения. Несмотря на согласие признать документ 1949 действующим, монгольская сторона не оставила попытки по обходу или пересмотру его условий. Так, в 2000х годах монгольский парламент принял закон «О стратегических предприятиях», в котором предусматривается наличие у государства контрольного пакета акций (от 51%) в предприятиях, имеющих стратегическое значение для развития и безопасности страны (к таковым была отнесена и УБЖД). В 2023 году на общественное рассмотрение был вынесен проект новой редакции закона Монголии «О железнодорожном транспорте»⁴⁰⁸, в котором оговариваются пункты, которые противоречат условиям Соглашения 1949 года: в частности, речь идёт о «нахождении железных дорог только в государственной или преимущественно государственной собственности», об «обязательном разделении юридических лиц, занимающихся перевозкой и владеющими железнодорожной инфраструктурой» (статья 26. 5), о «принадлежности государству охранной полосы вдоль железных дорог» (статья 17. 2) и о «национальном суверенитете над железнодорожными пропускными пунктами» (статья 11). При этом ни в одном пункте документа не оговариваются исключения из правил, которые могли бы отсылать к соглашению об УБЖД. Закон также сделает недействительным любые условия нового Соглашения, если оно будет перезаключено: в нём фиксируется приоритет только тех международных договоров, которые были подписаны до вступления закона в силу (статья 2. 2). Также, предусматривается отсутствующее в Соглашении 1949 года право монгольского парламента на расторжение любых международных договоров в сфере

⁴⁰⁷ Грайворонский В. В. Модернизация железнодорожного транспорта в Монголии и роль российско-монгольского сотрудничества // Восточная аналитика. 2011, № 2. С. 126.

⁴⁰⁸ Төмөр замын тээврийн тухай хуулийн төсөл болон хамт өргөн мэдүүлсэн бусад хуулийн төсөл. – URL: <https://d.parliament.mn/tusul/1edf9b27-79dd-4fb3-ba97-569cd3d8d562> (дата обращения 11.04.2023)/

железнодорожного транспорта (статья 6. 1. 2.). Закон был принят Хуралом в июле 2023 года и вступил в силу 1 января 2024 года⁴⁰⁹.

Монгольская сторона стремится ослабить позиции России в национальном транспортном комплексе и другими мерами. 2008 году была создана государственная корпорация «Монгольские Железные Дороги»⁴¹⁰, которой наметили роль будущего государственного монополиста вместо некогда имевшей подобные позиции УБЖД.

Таким образом, конфликт интересов России и Монголии препятствует модернизации железной дороги. Построенная в 1950е годы, она крайне редко подвергалась ремонту, так и не была электрифицирована, имеет один путь на абсолютном большинстве участков, обслуживается подвижным составом со средним возрастом более 30-40 лет⁴¹¹. При таких условиях УБЖД не обладает пропускной способностью, необходимой для обеспечения транзита из Китая в Европу в рамках так называемого «Центрального коридора». Проблему модернизации пытались решать неоднократно: в 2009 году Россия и Монголия заключили договор о реконструкции УБЖД, для реализации которой учредили совместное предприятие «Инфраструктурное развитие»⁴¹². Техничко-экономическое обоснование проекта (разрабатывался проект модернизации УБЖД до 2030 года)⁴¹³ было произведено вместе с большим числом иностранных компаний, в том числе западных. Тем не менее, из-за возникших политических разногласий, «Инфраструктурное развитие» осталось на 100% в собственности РЖД, а монгольская сторона отказалась от завершения разработки проекта, так как не был учтён ряд её требований.

⁴⁰⁹ Төмөр замын тээврийн тухай. Эрх зүйн мэдээллийн нэгдсэн систем. – URL: [ТӨМӨР ЗАМЫН ТЭЭВРИЙН ТУХАЙ \(legalinfo.mn\)](https://www.legalinfo.mn) (дата обращения: 28.05.2023).

⁴¹⁰ Монголын төмөр зам. – URL: <https://www.mtz.mn/pages/about-us> (дата обращения: 28.05.2023).

⁴¹¹ Грайворонский В.В. Модернизация железнодорожного транспорта в Монголии и роль российско-монгольского сотрудничества. С. 129.

⁴¹² Хангай Л. Эдийн засгийн коридор бол орчин цагийн цайны зам. С. 21.

⁴¹³ Встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом Монголии Халтмагийн Баттулга (2018). – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57713> (дата обращения 25.04.2023).

В это же время правительство желало скорректировать маршрут пролегания железной дороги в интересах национальной нефтедобывающей и горнорудной промышленности⁴¹⁴. Также, в середине 2000х годов РЖД разработали и комплексный проект развития всей железнодорожной сети Монголии, от которого монгольская сторона отказалась в силу стремления ограничить российское влияние в отрасли и не допустить монополизацию железнодорожного транспорта Монголии наполовину российским АО УБЖД⁴¹⁵. Некоторое время был актуальным и спор о железнодорожной колее – узкая (китайская) колея была выгодна с точки зрения оптимизации монгольского горнорудного экспорта в КНР, которая также поддерживала и продвигала такую инициативу. В начале 2010х годов в Монголии даже имелись планы создания узкоколейных железных дорог от крупных месторождений к границе с КНР⁴¹⁶. Тем не менее, за последнее десятилетие монгольские власти полностью приняли принцип «единства широкой колеи» на всей территории страны.

Обобщая сказанное, проблема модернизации УБЖД упирается в «управленческий паралич», вызванный соотношением собственности между двумя странами 50 на 50. При этом согласование приемлемого варианта её развития для обеих стран невозможно в силу того, что Россия не желает терять последнее предприятие в Монголии с 50% госсобственности, играющее ключевую роль в монгольской внешней торговле. В это же время Монголия желает установить национальный суверенитет над железной дорогой с целью избавиться от российского влияния и создать благоприятные условия для деятельности крупного строительного и горнорудного бизнеса – как национального, так и иностранного.

⁴¹⁴ Хангай Л. Эдийн засгийн коридор бол орчин цагийн цайны зам. С. 30.

⁴¹⁵ Макаров А.В., Макарова Е.В., Андреев А.Б. Монгольский коридор: проблемы и перспективы развития транзитно-транспортной сети Монголии // ЭКО. 2020. №10 (556). С. 42

⁴¹⁶ Там же, С. 43

На данную проблему оказывает прямое влияние действие существующих в рамках субрегиональной системы механизмов её поддержания. Как об этом известно из первой главы, современная система базируется на паритете между двумя державами в субрегионе, которые находятся относительно друг друга в состоянии «баланса интересов» и «баланса угроз». Тем не менее, паритет не означает равенство: доминирующие позиции Китая во внешней торговле Монголии, определяющие твёрдость его присутствия в субрегионе в качестве державы⁴¹⁷, гораздо менее уязвимы, чем современные позиции Российской Федерации, чьё участие в субрегиональной системе на правах одной из двух паритетных держав во многом определяется монополией на поставки в Монголию топлива, статусом значимого поставщика электроэнергии⁴¹⁸, а также пассивным контролем над главной железнодорожной артерией будущего трёхстороннего экономического коридора. Если Россия пойдёт на уступки Монголии по таким принципиальным вопросам, она потеряет свои рычаги влияния в рамках субрегиональной системы, и её позиция в качестве паритетной державы окажется под угрозой. Примечательно, что это навредит не только России, но и самой Монголии: исторические модели, выведенные в первой главе исследования, показывают, что нарушение «паритета держав» в субрегионе часто приводит к значительному возрастанию экономического и политического нажима второй державы⁴¹⁹. В это же время Китай, заинтересованный в решении противоречий, тоже не способен выступить в данном споре в качестве инициативного посредника, предложив пророссийский или промонгольский сценарий решения: в первом случае он опасается ухудшения отношений с Монголией, а во втором –

⁴¹⁷ Лузянин С. Г. Россия-Монголия-Китай: исторические и современные трансформации // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2021. № 5. С. 146.

⁴¹⁸ Миронова М. Н. Современные тенденции экономического сотрудничества Монголии с Китаем и Россией // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-1. С. 17.

⁴¹⁹ Кушхов Б.Х. Энергетическая безопасность Монголии в контексте треугольника Россия-Монголия-Китай. // Вестник БНЦ СО РАН. 2023;1(49): С. 87.

не заинтересован в размене субрегиональных выгод на выгоды от глобальных взаимодействий с Россией.

Таким образом, разногласия между Россией и Монголией по АО УБЖД замедляют реализацию Центрального железнодорожного коридора – самой потенциальной и перспективной транспортной артерии для грузоперевозок между Россией и Китаем.

Опасения России и Монголии по поводу перспективной конкуренции в отдельных отраслях

Россия в настоящее время не склонна к участию в реализации Восточного железнодорожного коридора по территории Монголии в силу его альтернативности уже существующей ветке железной дороги, связывающей РФ и КНР через станции Забайкальск и Маньчжурия. Предполагается, что от реализации монгольской линии коридора понесут значительные убытки некоторые районы страны, расположенные близ границы с Китаем.

У Монголии также имеются опасения по поводу степени защищённости национального экспорта от реализации новых трёхсторонних проектов. В частности, создание трёхсторонних транзитных магистралей, при всех плюсах для экономики страны, может привести к удешевлению стоимости конкурентного сырья из России: энергетического угля, меди, а в перспективе и нефти⁴²⁰. Такие угрозы Монголия может испытать от экспорта российского угля из месторождений в Республике Тыва в случае реализации монгольского проекта Западного железнодорожного коридора и его стыковки с перспективным продолжением железнодорожной ветки Кызыл – Курагино, включённой в перспективную программу развития Сибири. Помимо этого, максимально выгодное для Монголии создание второго коридора к морским портам (коридор во Владивосток)⁴²¹, будучи двусторонним проектом, было

⁴²⁰ Хангай Л. Эдийн засгийн коридор бол орчин цагийн цайны зам. Х. 68.

⁴²¹ Встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом Монголии Цахиагийн Элбэгдоржем (2015) – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/49899> (дата обращения: 18.04.2023).

вынесено на второй план в ходе активизации трёхстороннего сотрудничества.

В этом факторе прослеживается влияние такой характеристики современной трёхсторонней системы, как партнёрский и добрососедский, но не союзнический характер отношений между странами. Россия и Монголия, как основные участники данного «кейса», не являются частями де-факто единого экономического механизма, какими могли ранее считаться СССР и МНР – планирование для экономики Монголии в те годы в значительной степени осуществлялось Госпланом СССР и координировались в рамках СЭВ⁴²², что позволяло предусматривать проекты с неэквивалентной выгодой, или же с возможностью компенсировать понесённые одной из сторон убытки. В частности, существовал механизм переговоров по корректировке закупочных цен монгольского сырья, большая часть которого поступала в СССР⁴²³. В современной же субрегиональной системе, в силу партнёрского, а не союзнического характера отношений, в экономической среде между странами существуют только измерения финансовой выгоды – поэтому Россия не склонна нести убытки в пользу Монголии даже при получении выгоды в дальнейшей перспективе. В это же время Монголия опасается потери своих позиций на рынках КНР, осознавая, что между тремя странами нет механизмов, способных содействовать компенсации этих убытков.

Противоречия Монголии и Китая по членству Монголии в ШОС

КНР не спешит продвигать интеграционные проекты на территории Монголии во многом из-за уклонения Монголии от вступления в ШОС в качестве полноценного члена. Экономические выгоды вкупе с приглашениями к членству со стороны китайских властей выглядят как некоторый «торг» с

⁴²² Цеденбал Ю. Экономическое сотрудничество социалистических стран – жизненная необходимость. Сентябрь 1964. Избранные статьи и речи. М.: Политиздат. 1974. С.61.

⁴²³ Родионов В. А. «Меж трёх соседей» - внешние факторы политического процесса в постсоциалистической Монголии. Улан-Удэ, Издательство БГУ. 2018. С. 35.

Монголией, на который сама Монголия на данный момент не готова⁴²⁴. В ответ на это Пекин ограничивает своё участие в монгольских транспортно-инфраструктурных проектах. Предполагается, что членство Монголии в ШОС является важным аспектом национальной безопасности Китая в долгосрочной перспективе⁴²⁵.

Монголия имеет статус наблюдателя ШОС с 2004 года — ещё с ранних лет развития и институционализации организации. Интерес Монголии к расширению участия в деятельности ШОС был зафиксирован в российско-монгольской Декларации о развитии стратегического партнёрства 2009 года⁴²⁶. Вместе с тем монгольская сторона последовательно демонстрирует своё нежелание повысить свой статус в ШОС до уровня полноценного члена. Лишь в 2014-2016 годы монгольское руководство делало намёки на «изучение перспективы членства», так как было склонно полагать, что со вступлением в организацию Индии и Пакистана она перестанет быть сугубо китайским проектом⁴²⁷, и надеяться на то, что такая постановка проблемы будет выгодна в контексте нового витка партнерских отношений с КНР. Тем не менее, объективное изучение выгод Монголии от членства в ШОС говорит о наличии ряда обстоятельств, делающих их минимальными:

– *нет необходимости непосредственного участия в структурах ШОС, отвечающих за безопасность, из-за отсутствия реальных угроз и замкнутости внутри пространства ШОС*⁴²⁸

– *нежелательность принятия решения о членстве в нынешней турбулентной международной обстановке, так как это может обострить отношения с западными партнёрами страны*⁴²⁹.

⁴²⁴ Ариунчимэг В. Монгол ШХАБын хамтарсан ажиллагааны хэтийн төлөв // Олон Улсын Харилцаа. Улан-Батор, №1/32 (458), 2016. С. 92.

⁴²⁵ Лузянин С.Г. Шанхайская Организация Сотрудничества: модель 2014-2015. Российский совет по международным делам (РСМД). №21, 2015. 36 с.

⁴²⁶ Российско-Монгольская декларация о развитии стратегического партнёрства. 2009 год.

⁴²⁷ О Шанхайской организации сотрудничества. – URL:

http://rus.sectsco.org/about_sco/20151208/16789.html (дата обращения: 1.05.2023).

⁴²⁸ Хангай Л. Эдийн засгийн коридор бол орчин цагийн цайны зам. С. 50.

– статус наблюдателя даёт более чем достаточный доступ к переговорным площадкам ШОС, что показывает опыт трёхсторонних саммитов⁴³⁰.

В 2023 году в ходе встречи глав правительств стран ШОС, участвовавший в ней премьер-министр Монголии Л. Оюун-Эрдэнэ выдвинул тезис о Монголии как «активном наблюдателе» при ШОС, выразив растущую заинтересованность своей страны в развитии партнёрства с организацией без получения статуса её члена⁴³¹. Тенденция последних лет, связанная с ежегодным участием премьера Монголии в аналогичных встречах⁴³², говорит об обоснованности тезиса о возросшем у страны интересе к ШОС. Вместе с тем, в ходе расширенного заседания ШОС в Астане, состоявшегося 4 июля 2024 года в Астане, президент Монголии У.Хурэлсух снова повторил тезис о последовательной приверженности Монголии статусу инициативного наблюдателя.

Такое обстоятельство не способствует развитию выгодных для российско-китайских отношений трёхсторонних проектов и не соответствует логике трёхсторонней системы, в рамках которой отношения между державами всегда важнее для них, чем отношения с малым государством, расположенным между ними. Нелогично оно и с точки зрения характеристик влияния внешней среды на внутрисистемные процессы, которое возможно исключительно через влияние на одну из держав. В связи с этим следует выдвинуть несколько гипотез, замещающих «системное» объяснение данного феномена:

⁴²⁹ Ариунчимэг В. Монгол ШХАБ-ын хамтарсан ажиллагааны хэтийн төлөв. С. 96.

⁴³⁰ Монголия против членства в ШОС – Сказать «Нет» России и Китаю – не значит сказать «Да» Западу. – URL: <https://journal-neo.org/ru/2023/02/16/mongoliya-protiv-chlenstva-v-shos-skazat-net-rossii-i-kitayu-ne-znachit-skazat-da-zapadu/> (дата обращения: 6.05.2023).

⁴³¹ Ерөнхий сайд Л.Оюун-Эрдэнэ ШХАБ-ын гишүүн ажиглагч орнуудын хуралд оролцож, үг хэллээ. News. MN. – URL: <https://news.mn/r/2682395/> (дата обращения: 17.11.2023).

⁴³² Ерөнхий сайд Л. Оюун-Эрдэнэ ШХАБ-ын гишүүн орнуудын засгийн газрын тэргүүн нарын зөвлөлийн өргөтгөсөн хуралдаанд оролцож, Киргиз улсад айлчилна. Гадаад харилцааны яам. –URL: <https://mfa.gov.mn/76309> (дата обращения: 11.12.2023).

– Влияние данного вопроса на продвижения китайских проектов в Монголии может быть преувеличено в историографии и СМИ.

– Китай чувствует некоторые неочевидные угрозы, связанные с возможным изменением ключевых параметров системы в обозримом будущем.

3.3. Выводы

Таким образом, проведённый в данной главе анализ «монгольского фактора» и влияния механизмов субрегиональной системы международных отношений Россия-Монголия-Китай на перспективы развития российско-китайских отношений, позволяет сделать следующие выводы:

«Монгольский фактор» в российско-китайских отношениях играет одновременно пассивную и активную роли: активная заключается в продвижении Монголией проектов, имеющих особое значение для занимающих видное место в российско-китайской повестке сотрудничества транзитных маршрутов «Россия – Китай», «Китай – Россия» и «Китай – Европа», в то время как пассивная сводится к содействию сохранению в субрегионе обстановки стабильности и безопасности в самых разных аспектах – от военно-политического до пограничного и этнорелигиозного.

На отдельные аспекты российско-китайских отношений, которые прямо или косвенно затрагивают Монголию и взаимодействия двух держав с ней, оказывают прямое влияние существующие в рамках трёхсторонней субрегиональной системы механизмы. Так, внутрисистемные условия, минимизирующие возможное давление держав на Монголию, наряду с располагающей к подобному положению ситуацией в отношениях держав с вне-региональными центрами силы, делают невозможным и политически невыгодным навязывание одной из держав или двумя державами единовременно

своего видения трансмонгольских проектов. Также, наиболее активное продвижение получают те субрегиональные проекты, реализация которых не обладает потенциалом ослабления позиций одной из держав и, соответственно, деформации системы. Так как такой потенциал чаще прослеживается в виде угрозы российским, а не китайским позициям в субрегионе, наличие согласия между Россией и Монголией по видению того или иного проекта является ключевой гарантией его успеха. Другим фактором, способным в нынешних реалиях субрегиональной системы замедлить развитие определённого проекта, является способность и желание Монголии обратить его на решение в том числе и собственных задач – в ущерб прибыльности и эффективности его транзитной составляющей.

Другими характеристиками, оказывающими положительное влияние на политические и отрицательное – на отраслевые экономические аспекты сотрудничества России и Китая, являются:

- Наличие в рамках системы партнёрских, но не союзнических отношений между державами и малым государством;
- Приоритет благоприятной обстановки в сотрудничестве двух держав в области политики и безопасности над продвижением экономических инициатив;
- Стремление России поддерживать функциональную роль паритетной державы в рамках системы в сочетании со стремлением Монголии максимизировать свою экономическую и топливно-энергетическую самостоятельность от России без понимания роли России в субрегионе в качестве паритетной державы.

Подобное влияние механизмов системы, хотя и создаёт максимально благоприятные базовые условия для реализации трёхсторонних инициатив и их конструктивного и взаимовыгодного согласования, также способствует и стагнации трёхсторонних проектов в области логистики, транспорта и энергетики. Тем не менее, благоприятные внутренние и внешние условия, обеспечивающие получение всеми тремя игроками как минимум относительных

выгод от реализации транспортно-инфраструктурных проектов в субрегионе, делают возможным двустороннюю (без участия или даже согласия третьей стороны) проработку деталей реализации этих проектов до достаточно поздней стадии. В это же время достаточно замкнутая специфика субрегиональной системы практически полностью исключает деструктивное влияние деятельности внерегиональных сил на продвижение таких проектов – ни в одном из рассмотренных «кейсов» не была прослежена деструктивная роль внешних факторов.

В настоящее время достаточно сложно делать конкретные прогнозы относительно продвижения трёхсторонних субрегиональных проектов в самых разных областях. Представляется, что прояснить сценарии их развития смогут такой международно-политический процесс, как продолжение и углубление конфронтации КНР с США, которое может создать отсутствующие в настоящее время в рамках субрегиональной системы возможности для жесткой увязки внешнеполитической линии России и КНР как «попутчиков» в борьбе с глобальным гегемоном. Подобная увязка позволит продвигать согласованные российско-китайские варианты реализации проектов в регионе, от которых Монголии будет сложно и невыгодно отказываться в силу отсутствия других перспективных альтернатив. Вместе с тем, если подобный сценарий будет сопровождаться усугублением экономической зависимости России от КНР, или же резким снижением зависимости Монголии от российских поставок энергетических ресурсов, то, согласно определённым в первой главе исследования механизмам функционирования системы, Китай вполне вероятно сможет взять на себя инициативу в предложении таких вариантов реализации упомянутых проектов, которые будут в наибольшей степени выгодны именно ему.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам данного исследования можно говорить о получении целого ряда ценных научных результатов. Прежде всего, отношения трёх стран в субрегионе и действующие в их рамках контекстуальные особенности и закономерности были осмыслены в качестве трёхсторонней системы – на основании соответствия особенностей международно-политических процессов в субрегионе основным признакам системы, выведенным в рамках общей теории систем при незначительных корректировках, учитывающих специфику системных образований в международно-политической реальности.

Были определены основные характеристики данной системы. Установлена следующая «относительная иерархия» её элементов, определяющая разницу их функции и степень воздействия на системные механизмы и параметры. По относительному признаку в рамках субрегиональной системы выделены две державы – Россия и Китай, имеющие отличия в величине отдельных показателей, но обладающие «паритетом» в рамках нынешней субрегиональной системы, и Монголия, являющаяся расположенным между ними «малым государством». Ключевое функциональное отличие первой категории элементов от второй – способность в одностороннем порядке изменять конфигурацию системы, или же быть проводником внешнего влияния на внутрисистемные процессы. В это же время малое государство обладает широким спектром «содействующих» функций, исполнение которых

обеспечивает более эффективное развитие системы и протекающих в её рамках процессов.

Внешняя среда системы включает в себя полицентричную глобальную систему международных отношений, в рамках которой в последнее десятилетие обозначаются противоречиями по линии Россия – страны Запада и Китай – США, отсутствие непосредственных угроз безопасности России и Китая в пространственных границах субрегиональной системы, а также наличие перспективных направлений сбыта китайского экспорта на европейский рынок, равно как и долгосрочной потребности к их расширению. Влияние внешней среды на систему реализуется в основном через её воздействие на одну или две державы, которое заставляет их пересматривать свою политику в субрегионе. В это же время влияние внешних факторов на Монголию не обладает потенциалом прямого воздействия на основные параметры системы.

Пространственные границы системы определяются границами Монголии, а также приграничными с Монголией районами России и Китая, в том числе и районами России и Китая вблизи соприкосновения границ трёх стран. В это же время у системы есть и более широкие контекстуальные границы, в пределах которых происходят те взаимодействия сторон, которые не имеют конкретной территориальной локализации – к ним относятся все взаимоотношения России, Монголии и Китая за исключением взаимодействий России и Китая по глобальной повестке, а также в рамках политических процессов в других регионах. Взаимодействие Монголии с внерегиональными партнёрами, связанное с расширением их участия в монгольской экономике и политике, находятся на контекстуальной границе – так как имеют ограниченный «сопутствующий» функционал в рамках системы, но не способны оказывать на неё непосредственное влияние.

Определены паттерны взаимодействий между её элементами – суверенными государствами: так, отношения между Россией и Китаем в рамках системы определяются одновременно и состоянием «баланса угроз», и «ба-

ланса интересов». В это же время отношения Монголии к России и Китаю наиболее точно определяется в рамках теории «буферного балансирования» – с учетом того, что Монголия балансирует влияние одной державы влиянием другой, а для дополнительного уравнивания позиций прибегает к развитию ограниченных, но широких связей с внерегиональными державами. Отношения России и Монголии, а также Китая и Монголии, в силу особенностей субрегиональной системы и её окружения, отличаются условиями ограниченной способности одной державы (или двух одновременно) оказывать давление на малое государство.

Подверглись изучению основные закономерности, устойчиво проявлявшиеся в отношениях трёх государств в 17-21 века, которые были выделены путём построения ряда исторических моделей и их сравнительного анализа. Данная аналитическая процедура позволила определить данные устойчивые закономерности как основные механизмы и принципы функционирования субрегиональной системы. Они были сформулированы в исследовании следующим образом:

1 – Приоритет отношений между державами, в рамках которого державы, находясь в партнёрских или не враждебных отношениях, не склонны в одностороннем порядке укреплять свои позиции в Монголии за счёт ухудшения отношений с другой державой;

2 – Наличие нейтральных (не враждебных, но и не союзнических) отношений между державами, политическая стабильность обеих держав, отсутствие широкой международной изоляции каждой из них, отсутствие внутрирегиональных угроз для любой из них, отвлечённость держав от Монголии в силу вызовов на других направлениях в качестве основных условий максимизации суверенитета Монголии;

3 – Внутриполитическая стабильность в Монголии, полицентричный характер её политической системы и стремление к балансированию между державами путём налаживания ограниченных связей с «третьим соседом»

как сопутствующие условия поддержания баланса угроз и интересов двух держав;

4 – Невозможность одностороннего изменения статус-кво в регионе Монголией или внерегиональными акторами через неё;

5 – Внерегиональные факторы способны оказывать влияние на состояние трёхсторонней системы взаимоотношений: в частности, наличие глобальных угроз одной или обеим державам, а также поляризация системы международных отношений способны спровоцировать усиление обоюдного давления держав на Монголию.

6 – При наличии факторов, побуждающих одну из держав начать процесс одностороннего укрепления влияния в Монголии (а именно фактора внутрорегиональной угрозы, деградации другой державы или конфликта между ними), степень одностороннего политического нажима будет обратно пропорциональна уровню политической стабильности в Монголии и разрыву в потенциалах двух держав.

По итогам данного эксперимента была также выдвинута гипотеза о существовании субрегиональной системы в её различных модификациях с 17 века, подтверждение которой, однако, не входит в задачи данного исследования, сфокусированного на новейшем этапе трёхсторонних взаимодействий России, Монголии и Китая.

Дальнейший анализ закономерностей, прослеживаемых в отношениях трёх стран, сфокусированный на соотношении динамики политического, гуманитарного и экономического партнёрства России, Монголии и Китая в 20-21 веках, привёл к установлению факта наличия у субрегиональной системы двух функциональных уровней взаимодействия её элементов – экзистенциального (отношения в области политики и безопасности) и отраслевого (отраслевое сотрудничество и проекты). Данные уровни обладают устойчивыми паттернами взаимного влияния: так, развитие и благополучие экзистенциального уровня взаимодействий является ключевым условием, но не гарантией развития отраслевых взаимодействий. При этом стагнация отрас-

левого уровня не оказывает деструктивного влияния на экзистенциальный уровень. Гипотетическая деградация экзистенциального уровня в первую очередь приводит к сворачиванию взаимодействия стран в гуманитарной сфере и лишь потом – к прекращению торгово-экономического и транспортно-инфраструктурного взаимодействия.

Понимание основных параметров современной трёхсторонней системы Россия-Монголия-Китай, а также действующих в её рамках механизмов и принципов, позволило провести комплексный анализ процесса становления современной модификации системы. В его рамках было установлено преобладание внутрирегиональных импульсов к образованию современной системы над внерегиональными, эволюции отношений между державами над трансформацией их отношений с Монголией, а также определён содействующий характер роли Монголии и внерегиональных держав в образовании современной системы.

На основе анализа эволюции характера взаимодействий трёх стран в рамках системы, а также изменения степени активности тех или иных системных механизмов определены следующие альтернативы периодизации основных этапов развития системы и интенсификации происходящих в её контекстуальных рамках процессов:

Этап 1 – Формирование основных внутрирегиональных предпосылок к образованию современной модификации системы (1980е-1991);

Этап 2 – Образование современной модификации системы и начало действия её ключевых механизмов (1991-1994);

Этап 3 – Система Россия-Монголия-Китай в 1994-2013 годы:

- а) подэтап пассивного функционирования системы (1994-2000)
- б) подэтап активизации двусторонних политических взаимодействий (2000-2013).

Этап 4 – Система Россия-Китай-Монголия в 2014-2024 годы:

- а) подэтап активизации трёхстороннего политического и транспортно-инфраструктурного взаимодействия (2014-2020).

б) перспективный подэтап новых тенденций в рамках системы (2020-2024).

В процессе изучения особенностей каждого из этапов было установлено то, что механизмы системы сохраняют силу в субрегионе даже в условиях низкой интенсивности связей трёх стран и при преобладании двусторонних контактов над трёхсторонними. Немаловажным выводом является и то, что глобальные сдвиги могут напрямую влиять на интенсификацию связей внутри системы.

Определение основных параметров и характеристик трёхсторонней системы, равно как и стадий её развития и обеспечения эволюции трёхсторонних связей, сделало возможным более глубокое изучение происходящих в субрегионе на современном этапе процессов – с упором на наиболее значимые для России связи с Китаем.

Были определены пассивная и активная роли Монголии в российско-китайских отношениях: активная заключается в продвижении Монголией значимых для российско-китайского партнёрства инфраструктурных проектов и переговорных площадок, в то время как пассивная сводится к содействию стабильности и безопасности в регионе активных взаимодействий России и Китая в самых разных аспектах – от военно-политического до пограничного и этнорелигиозного.

Установлена и активная роль трёхсторонней субрегиональной системы в части российско-китайских отношений, в которой прямо или косвенно затрагивается Монголия и взаимодействия двух держав с ней.

Так, внутрисистемные условия, ограничивающие до минимального уровня давление держав на Монголию, наряду с располагающей к подобному положению ситуацией в отношениях держав с внерегиональными центрами силы, делают невозможным и политически невыгодным навязывание одной из держав или двумя державами единовременно своего видения трансмонгольских проектов. Наиболее активное продвижение получают те субрегиональные проекты, реализация которых не обладает потенциалом ослабления позиций одной из держав, способной привести к деформации

системы. Так как такой потенциал чаще прослеживается в виде угрозы российским, а не китайским позициям в субрегионе, наличие согласия между Россией и Монголией по видению того или иного проекта как правило является ключевым фактором его успеха. Другим фактором, способным в нынешних реалиях субрегиональной системы замедлить развитие определённого проекта, является способность и желание Монголии обратить его на решение внутригосударственных задач в ущерб прибыльности и эффективности его транзитной составляющей.

Другими характеристиками, оказывающими положительное влияние на политические и отрицательное на отраслевые экономические аспекты сотрудничества России и Китая, являются:

- Наличие в рамках системы партнёрских, но не союзнических отношений между державами, а также ними и малым государством;
- Приоритет благоприятной обстановки в сотрудничестве двух держав в области политики и безопасности над продвижением экономических инициатив;
- Стремление России поддерживать функциональную роль паритетной державы в рамках системы в сочетании со стремлением Монголии максимизировать свою экономическую и топливно-энергетическую самостоятельность от России без понимания роли России в субрегионе в качестве паритетной державы.

Подобное влияние механизмов системы, хотя и создаёт максимально благоприятные базовые условия для реализации трёхсторонних инициатив и их конструктивного и взаимовыгодного согласования, вместе с тем содействует и застою трёхсторонних проектов в области логистики, транспорта и энергетики. Тем не менее, благоприятные внутренние и внешние условия, обеспечивающее получение всеми тремя игроками как минимум относительных выгод от реализации транспортно-инфраструктурных проектов в субрегионе, делают возможным двустороннюю (без участия или даже согласия третьей стороны) проработку деталей реализации этих проектов до

достаточно поздней стадии. В это же время достаточно замкнутая специфика субрегиональной системы практически полностью исключает деструктивное влияние деятельности внерегиональных сил на продвижение таких проектов – ни в одном из рассмотренных «кейсов» не была прослежена деструктивная роль внешних факторов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники:

1. Данные о динамике роста товарооборота России и Монголии. — URL: https://1212.mn/mn/statistic/statcate/573062/table-view/DT_NSO_1400_010V3 (дата обращения 18.05.2023);
2. Данные о росте товарооборота Китая и Монголии. — URL: https://1212.mn/mn/statistic/statcate/573062/table-view/DT_NSO_1400_006V3 (дата обращения 18.05.2023);
3. Данные по доле КНР в монгольском экспорте. — URL: https://1212.mn/mn/statistic/statcate/573062/table-view/DT_NSO_1400_006V3 (дата обращения 18.05.2023);
4. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. — URL: <https://www.mid.ru/upload/medialibrary/eba/Договор%20о%20добрососедстве.pdf> (дата обращения: 21.12.2023);
5. Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Российской Федерацией и Монголией от 03.09.2019 . Официальное опубликование правовых актов. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009210041> (дата обращения: 21.12.2023);
6. Дружественное соглашение о признании Россией автономной Монголии. 21 октября (3 ноября) 1912 г. АВПРИ. Ф. 163. Оп. 3. Д. 963. Подлинник. ЦНА. Ф. А-2. Оп. 1. Д. 104. Л. 1. Подлинник. ПСЗРИ. 3-е изд. № 38230. С. 1492-1495;
7. Инициатива совместного строительства Одного пояса, одного пути: прогресс, вклад и перспективы – 2019. Доклад;
8. Концепция внешней политики Российской Федерации, 1993 г. — URL: <https://historylaw.ru/?p=3666> (дата обращения: 21.12.2023);
9. Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 года;

10. Концепция внешней политики Российской Федерации 2023 года;
11. Перечень проектов программы создания экономического коридора Китай-Монголия-Россия. 2016. — URL: <https://gea.site/wp-content/uploads/2021/12/rus-ch-mn.pdf> (дата обращения: 11.09.2023);
12. Прекрасные перспективы и практические действия по созданию ЭПШП и МШП 21 века. Доклад;
13. Программа создания экономического коридора «Россия-Монголия-Китай». 2016. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/80c240c6a439ba99e9b254fa9254317f/programma_ekonomicheskogo_koridora_kitay_mongoliya_rossiya.pdf (дата обращения: 11.09.2023);
14. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 26 января 2023 г. № 129-р. Москва. — URL: <http://static.government.ru/media/files/drWrVydZYzvipBV3mBNArxTlXlgftuAM.pdf> (дата обращения: 11.09.2023);
15. Речь на митинге монголо-советской дружбы в Улан-Баторе. 15 января 1966 г. Юмжагийн Цеденбал. Избранные статьи и речи. М.: Политиздат. 1974 г. 559 с. С. 112;
16. Российско-Монгольская декларация о развитии стратегического партнёрства. 2009 год;
17. Советско-китайские отношения. 1917-1957. Сборник документов. М., 1959;
18. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. 20 мая 2014 г. — URL: http://www.news.kremlin.ru/ref_notes/1642 (дата обращения: 11.09.2023);
19. Соглашение между Правительством СССР и Правительством Монгольской Народной Республики об учреждении Советско-Монгольского акционерного общества "Улан-Баторская железная дорога" (Заключено в г. Улан-Баторе 06.06.1949);
20. Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой о Советско-Китайской государственной границе на ее восточной части (1991). — URL: <https://docs.cntd.ru/document/901729856> (дата обращения: 11.09.2023);
21. Устав Советско-монгольского акционерного общества «Улан-Баторская железная дорога». — URL: <https://e-ecolog.ru/docs/cgZq77H1Qt4PpqZiqNyjC#137> (дата обращения: 11.09.2023);

- 22.Экономическое сотрудничество социалистических стран – жизненная необходимость. Сентябрь 1964. Юмжагийн Цэдэнбал. Избранные статьи и речи. М.: Политиздат. 1974 г. 559 с.;
- 23.“Богдхан” төмөр замын төсөл - Зам, тээврийн хөгжлийн яам. — URL: <https://mrtd.gov.mn/p/76> (дата обращения: 11.09.2023);
- 24.Дотоодын нийт бүтээгдэхуун, үйлдвэрлэлийн аргаар, улирлаар, салбараар, өссөн дүнгээр. – URL: https://www.1212.mn/mn/statistic/statcate/573052/table-view/DT_NSO_0500_022V1 (дата обращения: 4.08.2023)
- 25.Иж бүрэн стратегийн туншлэлийн харилцаа хогжуулэх тухай хамтарсан тунхаглал. — URL: <https://ikon.mn/n/9oe> (дата обращения: 11.09.2023);
- 26.Монгол-Орос-Хятадын эдийн засгийн коридор байгуулах **хөтөлбөрийн төслийн** жагсаалт - Гадаад харилцааны яам. — URL: <https://mfa.gov.mn/35087> (дата обращения: 11.09.2023);
- 27.Монгол Улсын Аюулгүй Байдлын **Үзэл Баримтлал**. 2010. (**Концепция** национальной безопасности Монголии. 2010 год.);
- 28.Монгол Улсын Гадаад Харилцааны **Үзэл Баримтлал**. 2011. (Концепция внешней политики Монголии. 2011 год.);
- 29.Монгол Улсын зам, тээврийн салбарт баримталж буй бодлого чиглэл, цаашид хэрэгжуулэх уйл ажиллагааны талаарх танилцуулга. — URL: https://mrtd.gov.mn/upload/files/yam_taniltsuulga.pdf (дата обращения: 11.09.2023);
- 30.Монгол Улсын тогтвортой **хөгжлийн** үзэл баримтлал-2030-ын хэрэгжилт. Монгол Улсын Зам Тээврийн **Хөгжлийн** Яам. — URL: <https://mrtd.gov.mn/i/2217> (дата обращения: 11.09.2023);
31. Монгол Улсын Үндсэн Хууль (1992). — URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/367> (дата обращения: 10.09.2023);
- 32.Олон улс, улсын чанартай авто замын сүлжээний арчлалт, засвар, ашиглалтыг сайжруулж чадавхыг бэхжүүлэх дунд хугацааны дэд хөтөлбөр - Зам, тээврийн хөгжлийн яам. — URL: <https://mrtd.gov.mn/i/2674> (дата обращения: 11.09.2023);
- 33.**Төмөр** замын тээврийн тухай. Эрх зүйн мэдээллийн нэгдсэн систем. — URL: [ТӨМӨР ЗАМЫН ТЭЭВРИЙН ТУХАЙ \(legalinfo.mn\)](https://legalinfo.mn/mn/detail/367) (дата обращения: 10.09.2023);
- 34.Шинэ Сэргэлтийн Бодлогын баримт бичгийн хэрэгжилтэд 2022 оны жилийн эцсийн байдлаар хянал-шинжилгээ, унэлгээ хийсэн ажлын товч тайлан;
35. Шинэ Сэргэлтийн Бодлого. Монгол Улсын Их Хурлын 2021 оны 106 дугаар тогтоолын 1 дүгээр хавсралт. — URL:

<https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=16390082551211&showType=1> (дата обращения 23.04.2023) ;

Литература на русском языке:

36. 1968 год. «Пражская весна»: 50 лет спустя. Очерки истории / Отв. ред. Т.В. Волокитина. – М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. – 368 с.;
37. Алтанцэцэг Н. Китайско-монгольские отношения в рамках всеобъемлющего стратегического сотрудничества: желания и реальность // Общество и государство в Китае. 2018, №1. С. 357–368;
38. Базаров Б. В., Хишигжаргал Г. Распад Монгольской империи и формирование династии Цин (XVII-XVIII вв.) // Власть. 2016. № 9. С. 178–184;
39. Бакаева Э. П. Ойраты и Тибет в XVII-XVIII вв.: об освещении некоторых событий, связанных с хошутами и джунгарами, в тибетской и российской историографии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 5. С. 3–14;
40. Балдано М. Н. Трансформация политико-административного устройства территории Внутренней Монголии после Синьхайской революции // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2015. Т. 13. С. 92–100;
41. Батомункуев В.С., Рыгзынов Т.Ш. Совершенствование приграничной инфраструктуры России и Монголии как фактор развития экономического коридора Китай-Монголия-Россия. // Региональные исследования. 2018, № 3 (61). С. 126-132;
42. Батунаев Э. В. Борьба за независимость монгольского государства. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2015. – 160 с.;
43. Батунаев Э. В. Советско-монгольские отношения от Халхин-Гола до Ялтинской конференции // Власть. 2017, №6. С. 110–115;
44. Бат-Эрдэнэ Б. Некоторые вопросы стратегии развития электроэнергетики Монголии. // ЭП. 2016, № 6. С. 92–107;
45. Бейдина Т. Е., Литовченко А. П., Новикова А. В. Транспортные коммуникации как инструмент реализации внутренней и внешней политики Монголии // Вестник ЗабГУ. 2021, №10;
46. Бобров Л.А. Джунгарское ханство - последняя кочевая империя // Наука из первых рук. 2007, № 1 (13). С. 64–69;
47. Бойкова Е. В., Воронцов А. В., Грайворонский В.В. Россия, Китай, Монголия: вместе навстречу вызовам современности // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2012, №3, С. 144-152;

- 48.Болд Р. Независимость и признание. Монголия в треугольнике интересов: США-Россия-Китай (1910-1973). М.: «Весь мир», 2015. – 400 с.;
- 49.Болдырева О. Н., Ся Ван. Анализ взаимоотношений китайского императора Канси и джунгарского хана Галдана во время джунгаро-китайской войны 1690-1697 годов // Вестник Удмуртского университета. Серия "История и филология". 2019, № 4. С. 650–655;
- 50.Борисов О.Б., Колосов Б.Т. Советско-китайские отношения. М.: Мысль, 1980. – 641 с.;
- 51.Бояркина А.В. Внешнеполитическая стратегия Дэн Сяопина в период экономических реформ и открытости (Конец 1970-х – 1990е гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2023, №1. С. 94–106;
- 52.Булатова Н.Н. Развитие транспортной инфраструктуры в рамках экономического коридора «Россия-Монголия-Китай». В сборнике: Управление экономикой: методы, модели, технологии. Материалы XVII Международной научной конференции, посвященной 85-летию Уфимского государственного авиационного технического университета . 2017, С. 21– 25;
- 53.Бямбасурэн Д. Утренние заморозки. Улан-Батор: 1996. – 265 с.;
- 54.Ван Цзюньтао, Вовенда А.В., Любина Д.Е., Мушенко Е.В. Развитие экономического коридора Россия-Китай-Монголия: приграничное измерение // Социально-политические науки. 2021, №5;
- 55.Васильев Ю.С., Волкова В.Н., Козлов В.Н. Теории систем и системный анализ: истоки и перспективы // SAEC. 2021, №1. С. 7–24;
- 56.Василькова В. А. Политика КНР в период разрядки международной напряженности: ключевые аспекты // Вестник БГУ. 2020, №3 (45). С. 45-54;
- 57.Волкова В.Н., Емельянов А.А. Теория систем и системный анализ в управлении организациями. М.: «Финансы и статистика», 2006. – 848 с.;
- 58.Воронцов А. В. Российско-монгольское сотрудничество в многосторонних инфраструктурных форматах. 100 лет дипломатических отношений между Россией и Монголией: от дружественных отношений к всеобъемлющему стратегическому партнёрству. М.; ИВ РАН, 2022. – 218 с.;
- 59.Гольман М. И. Западные авторы об отношениях России и Монголии. Россия и Монголия. Новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. М.; 2001, – С. 248-260;
- 60.Гольман М. И. Президентские выборы в Монголии. Избранные статьи и доклады. Улан-Батор: изд-во Соёмбо принтинг, 2014. – 322 с.;
- 61.Гольман М. И. По пути демократических реформ. Избранные статьи и доклады. Улан-Батор: изд-во Соёмбо принтинг, 2014. – 322 с.;

62. Гольман М. И. Русские архивные материалы об отношениях Галдана Бошукту хана с Российским государством. Избранные статьи и доклады. Улан-Батор: изд-во Соёмбо принтинг, 2014. – 322 с.;
63. Грайворонский В. В. Модернизация железнодорожного транспорта в Монголии и роль российско-монгольского сотрудничества // Восточная аналитика. 2011, № 2. С. 122–136;
64. Грайворонский В. В. Национальные интересы России и Монголии в треугольнике Россия-Монголия-Китай: проблемы, противоречия и сценарии. Сибирский федеральный университет. Иркутск, Развитие. 2021. 486 с.;
65. Грайворонский В. В. Китайский мега-проект "Экономический пояс Шелкового пути": место и роль Монголии // Восточная аналитика. 2018, №3. С. 49–59;
66. Грайворонский В. В. Россия и Монголия: 100 лет вместе по пути дружбы и сотрудничества. 100 лет дипломатических отношений между Россией и Монголией: от дружественных отношений к всеобъемлющему стратегическому партнёрству. М.: ИВ РАН. 2022. – 218 с.;
67. Даваасурэн А., Ариунжаргал Ч. О проблемах формирования экономического коридора Россия — Монголия — Китай // Регион: экономика и социология. 2021, №3 (111). С. 184–202;
68. Дашковский П. К. Религиозные процессы на территории Монголии (по результатам социологического исследования) // Народы и религии Евразии. 2022, Т. 27, №1. С. 72–89;
69. Делюсин Л. П. Российско-китайские отношения на рубеже веков. // РСМ. 2002, №1;
70. Дондоков З. Б.-Д., Намжилова В. О. Экономический коридор Китай – Монголия – Россия: выстраивание инфраструктурной связанности в условиях глобальных вызовов // ЭКО. 2022, №12 (582).;
71. Дунаев А. Л. Система международных отношений: ответы прошлого на вопросы будущего // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2010, №3;
72. Дэмбэрэл К. Факторы «монгольского мира» в монголо-советских отношениях. 100 лет дипломатических отношений между Россией и Монголией: от дружественных отношений к всеобъемлющему стратегическому партнёрству. М.: ИВ РАН. 2022. – 218 с.;
73. Ермакова Л. И., Маринов М. Б., Гурин М. В. Великий чайный путь - важнейшие социально-исторические и культурные перспективы развития российско-китайских отношений в контексте «Экономического пояса шелкового пути» // Теория и практика общественного развития. 2015, №24. С. 73–87;

- 74.Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635-1758). Изд-е 2-е. М.: Наука, 1983. – 333 с.;
- 75.Златкин И.Я., Устюгов Н.В., Гатауллина Л.М., Гольман М.И., Слесарчук Г.И. Русско-монгольские отношения 1607–1636. Сборник документов. Москва, 1959.;
- 76.Зыков А. А. Этнокультурный фактор трансграничного сотрудничества Дальнего Востока России // Вестник ЧелГУ. 2013, №23 (314);
- 77.Исследования по общей теории систем: Сборник переводов / Общ. ред. и вст. ст. В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. – М.: Прогресс, 1969. С. 32-39;
- 78.Капица М. С. Советско-китайские отношения. Государственное издательство политической литературы. Москва, 1958. 427 с.
- 79.Кушхов Б.Х. Влияние географического положения Монголии на специфику её внешней политики / VI Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона. Материалы Международной научно-практической конференции. Отв. редактор Е.Ф. Серебренникова. Иркутск, 2023. – С. 170-177;
- 80.Кушхов Б.Х. Джунгарское ханство как потенциальный гегемон в монгольском мире: причины неудачи // Манускрипт. 2021, №8;
- 81.Кушхов Б.Х. Исторические вариации треугольника Россия - Монголия - Китай. Принципы и закономерности // Вестник БНЦ СО РАН. 2022, 1(45): С. 89–94;
- 82.Кушхов Б.Х. Перспективы применения системного подхода в исследованиях внешней политики РФ: пример переоценки внешнеполитической ситуации / XI Международная Научно - Практическая Конференция «Развитие науки и практики в глобально меняющемся мире в условиях рисков». Материалы конференции. С. 101-106;
- 83.Кушхов Б.Х. Политика русского царства по отношению к ойратам в первой половине XVII века: «divide et impera»? / Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных. Сборник научных трудов. Новосибирск, ИИ СО РАН. 2022. С. 241–248;
- 84.Кушхов Б.Х. Сотрудничество и конфронтация в русско-ойратских отношениях XVII в.: основные закономерности и определяющие факторы // Вестник БНЦ СО РАН. 2022, 3(47): С. 70–75;
- 85.Кушхов Б.Х. Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП: обратные стороны благоприятных перспектив / Стратегическое партнерство России и Китая в меняющемся мире: материалы международной научной конференции. Под редакцией доктора юридических наук, профессора Л.В. Санниковой. М.: 2022. С.128–133;

86. Кушхов Б.Х. Энергетическая безопасность Монголии в контексте треугольника Россия-Монголия-Китай // Вестник БНЦ СО РАН. 2023, 1(49): С. 85–89;
87. Кушхов Б. Х., Тютин А. В. Балансирующее поведение малых государств Востока: взгляд вне рамок неореализма (на примере Монголии и Непала) // Международный Аспект. 2022, №3. С. 82–99;
88. Ледовский А. М. Переговоры Сталина с Мао Цзэдуном в декабре 1949-феврале 1950 г. Новые архивные документы. Новая и новейшая история. 1997, С. 25–47;
89. Лукин А.Л. Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011, №2 (17). С. 3–26;
90. Лузянин С. Г. Монголия между Россией и КНР: исторический опыт и современные реалии // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1996, №6. С. 110–113;
91. Лузянин С. Г. Российский транзитный потенциал: Восточно-Азиатский вектор // Вестник транспорта. 2004. №3, С. 16–18;
92. Лузянин С. Г. Российско-китайский диалог: модель 2015. Москва: Российский совет по международным делам (РСМД). №18, 2015. – 32 с.;
93. Лузянин С. Г. Из истории взаимоотношений России, Монголии и Китая в 20-30-е годы XX века. 1998;
94. Лузянин С. Г. Треугольник Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - долговременный исторический фактор современного климата в восточной Азии. 1999;
95. Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: ИДВ РАН, 2003. – 357 с.;
96. Лузянин С.Г. Шанхайская Организация Сотрудничества: модель 2014-2015. Российский совет по международным делам (РСМД). №21, 2015. – 36 с.;
97. Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай: исторические и современные трансформации // Восток (Oriens). 2021, № 5. С. 141–152;
98. Лузянин С.Г. Китай- США: Модель 2023. «Управляемый конфликт» или глобальный раскол? // Азия и Африка сегодня. 2023, № 2. С. 5–13;
99. Лузянин С.Г. Россия-Монголия-Китай: исторические и современные трансформации // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2021, № 5. С. 141–152;
100. Кузьмин Ю.В., Козырская И.Е. Россия – Монголия – Китай: сотрудничество, вызовы, противоречия. Иркутск: Изд-во. Репроцентр+, 2023. – 242 с.;

101. Макаров А.В., Макарова Е.В., Андреев А.Б. Монгольский коридор: проблемы и перспективы развития транзитно-транспортной сети Монголии // ЭКО. 2020, №10 (556);
102. Миронова М. Н. Современные тенденции экономического сотрудничества Монголии с Китаем и Россией // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2016, № 3-1. С. 12–30;
103. Мясников В. С. Россия и Китай: конструктивное партнерство, обращенное в XXI век. Известия Восточного института. 1996. №3.
104. Мясникова С. В. Федорин В. Н. Экономический коридор «Монголия – Россия – Китай»: перспективы участия России // Научно-исследовательский журнал. – URL: <http://edrf.ru/article/13-06-17> (дата обращения: 20.10.2023);
105. Намжилова В.О., Батомункуев В.С. Монголо-китайская граница: преобразования приграничной инфраструктуры и влияние ЭПШП // Проблемы Дальнего Востока. 2021, №1. С. 50–78;
106. Очирмаа О. Основные тенденции в торгово-экономическом сотрудничестве России, Монголии и Китая // Финансы и кредит. 2009, №4 (340). С. 67–72;
107. Панасенко Н.Н., Яковлев П.В. Контейнеризация международной транспортной системы // Вестник АГТУ. Серия: Морская техника и технология. 2016, №4. С. 103–115;
108. Параскева С.Б., Филин С.А. Состояние и перспективы российско-монгольского делового сотрудничества в инновационной сфере // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. Т. 7. № 3 (96). С. 41–49;
109. Ператинская Д.А., Харланов А.С., Бобошко А.А. Трёхстороннее сотрудничество «Китай-Монголия-Россия»: развитие транспортного коридора // Инновации и инвестиции. 2022, №2;
110. Песцов С.К., Шуа Л. Стратегия «оживления» северо-востока Китая: опыт управления развитием периферийных территорий // РЭиУ. 2021, №4 (68). С. 123–137;
111. Пыльников М.Ф. «Новое политическое мышление»: возникновение и основные идеи // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012, №1. С. 84–90;
112. Помозова Н.Б. "Сообщество единой судьбы": эволюция внешнеполитической концепции Китая (конец 1990-х гг. - наст. Вр.) // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2019, №2. С. 76–88;

113. Рассолова Е.В., Гурулева Т.Л. Трёхстороннее торгово-экономическое сотрудничество: Россия-Китай-Монголия. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013, № 4;
114. Родионов В.А. Россия и Монголия: новая модель отношений в начале XXI века. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 2009. 226 с.
115. Родионов В.А., Аюшиева И.Г. «Третий сосед» Монголии как идейно-политический концепт // Вестник Томского государственного университета. 2017, №420. С. 125–130;
116. Родионов В.А. «Меж трёх соседей» - внешние факторы политического процесса в постсоциалистической Монголии. Улан-Удэ: Издательство БГУ. 2018. – 142 с.;
117. Родионов В.А. Политический процесс в Монголии сквозь призму электоральных циклов // Власть. 2019, №1. С. 273–279;
118. Родионов В. А. "Мягкая сила" малых стран: опыт Монголии. // Вестник КИГИ РАН. 2022. №2;
119. Романова Г. Н. Значение Советского Союза в индустриализации Северо-Восточного Китая (50-е — начало 60-х гг. XX в.): опыт и оценка // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018, №18. С. 128–159;
120. Романова М.С. Буряты России, Китая и Монголии: проблема идентичности и ее интерпретации // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2009, №4;
121. Россия и Монголия на пути стратегического партнёрства. Коллективная монография группы российских и монгольских авторов. М.: Институт востоковедения РАН, 2011, –440с.
122. Рошин С.К. Политическая история Монголии (1921-1940е гг.). ИВ РАН, 199. – 326 с.
123. Русско-джунгарские отношения (конец XVII - 60-е гг. XVIII в.). Документы и извлечения / сост. В. А. Моисеев, И. А. Ноздрина, Р. А. Кушнерик. Барнаул: Азбука, 2006. – 360 с.;
124. Совастеев В. А. Фундаментальное исследование по истории российско-китайских отношений // Россия и АТР. 2006, №3;
125. Соколов М. А. Системный подход как исследовательская программа в творчестве Л. Берталанфи // Вестник ПГГПУ. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2022, №2;
126. Суходолов А.П., Василенко В.А., Кузьмин Ю.В. Национальные интересы России в треугольнике Россия-Монголия-Китай. В сборнике: Туухийн

- Судлал. Сеп. "Studia Historica. Instituti Historiae et Archaeologyci Academiae Scientiarum Mongoli" Улаанбаатар, 2018. С. 268-282;
127. Суходолов А.П., Кузьмин Ю.В., Манжигеев А.Ф. Взаимодействие интересов сторон в треугольнике отношений "Россия-Монголия-Китай" в ходе создания и использования международных транспортных коридоров // Восточная аналитика. 2019, №2. С. 116–123;
 128. Суходолов А.П., Кузьмин Ю.В., Суходолов Я.А. Структура и динамика торгово-экономического сотрудничества в треугольнике Россия-Монголия-Китай // Московский экономический журнал. 2021, №8. С. 246–261;
 129. Ставров И.В. Экономический коридор Китай - Монголия - Россия в стратегии социально-экономического развития провинции Хэйлунцзян // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2017. №2 (79). С. 32–43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskii-koridor-kitay-mongoliya-rossiya-v-strategii-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-provintsii-heyhluntszyan> (дата обращения: 27.04.2021);
 130. Черникова Л. П. Российско-китайские отношения: история и современность // Проблемы востоковедения. 2015, №2 (68). С. 42–46;
 131. Чимитдоржиева Л. Ш. Русские посольства к монгольским Алтан-ханам. 1608-1681 гг. Автореферат диссертации по истории. Улан-Удэ, 2003;
 132. Чуньюе Л., Дацышен В.Г. Россия и Китай в 1990-е годы: от "дружественных стран" через "конструктивное партнерство" к "стратегическому партнерству" // Современная научная мысль. 2019, №1. С. 150–168;
 133. Цыганков П. А. Системный подход в теории международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2013, №5;
 134. История Монголии. XX век. Отв. Ред. Г.С. Яскина. М.: ИВ РАН. 2007, – 448 с.;
 135. Яскина Г.С. Монголия и внешний мир. М.: Институт востоковедения РАН, 2002. – 370 с.;

Литература на иностранных языках:

136. Ashworth L.M. A Forgotten Environmental International Relations: Derwent Whittlesey's International Thought. Global Studies Quarterly. Vol. 1. 2021. P. 1–10;
137. Bachman, D. Differing Visions of China's Post-Mao Economy: The Ideas of Chen Yun, Deng Xiaoping, and Zhao Ziyang. Far Eastern Survey, 1986, 26(3), P. 292–321;

138. Bayasakh J. Analysis on the two neighbors presidents visit to Mongolia. Collection of Scientific works written in English by scholars of the IIA. Mongolian Academy of Sciences, Institute of International Affairs. 2015. P. 143–154;
139. Bayasakh J. Mongolian foreign policy from the 1st to the 2nd foreign policy. Ulaanbaatar, MAS, 2015. P. 15–29;
140. Beyond Horses and the Frontier: Mongolia–United States relations. Mongolian Geopolitics. Friedrich-Ebert-Stiftung Mongolia & Mongolian Institute for Innovative Policies. 2022;
141. Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge University Press. 2009. – 593 p.;
142. Cai Lingli. Research on the Development of Brick Tea Culture in the Background of One Belt and One Road. Advances in Education Research. 2017. №104, P. 466–469;
143. Cao M. Intellectual Structure of the Belt and Road Initiative Research: A Scientometric Analysis and Suggestions for a Future Research Agenda. Sustainability. 2020. №12(17). P. 69–101;
144. Clubb O. China and Russia. The Great Game;
145. Efremova K. Small States in Great Power Politics: Understanding the «Buffer Effect». Central European Journal of International and Security Studies 13(1). 2019. P. 100–121;
146. Elman M.F. The Foreign Policies of Small States: Challenging Neorealism in Its Own Backyard. British Journal of Political Science, Vol. 25, No. 2 (Apr. 1995), P. 171–217;
147. Examining the nuclear weapon-free zone and international relations through theoretical lenses. Mongolian Geopolitics. 2022. P. 282–235;
148. Ginsburg T. Political Reform in Mongolia. Between Russia and China. Asian Survey. 1995. May. Vol. 35, № 5;
149. Graivoronskiy V.V. Russia-Mongolia-China Strategic Partnership and Security in Northeast Asia. Ulaanbaatar Dialogue on Northeast Asian Security. 2014. P.14–19;
150. Handel M. Weak States in the International System. International journal (Toronto, Ont.) 37(2). 2006. P. 149–192;
151. Hyer E. «The Great Game». Mongolia between Russia and China;
152. Karsh E. Neutrality and Small States. London: King's College, 2012. – 225 p.;
153. Key J.A.K. Small States in World Politics: Explaining foreign policy Behavior. International politics 41(2). 2004. P. 67–85;

154. Lattimore O. The Historical Setting of Inner Mongolia Nationalism. Pacific Affairs. 1936, vol.9, № 3;
155. Lattimore O. Satellite's Politics: Mongolian Prototype. Western Political Quarterly. 1956. Vol. 9. № 11;
156. Miersheimer J. Balance of Power: theory and practice in the 21st century. Stanford University Press, 2004. – 400 p.;
157. Mongolia in Transition. By Ole Brunn Ole Odgaard. Richmond, 1966;
158. Mongolian Geopolitics. Friedrich-Ebert-Stiftung Mongolia & Mongolian Institute for Innovative Policies. 2022. – 402 p.;
159. Morgenthau H. Politics Among Nations: the struggle for power and peace. 6th edition. New York, Alfred A. Knopf, 1985. – 688 p.;
160. Murphy J. Soviet Mongolia. A Study of the Oldest Political Satellite. Berkeley and Los Angeles, 1968. – 231 p.;
161. Saloum Hossam Eddin. Iraqi crisis: China's position during Iraq war (2003) and Beijing's growing role in Middle East and Persian Gulf after the war against Iraq. Theories and problems of political studies. 2016, №3, P. 196–210;
162. Schweller R. Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back. International Security Vol. 19:1. 1994. P. 72–107;
163. Severin T. In Search of Chinghis Khan. London, 1991;
164. Suvdantsetseg Ts., Mendee J. Changing soft power dynamics in Mongolia. Mongolian Geopolitics. Friedrich-Ebert-Stiftung Mongolia & Mongolian Institute for Innovative Policies. 2022. – 430 p.;
165. The free and open Indo - Pacific strategy and Mongolia .Mongolian Geopolitics. Friedrich-Ebert-Stiftung Mongolia & Mongolian Institute for Innovative Policies. 2022 – 430 p.;
166. Vandenbosch A. The Small States in International Politics and Organization. Political Science. The Journal of Politics. 1964. P. 32–51;
167. Vital D. The inequality of states: a study of the small power in international relations. Oxford: Clarendon Press. 1967. – 198 p.;
168. Walt S. Alliance Formation and the Balance of World Power. // International Security, Vol. 9, No. 4. 1985. P. 3–43;
169. Wen, K.; Zhang, X.M. Analysis of “China, Mongolia and Russia economic corridor”’s trade potential // J. Ind. Technol. Econ. 2017, 36, P. 111–118;
170. Wohlforth W. The Stability of a Unipolar World // International Security. 1999. N 1. P. 5–41;
171. Xing. J. People-to-People Exchange of China-Mongolia-Russia Economic Corridor: A Media Globalization Perspective. SHS Web of Conferences. 2022. 148(6);

172. Yang Cheng. Sino-Russian border dynamics in the Soviet and Post-Soviet era: A Chinese perspective / 7th Berlin conference on Asian Security. 2013. – 18 p.;
173. Yang, Y.; Dong, S.C.; Li, Z.H. Progress, driving forces and challenges of Sino-Russian energy cooperation under the ChinaMongolia-Russia economic corridor // Resour. Sci. 2018, 40, P. 237–249.;
174. Zeigler Ch. Russia and the Asia-Pacific. A Mayor Power of A Minor Participant // Asian Survey. 1994. June, Vol. 34, № 6;
175. Zheng, W. Path Choice of China-Mongolia-Russia economic corridor based on “Belt and Road” initiative. J. Beijing Technol. Bus. Univ. (Soc. Sci.) 2016, 31, P. 31–38;
176. Zhang X. Unimpeded trade and the construction of the China-Mongolia-Russia economic corridor: problems and prospects // R-Economy. 2020;
177. Zhao M. Development patterns and cooperation paths of tourism industry within the China–Mongolia–Russia Economic Corridor. // IOP Conference Series Earth and Environmental Science. 2018. 190(1) P. 12–67;
178. Barkmann U. Zu Den Beziehungen zwischen der Mongolei und der UdSSR. Russland in den Jahren 1989 bis 1993. Asien Deutsche Zeitschrift für Politik, Wirtschaft und Kultur. 1995, Oktober, №57;
179. Lax C. Die Mongolei im Strategischen Kraftfeld Asien. Baden-Baden, 1995;
180. Алтай Д. Горбачёвын «перестройка»: монголын талаархи ЗХУ-ын ашиг сонирхолын оорчлолт. Монгол улсын гадаад харилцаа: Туух, орчин үе. Улаанбаатар, Академия Наук Монголии, 2018. – 520 х.;
181. Алтай Д. Горбачёвын «перестройка»: Монголын талаархи ЗХУ-ын ашиг сонирхолын өөрчлөлт. Монгол улсын гадаад харилцаа: Түүх, орчин үе. Улаанбаатар, Академия Наук Монголии, 2018. – 520 х.;
182. Ариунчимэг В. Монгол ШХАБ-ын хамтарсан ажиллагааны хэтийн толов. Олон Улсын Харилцаа. Улан-Батор, №1/32 (458), 2016;
183. Балдоо Б. Монгол улс, Зүүн хойт Ази: улс төр-аюулгүй байдал, эдийн засаг, соёлын хамтын ажиллагаа. Монгол улсын гадаад харилцаа: Түүх, орчин үе. Улан-Батор, Академия Наук Монголии. 2018. – 520 х.;
184. Батбаяр Ц. Олноо Өргөгдсөн Монгол улсын гадаад харилцаа (Международные отношения Монгольского государства периода Многими Возведенного). Улаанбаатар: Монгол улсын Шинжлэх ухааны академи Түүхийн хүрээлэн, 2008. – 177 х.;
185. Батбаяр Ц. Богд Хаант Монгол Улс гуравдахь хөршийн эрэлд. Улан-Батор, 2011. – 138 х.;

186. Баясах Ж. БНХАУ-ын гадаад бодлогын хувьсал. Монгол улс ба хорш орны гадаад бодлого (эмхэтгэл) Улаанбаатар, Академия Наук Монголии, 2015. – 530 х.;
187. Баясах Ж. Монгол Улс, БНХАУ-ын харилцаа: Стратегийн туншлэлээс иж бүрэн стратегийн туншлэлийн зугт. Монгол улс ба хорш орны гадаад бодлого (эмхэтгэл). Улан-Батор, Академия Наук Монголии, 2015. Х. 90–106;
188. Ишдорж С. БНМАУ-ын гадаад бодлогыг судлах асуудал. Монгол Улсын гадаад харилцаа: түүх ба орчин үе. Улан-Батор, МАН, 2018. – 520 х.
189. Лхамсүрэн Б. Монгол ба ОХУ-ын 1990-ээд оны харилцааг уечлэн авч үзэх нь. Монгол улсын гадаад харилцаа: Туух, орчин Үе. Улан-Батор, Академия Наук Монголии 2018. – 520 х.;
190. Монгол Ардын Намын туухэн цаг хугацааны товчоон. Улаанбаатар, 2021. – 531 х.;
191. Орос дахь Монгол угсааны улсууд. Улаанбаатар: АН Монголии, 1994. – 140 х.;
192. Тувшинтөгс А. Хуйтэн дайны дараах монголын аюулгүй байдлын гадаад орчин (судалгааны бүтээлийн туувэр). Улан-Батор, Национальная академия разведки Монголии, 2012. – 436 х.;
193. Хангай Л. Эдийн засгийн коридор бол орчин цагийн цайны зам. Улан-Батор, 2019, – 284 х.;
194. Хөгжилт Б. Монгол Улсын геополитик, геоэдийн засгийн байр суурийн тухай шинжилгээ. Олон Улсын харилцаа. Улан-Батор, №1/32 (458). 2016. Х. 42–53;
195. Цэнгэллхам Б. АПЕК-ийн гишүүнчлэл ба Монгол Улс. Монгол улсын гадаад харилцаа: Түүх, орчин үе. Улан-Батор, Академия Наук Монголии, 2018. – 520 х.;
196. Шивэй Д. Монгол улсын “Талын зам” ба “Хятад-Монгол-Орос гурван улсын эдийн засгийн коридор”. Олон Улс Судлал. 2022. Vol. 45. № 114. Х. 64–89;

Интернет-ресурсы:

197. 2014 и 2022 гг. – дискредитация образа России в Монголии? [Электронный ресурс]. — URL: <https://journal-neo.org/ru/2023/03/24/2014-i-2022-gg-diskreditacziya-obraza-rossii-v-mongolii/> (дата обращения: 02.06.2023);
198. 2023 год и восприятие «третьего соседа» в Монголии: настроения граждан меняются. Новое Восточное Обозрение. [Электронный ресурс]. — URL: <https://journal-neo.su/ru/2023/06/22/2023-god-i-vospriyatie-tretego-soseda-v-mongolii-nastroeniya-grazhdan-menyayutsya/> (дата обращения: 02.09.2023);

199. Абрамченко рассказала о начале строительства газопровода "Союз Восток". [Электронный ресурс]. — URL: <https://1prime.ru/gas/20231024/842064292.html> (дата обращения: 02.09.2023);
200. «Азия-Европа» и магистраль АН-4 выгоды для России. Новое Восточное Обозрение. [Электронный ресурс]. — URL: <https://journal-neo.su/ru/2023/10/04/aziya-evropa-i-magistral-an-4-vygody-dlya-rossii-mongolii-i-kitaya/> (дата обращения: 22.11.2023);
201. Великобритания для Монголии: больше, чем просто партнёр? [Электронный ресурс]. — URL: <https://journal-neo.org/ru/2023/02/27/velikobritaniya-dlya-mongolii-bol-she-chem-prosto-partnyor/> (дата обращения: 7.04.2023);
202. Встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом Монголии Цахиагийн Элбэгдоржем (2015). [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/49899> (дата обращения 1.03.2023);
203. Встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом Монголии Цахиагийн Элбэгдоржем (2016). [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/52211> (дата обращения 1.05.2023);
204. Встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом Монголии Халтмагийн Баттулгой (2018). [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57713> (дата обращения 28.04.2023);
205. Встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом Монголии Халтмагийн Баттулгой (2019). [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60753> (дата обращения 4.05.2023);
206. Встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом Монголии Ухнагийн Хурэлсухом (2022). [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69357> (дата обращения 4.03.2023);
207. Вступление Индии и Пакистана в ШОС. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.infoshos.ru/media/magazines/20171/_101_new.pdf (дата обращения 30.09.2023);
208. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. Президент России. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения 4.03.2023);

209. В Циндао состоялась встреча лидеров Монголии, России и Китая. [Электронный ресурс]. — URL: <https://montsame.mn/ru/read/163812> (дата обращения: 3.05.2023);
210. "Газпром" готов газифицировать Монголию, заявила Абрамченко. [Электронный ресурс]. — URL: <https://1prime.ru/gas/20231024/842064164.html> (дата обращения: 3.05.2023);
211. Горбачёв М. С. Жизнь и реформы. Москва и Пекин «закрывают прошлое, открывают будущее». [Электронный ресурс]. — URL: https://www.gorby.ru/gorbachev/zhizn_i_reformy2/page_22/ (дата обращения: 02.06.2023);
212. Западные миссионеры в Монголии: сегодня-вера, а завтра-социально-политическая повестка. [Электронный ресурс]. — URL: <https://journal-neo.org/ru/2023/02/08/zapadny-e-missionery-v-mongolii-segodnya-vera-a-zavtra-sotsial-no-politicheskaya-povestka/> (дата обращения: 02.06.2023);
213. Заседание российско-монгольской рабочей группы по транспорту. Министерство транспорта Российской Федерации. [Электронный ресурс]. — URL: <https://projects.mintrans.ru/press-center/photo-gallery/2337> (дата обращения: 02.11.2023);
214. Китай готов к работе над созданием экономического коридора с РФ и Монголией. Известия. [Электронный ресурс]. — URL: <https://iz.ru/1591919/2023-10-19/kitai-gotov-k-rabote-nad-sozdaniem-ekonomicheskogo-koridora-s-rf-i-mongoliei> (дата обращения: 07.12.2023);
215. Китай, Россия и Монголия провели встречу высокопоставленных представителей по вопросам безопасности. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/wshd/202309/t20230921_11146729.html (дата обращения: 01.10.2023);
216. Макрон в Монголии – ценный металл и «театр одного актёра»? Новое Восточное Обозрение. [Электронный ресурс]. — URL: <https://journal-neo.su/ru/2023/05/30/makron-v-mongolii-czennyj-metall-i-teatr-odnogo-aktyora/> (дата обращения: 07.12.2023);
217. Монголия приняла Дмитрия Медведева на уран. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1226123> (дата обращения: 9.05.2023);
218. Монголия против членства в ШОС – Сказать «Нет» России и Китаю – не значит сказать «Да» Западу. [Электронный ресурс]. — URL: <https://journal-neo.org/ru/2023/02/16/mongoliya-protiv-chlenstva-v-shos-skazat-net-rossii-i-kitayu-ne-znachit-skazat-da-zapadu/> (дата обращения: 02.06.2023);

219. Монголия стремится стать «Азиатской Швейцарией». [Электронный ресурс]. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mongoliya-stremitsya-stat-aziatskoy-shveytsariy/?sphrase_id=73250193 (дата обращения: 15.09.2022);
220. Монголия, Южная Корея, редкоземельные металлы: «наведение мостов» или «открытие ящика Пандоры»? [Электронный ресурс]. — URL: <https://journal-neo.org/ru/2023/03/02/mongoliya-yuzhnaya-koreya-redkozemelny-e-metally-navedenie-mostov-ili-otkry-tie-yashhika-pandory/> (дата обращения 19.04.2023);
221. Монгольская «перестройка» 1984-1987 годов и ее связь с внешней политикой. Монголия Сейчас. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.mongolnow.com/mongolskaya-perestrojka-1984-1987-godov-i-ee-svyaz-s-vneshnej-politiko/> (дата обращения 20.05.2023);
222. Ни Путин, ни Си Цзиньпин не полетят на саммит ШОС в Дели. Независимая газета. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.ng.ru/world/2023-07-02/1_8762_summit.html (дата обращения 22.10.2023);
223. Официальная позиция Монголии по украинскому кризису: приоритет национальных интересов и тонкости формулировок. [Электронный ресурс]. — URL: <https://journal-neo.org/ru/2023/02/02/ofitsial-naya-pozitsiya-mongolii-po-ukrainskomu-krizisu-prioritet-natsional-ny-h-interesov-i-tonkosti-formulirovok/> (дата обращения: 02.06.2023);
224. О Шанхайской организации сотрудничества. [Электронный ресурс]. — URL: http://rus.sectsco.org/about_sco/20151208/16789.html (дата обращения 1.05.2023);
225. Пашинян подписал декларацию о признании Карабаха частью Азербайджана. ИА Регнум. [Электронный ресурс]. — URL: <https://regnum.ru/news/3837385> (дата обращения 11.07.2023);
226. Переговоры с Председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом Монголии Цахиагийн Элбэгдоржем (2014). [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/46599> (дата обращения 3.05.2023);
227. Почему ценности «западной демократии» не вытесняют пророссийские настроения в Монголии? [Электронный ресурс]. — URL: <https://journal-neo.org/ru/2022/12/20/pochemu-tsennosti-zapadnoj-demokratii-ne-vy-tesnyayut-prorossijskie-nastroeniya-v-mongolii/> (дата обращения: 02.06.2023);
228. Путин поручил кабмину рассмотреть создание коридора через Монголию и Китай. Ведомости. [Электронный ресурс]. — URL:

- <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2023/10/12/1000342-putin-poruchil-kabminu-rassmotret> (дата обращения: 02.06.2023);
229. Россия-Монголия: 25 заседание Межправительственной комиссии. [Электронный ресурс]. — URL: <https://journal-neo.su/ru/2023/11/07/rossiya-mongoliya-v-2023-godu-25-e-zasedanie-mezhpravitelstvennoj-komissii/> (дата обращения: 02.12.2023);
230. Россия и Монголия: потенциальные экономические проекты. [Электронный ресурс]. — URL: <https://journal-neo.org/ru/2023/03/20/rossiya-i-mongoliya-potenczialnye-ekonomicheskie-proekty/> (дата обращения: 02.06.2023);
231. Треугольник Россия-Монголия-Китай. [Электронный ресурс]. — URL: <http://ru.journal-neo.org//10/27/rus-treugol-nik-rossiya-mongoliya-kitaj> (дата обращения 7.04.2023);
232. Экономический коридор Россия-Китай-Монголия: инфраструктурный фокус. [Электронный ресурс]. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ekonomicheskij-koridor-kitay-mongoliya-rossiya-infrastrukturnyy-fokus/> (дата обращения: 15.05.2023);
233. Япония и Монголия: как экономические гиганты укрепляются в малых государствах. [Электронный ресурс]. — URL: <https://journal-neo.org/ru/2023/03/27/yaponiya-i-mongoliya-kak-ekonomicheskie-giganty-ukreplyayutsya-v-malyh-gosudarstvah/> (дата обращения: 02.06.2023);
234. 2022 National Defense Strategy, Nuclear Posture Review, and Missile Defense Review. [Electronic data]. — URL: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF> (дата обращения: 02.06.2023);
235. 2023 Military Strength Ranking. [Electronic data]. — URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (дата обращения: 4.06.2023);
236. China's Trade with the West in the Early Modern World. [Electronic data]. — URL: <https://brewminate.com/chinas-trade-with-the-west-in-the-early-modern-world/> (дата обращения: 02.06.2023);
237. China-Central Asia Summit. CGTN. [Electronic data]. — URL: <https://www.cgtn.com/specials/2023/china-central-asia-summit.html> (дата обращения: 02.06.2023);
238. France / Orano Signs €1.6 Billion Protocol For Uranium Mining In Mongolia : NucNet. The Independent Nuclear News Agency. [Electronic data]. — URL: <https://www.nucnet.org/news/orano-signs-eur1-6-billion-protocol-for-uranium-mining-in-mongolia-10-5-2023> (дата обращения: 13.11.2023);

239. Getting To Beijing: Henry Kissinger's Secret 1971 Trip. USC United States-China institute. [Electronic data]. — URL: <https://china.usc.edu/getting-beijing-henry-kissingers-secret-1971-trip#:~:text=July%209%2C%201970.%20Henry%20Kissinger,noted%2C%20came%20as%20a%20surprise> (дата обращения: 1.11.2023);
240. Global Soft Power Index. Brandirectory. [Electronic data]. — URL: <https://brandirectory.com/softpower/> (дата обращения: 1.05.2023);
241. JICA in Mongolia. [Electronic data]. — URL: <https://www.jica.go.jp/english/overseas/mongolia/office/index.html#:~:text=JICA%20Mongolia%20Office.%20Shangri-la%20Centre%2C,Ulaanbaatar%2015160%2C%20Mongolia.%20Tel%20%3A7505-8778> (дата обращения: 1.08.2023);
242. Joint Statement on the Strategic Third Neighbor Partnership between the United States of America and Mongolia. The White House. [Electronic data]. — URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/08/02/joint-statement-on-the-strategic-third-neighbor-partnership-between-the-united-states-of-america-and-mongolia/> (дата обращения 7.06.2023);
243. Ministry of Foreign Affairs of Mongolia. [Electronic data]. — URL: <https://mfa.gov.mn/en/> (дата обращения 7.06.2023);
244. Mongolia-Neutrality. Permanent Mission of Mongolia to the United Nations. [Electronic data]. — URL: <https://www.un.int/mongolia/news/mongolia-neutrality> (дата обращения 3.06.2023);
245. Mongolia - Taming the tyrannies of distance and isolation : a transport strategy for Mongolia (English). Washington, D.C. : World Bank Group. [Electronic data]. — URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/396491468779955006/Mongolia-Taming-the-tyrannies-of-distance-and-isolation-a-transport-strategy-for-Mongolia> (дата обращения 12.04.2023);
246. NATO - Topic: Relations with Mongolia. [Electronic data]. — URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_85297.htm (дата обращения 3.06.2023);
247. Now for the Hard Part: China's Growth in 2023 and Beyond. Rhodium Group. [Electronic data]. — URL: <https://rhg.com/research/now-for-the-hard-part/> (дата обращения 13.07.2023);
248. On China's Reaction to Dalai Lama's 14th Visit to Mongolia. [Electronic data]. — URL: <https://journal-neo.su/2016/12/02/on-chinas-reaction-to-dalai-lamas-14th-visit-to-mongolia/> (дата обращения 30.06.2023);

249. OSCE observers to start their mission by end of May. [Electronic data]. — URL: <https://montsame.mn/en/read/129931> (дата обращения 3.03.2023);
250. Political Barometer - 2022. Sant Maral Foundation. [Electronic data]. — URL: https://www.santmaral.org/_files/ugd/915e91_4864ac9e5acb445a966a8c952d6a4967.pdf (дата обращения 14.03.2023);
251. POLITBAROMETER 22(56), April 2023. Sant Maral San. [Electronic data]. — URL: https://www.santmaral.org/_files/ugd/915e91_658ad78e7b8e469d828b49a2c359e494.pdf (дата обращения 10.09.2023);
252. Progression of Nixon and Kissinger Opening the Door to China (1970-1973) – History 282 US Diplomatic History. [Electronic data]. — URL: <https://blogs.dickinson.edu/hist-282pinsker/2016/04/27/progression-of-nixon-and-kissinger-opening-the-door-to-china-1970-1973/> (дата обращения 10.09.2023);
253. REFINING - ENGINEERS INDIA LIMITED. Ministry of Petroleum and Natural Gas. Government of India. [Electronic data]. — URL: <https://mopng.gov.in/en/refining/engineers-india-limited> (дата обращения 8.11.2023);
254. The 14th Dalai lama, the 11th Panchen lama, and the 9th Jebtsundamba Baabar. Mn. [Electronic data]. — URL: <http://baabar.mn/article/the-14th-dalai-lama-the-11th-panchen-lama-and-the-9th-jebtsundamba> (дата обращения 8.06.2023);
255. The Belt and Road Portal. [Electronic data]. — URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/OT4ND13J.html> (дата обращения 16.09.2023);
256. The Third Belt and Road Forum for International Cooperation. [Electronic data]. — URL: <http://www.beltandroadforum.org/english/> (дата обращения 16.09.2023);
257. The United States Is Deeply Invested in the South China Sea. [Electronic data]. — URL: <https://foreignpolicy.com/2022/08/14/the-united-states-is-deeply-invested-in-the-south-china-sea/> (дата обращения 18.07.2023);
258. US & China: Redefining Competition and Cooperation. Forbes. [Electronic data]. — URL: <https://www.forbes.com/sites/earlcarr/2021/01/31/us-and-china-redefining-competition-and-cooperation-through-manufacturing-tech-and-innovation/?sh=28562cb331bf> (дата обращения 18.07.2023);
259. Where We Work. Mongolia - Mission Eurasia. [Electronic data]. — URL: <https://missioneurasia.org/mongolia/> (дата обращения: 15.05.2023);
260. World Bank Data. [Electronic data]. — URL: <https://data.worldbank.org/country/> (дата обращения: 4.06.2023);

261. Алтанбулаг-Замын-Үүдийн хурдны авто зам барих төслийн урьдчилсан ТЭЗҮ бэлэн болсныг ШХАБ-ын хуралдааны үеэр Ерөнхий сайд мэдэгдлээ. [Electronic data]. — URL: <https://mongolia.gov.mn/news/view/26527> (дата обращения 19.11.2023);
262. АНУ-Монголын стратегийн түншлэлийг дахин баталгаажуулжээ. [Electronic data]. — URL: <https://ikon.mn/n/2043> (дата обращения 12.05.2023);
263. Бидний тухай. Оюу Толгой. [Electronic data]. — URL: <https://www.ot.mn/бидний-тухай/> (дата обращения 12.05.2023)
264. Боомтын сэргэлт хэлэлцүүлэг боллоо. [Electronic data]. — URL: <https://www.mof.gov.mn/article/entry/20220328> (дата обращения: 2.05.2023);
265. Боомтын сэргэлтийн сайдаар Х.Булгантуяа, ЭМ сайдаар С.Чинзориг, БХБ-ын сайдаар Ц.Даваасүрэн нарыг дэмжлээ. [Electronic data]. — URL: <https://zarig.mn/12o9> (дата обращения 12.04.2023);
266. Бусийн тээвэр, логистикийн холболтыг бэхжуулэх нь сэдэвт тээврийн долоо хоног улсын форум эхэллээ. [Electronic data]. — URL: <https://mrt.d.gov.mn/i/3792> (дата обращения: 3.05.2023);
267. В.Путин: Хятадын талтай “Сибирийн хүч-2” хийн хоолойн төслийг нарийвчлан хэлэлцсэн. [Electronic data]. — URL: <https://montsame.mn/mn/read/315140> (дата обращения: 3.05.2023);
268. Газрын тос боловсруулах үйлдвэрийн дэд бүтцийг ашиглалтад орууллаа [Electronic data]. — URL: <https://mrt.d.gov.mn/i/2142> (дата обращения: 28.10.2022);
269. Газрын тос боловсруулах үйлдвэрийн түүхий тос дамжуулах хоолойн барилга угсралтын ажил эхэллээ. [Electronic data]. — URL: <https://montsame.mn/mn/read/317870> (дата обращения: 28.10.2023);
270. Гуравдагч хөршийн бодлого. Гадаад харилцааны яам. [Electronic data]. — URL: <https://mfa.gov.mn/mongolian-foreign-policy/дипломат-харилцаа/third-neighbors> (дата обращения: 20.10.2023);
271. Ерөнхий сайд Л.Оюун-Эрдэнэ ШХАБ-ын гишүүн ажиглагч орнуудын хуралд оролцож, үг хэллээ. News. MN. [Electronic data]. — URL: <https://news.mn/r/2682395/>(дата обращения: 2.12.2023);
272. Ерөнхий сайд Л.Оюун-Эрдэнэ ШХАБ-ын гишүүн орнуудын засгийн газрын тэргуун нарын зовлолийн орготгосон хуралдаанд оролцож, Киргиз улсад айлчилна. Гадаад харилцааны яам. [Electronic data]. — URL: <https://mfa.gov.mn/76309> (дата обращения: 2.12.2023);

273. Ирак, Афганистан Улсад явагдсан энхийг дэмжих ажиллагааны ач холбогдол. Sonin.MN [Electronic data]. — URL: <https://sonin.mn/news/culture/139480> (дата обращения: 28.05.2023);
274. Монголын төмөр зам. Сайт. [Electronic data]. — URL: <https://www.mtz.mn/pages/about-us> (дата обращения: 28.05.2023);
275. Монгол, Орос, Хятад гурван улсыг холбосон төмөр замын төв коридорыг шинэчлэх, ТЭЗҮ-ийг эхлүүлэхээр тохиролцов. [Electronic data]. — URL: <https://ikon.mn/n/2054> (дата обращения 11.09.2023);
276. Монгол, Орос, Хятадын Төрийн тэргүүн нар уулзав - Монгол Улсын Ерөнхийлөгчийн Тамгын Газар. [Electronic data]. — URL: <https://president.mn/24745/> (дата обращения 11.09.2023);
277. Монгол Улс, Америкийн Нэгдсэн Улсын хооронд дипломат харилцаа тогтоосны 30 жилийн ойн хаалтын арга хэмжээ болов. Гадаад харилцааны яам. [Electronic data]. — URL: <https://mfa.gov.mn/43551> (дата обращения 11.10.2023);
278. Монгол Улс, Америкийн Нэгдсэн Улс, Япон Улсын хамтарсан мэдэгдэл. Гадаад Харилцааны Яам. [Electronic data]. — URL: <https://mfa.gov.mn/46420> (дата обращения: 28.05.2023);
279. Монгол Улс, БНХАУ-ын харилцааны лавлах. Гадаад Харилцааны Яам. [Electronic data]. — URL: <https://mfa.gov.mn/28018> (дата обращения: 28.05.2023);
280. Монгол Улс "мөнхийн хоёр хөрш"-ийнхөө харилцаанд сэв суулгахгүйгээр АНУ-тай ойртохыг хүсэж байна. [Electronic data]. — URL: <https://itoim.mn/a/2023/08/07/about-us/jbj> (дата обращения 17.12.2023);
281. Монгол Улсын бүсчилсэн хөгжлийн бодлого боловсруулахад “Монгол-Орос-Хятад”-ын эдийн засгийн коридорын дагуух хүн амын нутагшилт, суурьшлийн гео-орон зайн анализ. [Electronic data]. — URL: <http://portal.igg.ac.mn/dataset/961c235b-53d4-4145-a04b-eae6b9de571d/resource/120a2b58-3e2c-4961-8ae2-674067ac3048/download/paper-in-ereen-city1111.pdf> (дата обращения 17.12.2023);
282. “Монгол улсын төмөр замын шинэчлэл” зөвлөгөөний эргэн тойронд - Зам, тээврийн хөгжлийн яам. [Electronic data]. — URL: <https://mrted.gov.mn/i/105> (дата обращения: 23.11.2023);
283. Монгол Улсын Ундэстний Статистикийн Хороо. [Electronic data]. — URL: <https://1212.mn/> (дата обращения 11.09.2023);

284. Монгол Улсын Цомийн зэвсгээс ангид статусын 25 жилийн ойн хурэнд илгээлт солилцов. Гадаад харилцааны яам. [Electronic data]. — URL: <https://mfa.gov.mn/41948> (дата обращения 11.09.2023);
285. Монгол, Хятадын Парламент хоорондын ээлжит байнгын уулзалт Бээжин хотноо болов. [Electronic data]. — URL: <https://montsame.mn/ru/read/80652> (дата обращения 11.12.2023);
286. Орос, Хятад хоёрын дундах Монгол орон буюу Монгол Улс ов уламжлалаа хадгалан хамгаалах зайлшгүй шаардлагатай болох нь (1990-2005 оны хооронд монгол судлаачийн хийсэн ажиглалт). [Electronic data]. — URL: <http://www.baabar.mn/article/oros-khyatad-khoyoriin-dundakh-mongol-oron-buyuu-mongol-uls-uw-ulamjlalaa-khadgalan-khamgaalakh-zailshgui-shaardlagatai-bolokh-ni-1990-2005-onii-khoorond-mongol-sudlaachiin-khiisen-ajigalt> (дата обращения 17.10.2023);
287. Оюу Толгой. Рио Тинто. [Electronic data]. — URL: <https://www.riotinto.com/mn-mn/mn/oyu-tolgoi> (дата обращения 11.12.2023);
288. Путин: Хятадын талтай “Сибирийн хүч-2” хийн хоолойн төслийг нарийвчлан хэлэлцсэн. [Electronic data]. — URL: <https://montsame.mn/mn/read/315140> (дата обращения 1.12.2023);
289. Путины айлчлал ба шинэ Евроази. [Electronic data]. — URL: <https://ikon.mn/n/9z2> (дата обращения 11.12.2023);
290. С.Бямбацогт: Хил холболтын төмөр замууд барьж, шинэ гарцууд нээснээр 2030 онд төмөр замын хүчин чадал жилд 180 сая тонн болно. [Electronic data]. — URL: <https://montsame.mn/mn/read/330762> (дата обращения: 12.11.2023);
291. Си Зиньпиний Монголд айлчлахаасаа өмнө гаргасан шийдвэр. [Electronic data]. — URL: <https://ikon.mn/n/9n0> (дата обращения 10.12.2023);
292. Статистикийн мэдээллийн нэгдсэн сан. [Electronic data]. — URL: https://www.1212.mn/mn/statistic/statcate/573052/table-view/DT_NSO_0500_022V1 (дата обращения 10.12.2023);
293. Тооны хэлээр: 2023 оны гадаад худалдааг дүрслэн харвал. [Electronic data]. — URL: <https://itoim.mn/a/2023/09/11/economy/quw> (дата обращения 11.12.2023);
294. Төмөр замын тээврийн тухай хуулийн төсөл болон хамт өргөн мэдүүлсэн бусад хуулийн төсөл. [Electronic data]. — URL: <https://d.parliament.mn/tusul/1edf9b27-79dd-4fb3-ba97-569cd3d8d562> (дата обращения 11.04.2023);
295. Улаанбаатар-Дархан чиглэлийн авто замын ажлыг аравдугаар сарын 30-нд дуусгаж, тээврийн хэрэгслийн хөдөлгөөнийг нээхээр төлөвлөж байна.

- [Electronic data]. — URL: <https://ikon.mn/n/2msy> (дата обращения: 6.10.2022);
296. Францын компанитай хамтарч “Чингис сат” үндэсний хиймэл дагуул бүтээхээр боллоо. [Electronic data]. — URL: <https://montsame.mn/mn/read/328977> (дата обращения 23.11.2023);
297. Шивээхурэн-Сэхээ боомтын хил дамнасан томор замын холболтын асуудал эцэслэн шийдвэрлэгдлээ. [Electronic data]. — URL: <https://mrttd.gov.mn/i/3763> (дата обращения 11.04.2023);
298. Шинэ агуулгаар баяжсан Монгол-Энэтхэгийн стратегийн түншлэл. [Electronic data]. — URL: <https://montsame.mn/mn/read/201724> (дата обращения 11.04.2023);
299. Эгийн гол-хөгжлийн гол. Монгол Улсын Эрчим Хучний Яам. Цахилгаан худас [Electronic data]. — URL: <https://energy.gov.mn/c/238> (дата обращения: 6.10.2022);
300. Эрдэнэбүрэнгийн усан цахилгаан станц төсөл. Монгол Улсын Эрчим Хучний Яам. Цахилгаан худас [Electronic data]. — URL: <https://energy.gov.mn/c/1157> (дата обращения: 06.10.2022);
301. Эрх зүйн акт дэлгэрэнгүй. [Electronic data]. — URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=16390082551211&showType=1> (дата обращения 23.04.2023);
302. 中苏联合公报 [Electronic data]. — URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E8%8B%8F%E8%81%94%E5%90%88%E5%85%AC%E6%8A%A5/3540265> (дата обращения: 18.11.2023);